



## КОНФЕРЕНЦИЯ

---



ТЕЗИСЫ ДОКЛАДОВ УЧАСТНИКОВ IV МЕЖДУНАРОДНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ  
«Комплексный подход в изучении Древней Руси»  
(организована при поддержке РГНФ (грант 07-0114017г))

*С. Н. Азбелев (Санкт-Петербург)*

### ДРЕВНЕРУССКИЕ ГЕРОИЧЕСКИЕ СКАЗАНИЯ В МЕЖДУНАРОДНОМ КОНТЕКСТЕ

Героические сказания (Heldensagen), общее определение которых на международном материале предложил К. В. фон Зюдов еще в 30-е годы прошлого века, можно считать как бы промежуточным звеном между песенными и прозаическими видами исторического эпоса. Русские сказания данного типа почти полностью ушли из живого репертуара ко времени, когда началось научное собирание устной поэзии. Наиболее совершенные образцы их представлены текстами, сохранившимися в средневековых рукописях. Академик И. И. Срезневский первым определил, что тексты этого рода — не литературные сочинения, а записи и обработки устных произведений. Результаты сопоставления с немногочисленными записями XIX в. позволяют говорить о принадлежности тех и других к одному виду устной поэзии.

Среди имеющихся текстов героических сказаний большую часть составляют фиксации произведений, объединенных общей темой, но сильно различающихся по времени записи. Тема их — Куликовская битва 1380 г. и ряд связанных с ней событий, а хронология рукописей, содержащих записи, — с XV по XIX в. Отображения иных событий дают менее богатый материал по числу записей и по их хронологическому диапазону, а наиболее ранние письменные фиксации в большей степени удалены по времени от исходных фактов. Примером, о котором можно сказать, что богатство устной традиции отвечало исторической весомости отправных событий, является как раз цикл, посвященный разгрому татарского нашествия.

Героические сказания — одна из групп произведений этого цикла, представленного главным образом былинами, а также историческими песнями, духовными стихами, преданиями и даже сказками. Поэтому изучение изобразительных средств самих сказаний в данном случае может производиться (и уже дает ощутимые результаты) при сопоставлении с записями упомянутых жанров.

Но следует принять во внимание важные особенности художественных запросов той профессионально-воинской дружинной среды, которая исчезла с исторической арены задолго до того, как началось записывание былин или исторических песен. Поэтому искать аналогии следует и в тех видах устной поэзии, которые отражали наиболее непосредственно настроения этой среды.

Вследствие принципиального сходства наиболее общих черт военного быта и воинской идеологии на Руси и в других странах средневековой Европы там и тут существовала поэзия собственно воинская, продолжавшая традиции, унаследованные от X—XII столетий. При этом в упомянутые века происходили контакты населения русских земель, особенно его верхнего социального слоя, с выходцами со скандинавского Севера. Для конца XIV в. это явление было уже достаточно далеким прошлым.

Но порожденные ордынским игом суровые условия общественной жизни должны были способствовать сохранению воинской поэзии такого же типа, какой ранее получал достаточно своеобразное воплощение в творчестве скальдов.

Я далек от мысли искать в поэтическом наследии средневековой Руси кеннинги, аллитерационный стих, дротткветную строфу и прочие черты, составляющие формальные признаки скальдической поэзии. Такого рода особенности, в значительной своей части связанные неразрывно с самим строем языка, вряд ли вообще могут иметь прямые соответствия в поэзии другого народа, принадлежащего к иной языковой группе. Важна не степень формального сходства или различия, а доказуемая конкретно степень реальной близости, если позволительно так выразиться, эмоционально-содержательной.

Производились, например, типологические сопоставления некоторых черт поэзии скандинавских скальдов и аналогичных проявлений в устном творчестве ирландских бардов. М. И. Стеблин-Каменский писал по данному поводу, что нужно не сходство объяснить результатом влияния, а, напротив, влияние рассматривать как результат стадияльного сходства, которое «вытекает из факта социальной обусловленности литературных явлений»; он замечал вместе с тем, что «сходство это не исключало и существенных различий, из которых с точки зрения теории литературного развития наиболее существенным представляется большая застойность ирландской культуры по сравнению со скандинавской»<sup>1</sup>.

В культуре Древней Руси после ордынского завоевания произошли консервация и даже некоторое опрощение многих достижений X—XII в. По отношению к ней можно также говорить об элементах застойности, вызванных условиями ига и его последствиями. Неудивительно, что русские тексты, имеющие типологические соответствия в произведениях скальдов, обнаруживаются и в записях, осуществленных намного позже затухания и исчезновения скальдической поэзии в Скандинавии.

Естественным оказывается, например, странный лишь на первый взгляд факт, что имя рязанца Софония как автора поэтического текста о Задонщине закрепляется и в позднейшей его редакции, и в ряде разновидностей Сказания о Мамаевом побоище. То обстоятельство, что авторство Софония сохранялось, по-видимому, именно *устной* традицией XV—XVI в., имеет прямую аналогию в устной поэзии скальдов, где осознанное и сохранявшееся традицией личное авторство — одно из наиболее заметных отличий от эпических песен, аналогичных былинам. Включение скальдических строф в прозаические саги, присущее довольно многим из них, имеет типологические параллели в ряде текстов Сказания о Мамаевом побоище, где встречаются и фрагменты из текста Софония, и поэтические пассажи того же типа, не имеющие в нем соответствий.

Чередование прозаических текстов с поэтическими включениями было характерно как для скандинавских саг, так и для бытующих до сих пор дастанов тюркских народов, к которым принадлежали в X—XII столетиях тогдашние кочевники южнорусских степей. Достаточно известно, что русские контактировали с ними не только на полях сражений, о чем в особенности свидетельствуют династические браки.

Выяснение межжанровых связей и типологических параллелей при исследовании героических сказаний средневековой Руси целесообразно увязывать с изучением их поэтики, особенности которой таким путем легче могут быть уяснены.

---

<sup>1</sup> Стеблин-Каменский М. И. Происхождение поэзии скальдов // Скандинавский сборник. Таллин, 1958. Т. III. С. 194.

А. И. Алексеев (Санкт-Петербург)

## К ИЗУЧЕНИЮ ТВОРЧЕСКОЙ ИСТОРИИ «ПРОСВЕТИТЕЛЯ» ИОСИФА ВОЛОЦКОГО

«Книга на еретиков» Иосифа Волоцкого, получившая в поздней традиции наименование «Просветителя», является произведением, которое открывает собой новую эпоху в литературе и книжности средневековой

Руси. Редкий обобщающий труд обходится без упоминания загадочной «ереси жидовствующих», при этом степень изученности основного источника наших знаний об этом феномене является совершенно неудовлетворительной.

Эпохой в изучении «Просветителя» стали работы Я. С. Лурье, который опубликовал комплекс Посланий Иосифа Волоцкого и ввел в оборот тексты «слов», бытовавших в неполных видах памятника или отдельно. Эти тексты были охарактеризованы как более ранние источники, предшествовавшие «Просветителю». По Я. С. Лурье, творческая история памятника выглядит следующим образом. 1) Между 1478 и 1500 г. были написаны обличавшие ересь Послания Иосифа Волоцкого; 2) В 1502–1504 г. на основании этих Посланий была создана Краткая редакция «Просветителя»; 3) Пространная редакция создается в 1511–1512 г. и затем редактируется самим Иосифом в интересах политической борьбы вплоть до 1515 г. По Я. С. Лурье, Краткая и Пространная редакции отражают этапы становления идеологии Иосифа Волоцкого.

Согласно Я. С. Лурье, древнейший вид памятника представлен беловым списком (до 1508 г.), предназначенным для вклада, причем он переписан рукой ученика, нарушившего волю учителя, и Сорского аскета, разделявшего далеко не все взгляды Иосифа. При этом совершенно недостаточное внимание уделено спискам, происходящим из Иосифо-Волоколамского монастыря: ГИМ. Епарх. 339 и 340. По филиграммам эти списки уверенно датируются концом XV — началом XVI в. Их внешний вид разительно отличается от Соловецкого списка: формат в 8-ю долю, плохое качество бумаги, а главное, большое количество помет на полях и исправлений текста. Оба списка дефектны: начальные части и 12-е «слово» механически удалены. Сравнение указанных списков с текстом в списке Сол. 326 обнаруживает, что большая часть помет в списках из Епархиального собрания находится в тексте Сол. 326. Это позволяет поставить вопрос об их первичности.

Но сколько же слов содержалось в первоначальной редакции «Просветителя»? В аргументации в пользу 11-словной редакции большую роль играло мнение, что в тексте «Сказания о новоявившейся ереси» содержались краткие аннотации содержания 11 «слов». Обратившись к древнейшим спискам «Сказания», которые представлены в Сол. 326, а также Соф. 1462, легко убедиться, что здесь проаннотировано содержание 13 слов. Другим аргументом является указание А. А. Зимина на то, что 12-е слово текстологически зависит от Послания Иосифа Волоцкого И. И. Третьякову, которое датируется ок. 1511 г. Обращение к текстам обоих памятников обнаруживает, что совпадают лишь семь святоотеческих и канонических цитат, причем никаких оснований для того, чтобы настаивать на первичности Послания, нет. Таким образом, тезис о том, что первоначальный вид «Просветителя» представлен списком Сол. 326 как 11 «слов», опровергается.

Послужили ли источниками «Просветителя» тексты, бытовавшие в виде отдельных слов? В качестве таковых чаще всего указывают три слова об иконах (5-е, 6-е, 7-е слова «Просветителя»). Древнейший список (по Лурье — конец XV в.) этих слов представлен сборником РНБ. Соф. 1474. Сборник состоит из двух частей, вторая часть с текстами «слов» по филиграммам датируется первой четвертью XVI в. Сравнение текста слов об иконах со списками «Просветителя» ГИМ. Епарх. 339 и 340 обнаруживает, что большая часть правки, содержащейся на полях списков из Епархиального собрания, внесена в текст Соф. 1474. Второй отдельно бытовавший блок составляют «Сказание» и «слова о скончании седьмой тысячи». Древнейший список представлен рукописью РГБ. Муз. 2469, ныне Ф. 236 (Попов А. Н.) № 18, которая по водяным знакам датируется первой четвертью XVI в. Сравнение текста по этому списку с вышеуказанными списками «Просветителя» также склоняет в пользу мнения об их первичности.

С «Просветителем» тесно связан ряд Посланий Иосифа Волоцкого. Послание архимандриту Вассиану традиционно датируется 1479 г., в его тексте обнаруживаются параллели с текстами 1-го и 5-го слов «Просветителя». Если признать справедливость датировки Послания, то приходится заключить, что Иосиф вступил в полемику с «жидовствующими» еще до официального обнаружения ереси в 1487 г. Наблюдения над характером цитирования склоняют к выводу о первичности текста «Просветителя». Еще более тесная связь обнаруживается между Посланием Иосифа Нифонту (традиционно датируется до 1494 г.) и Предисловием, а также 12-м, 13-м, 14-м «словами» «Просветителя». Сравнительный анализ текстов, наряду с фактом использования общей для них цитаты в Послании Нила Полева старцу Герману, убеждает в первичности текста «Просветителя».

Единственным признаком для датировки Послания Нифонту 1492–1494 г. выступают нападки на митрополита Зосиму. Но известно, что Зосима и после оставления митрополии сохранял значительную часть своего авторитета и влияния. Например, посылка в Новгород архимандрита Кассиана, при дворе которого продолжились собрания еретиков, произошла уже при митрополите Симоне. Послание Нифонту необходимо рассматривать в ряду других, близких ему посланий Иосифа: Вассиану Санину, архимандриту Евфимию, архимандриту Вассиану, Митрофану Андронниковскому. Суммируя показания названных и других источников, можно прийти к выводу о том, что розыск ереси начался в 1502 г., причем главным местом действия стал Симонов монастырь, а главным информатором Иосифа — родной брат Вассиан Санин. Совпадение указанной даты с разрешением династического кризиса в пользу будущего Василия III дает основания для вывода о том, что подлинные причины, побудившие начать борьбу с ересью, коренились в падении придворной партии Дмитрия-внука и Елены Стефановны. Исходя из того, что информация, дискредитирующая митрополита Зосиму и Федора Курицына, могла быть получена только после смены властей в Симоновом монастыре, приходим к выводу, что началом работы над «Просветителем» стал 1502 г., а к 1504 г. памятник уже существовал в объеме 14 «слов».

*С. В. Алпатов (Москва)*

## ДВУЯЗЫЧНЫЕ РАЗГОВОРНИКИ XVI–XVII в.: ФОЛЬКЛОРНЫЕ МОДЕЛИ В СТРУКТУРЕ МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ

Материалы русско-немецких разговорников Т. Шрове (1546), Т. Фенне (1607), анонимного разговорника (ок. 1551), записной книжки Р. Джемса (1618) и ряда других регулярно привлекают внимание лингвистов, историков культуры, в меньшей степени фольклористов (исключение составляют записи исторических песен в дневнике Р. Джемса). Между тем в указанных разговорниках помещены развернутые речевые контексты, нередко полноценные диалоги, отражающие определенный круг жизненных ситуаций (повседневный быт, гости, торговые операции, путешествие, вероисповедание), совпадающий в своих границах с базовыми сферами фольклорной традиции (дом, дорога, чужой мир, обмен / обман / доверие). Тем самым представляется уникальная возможность проанализировать регулярно повторяющиеся (часто дословно воспроизводимые, кочующие из разговорника в разговорник) речевые формулы, определить характер их стереотипии, зависимость от ритуализованных форм средневекового быта, выявить фольклорные корни / фольклорный фон той или иной формулы.

Центральные для анализируемых разговорников сферы торгового обмена и путешествия уже подвергались лингвистическому и историко-культурному анализу (работы О. С. Мжельской, А. Л. Хорошкевич и др.). Вместе с тем привлечение широкого круга фольклорных контекстов позволяет установить не только наличие концептуального инварианта для целого ряда формул («Весел, весь прямо да не провесь души своей», «Не нарови никому да скажи на обе стороны прямо без коловерти», «Не возьми ты на свою душу, отдай ты мое прямо да души твоей не потопи» и т. п.), но и прямые соответствия среди народных пословиц и поговорок («Сиди криво, да суди прямо»).

Сходные наблюдения над контекстами общения в доме (в особенности между хозяином и слугой), в гостях и дружеской беседе, при встрече на улице, в ситуации спора-ссоры позволяют сделать выводы о стремлении иностранных гостей активно использовать не только нейтральные этикетные формулы («Како тебя Бог милует?») и обобщенные пословичные суждения («Женка не гуся — на стену не повесить»), но и такие маркированные формы русской фольклорной культуры, как заговоры, проклятия, брань, бытовой глум («Отступи от света, батька твой не поставил стекол в гузно, как день в окно светит»), «скоморошья» прибаутки («У меня есть продажной: четыре бумажники, да три хомутины, да две рогожины, да кожа угориная — тим товаром я великой купчина»). Отдельный интерес представляют контексты дискуссий о достоинствах собственной и недостатках чужой культуры, не только реализующие фундаментальную этнокультурную оппозицию свое/чужое, но и задействующие типичные фольклорные реалии и метафоры (сравнение ржаного хлеба с глиной, местного пива с мочой и т. д.).

Выявленные на материале разговорников стереотипные коммуникативные и речевые контексты бытового и делового общения находят типологические соответствия в жанровой структуре и речевом формуляре берестяных грамот (ср. грамоты № 292 и № 753 с заговорами на карельском и немецком языках соответственно; № 403 русско-карельский словарик с экспрессивно-оценочной лексикой; № 881, 436, 439 и иные, посвященные торговым взаимоотношениям, в том числе с иноземными купцами).

Проведенные наблюдения не только позволяют констатировать присутствие значительного числа фольклорных текстов в составе двуязычных разговорников и, следовательно, в структуре непосредственных контактов представителей двух культур, но и дают возможность установить роль фольклорных формул в создании речевой маски иноземного гостя — коммуникативно успешного, адекватного ситуации общения, владеющего прецедентными текстами разных функциональных сфер (будь то религиозные убеждения, бизнес или бытовая склока).

В. П. Аникин (Москва)

## ОТНОШЕНИЕ КНИЖНИКОВ ДРЕВНЕЙ РУСИ К ФОЛЬКЛОРУ (К ВОПРОСУ О ХАРАКТЕРЕ УСТНЫХ ТРАДИЦИЙ И О ПРАКТИКЕ СОВРЕМЕННЫХ ПУБЛИКАТОРОВ)

1. В современной науке получил широкое распространение взгляд о локальной сущности фольклора. Во многом этот взгляд обусловлен непосредственной практикой. Собираетел чаще всего изучает то, что наблюдает и что имеет «под рукой». Отсюда распространенность публикаций, поставленных в рамки мест собирания. Этот тип публикации, возведенный в принцип, часто оборачивается утратой или ослаблением понятия об общерусском характере фольклора. С точки зрения представления о сочетании в фольклоре общерусских и локально-региональных свойств будет небесполезным рассмотреть, как толковали фольклор первые стихийные «фольклористы», книжники Древней Руси. Их понимание сути соотношения общерусского и местного начал в фольклоре по-своему представляет интерес для современной науки. Книжники Древней Руси воспринимали фольклор как *общеэтническое* творчество, видели в нем *общекультурные* и *общенародные*, а не только локальные и региональные особенности. Под *региональностью* они разумели ту же *локальность* (имевшую при этом некоторую самостоятельность), но и региональные и локальные свойства принимались всегда как проявления единого типа творчества, единообразного в смысле принадлежности народной массе. Такое осознание фольклора присутствует почти при каждом упоминании или «цитировании» фольклора в летописях. К примеру, показательное суждение летописца о том, кем был основан Киев. По мнению летописца, незнающие истины говорят, что Кий был простым перевозчиком: «Ини же, не свѣдуше, рекоша, яко Кий есть перевозникъ былъ тогда с оной стороны Днѣпра», отчего и говорили: «*на перевозъ на Киевѣ*»<sup>1</sup>. Казалось бы, упоминается только местное выражение. И летописец не сомневается в его привязанности к Киеву, но не сомневается и в его *общеизвестности*, он оспаривает *ходячий* тип толкования. Тип таких общеэтнических выражений распространен в топонимических преданиях.

Такой же характер восприятия у летописца налицо и при «цитировании» выражения «Погибоша аки обрѣ» с пояснением: «И есть же притѣча в Руси и до сего дне»<sup>2</sup>. Тут говорится о распространении притчи *по Руси*, хотя конкретность суждения связана с историей только племени дулебов.

Аналогичным образом в летописи рассказывается о походе князя Владимира на болгар (в год 6493 [985]) с упоминанием фольклорного выражения как части клятвы: «Толи не будетъ межю нами мира, оли камень начнетъ плавати, а хмель почнетъ тонути»<sup>3</sup>. Распространенность выражения давно установлена исследователями и не находится в прямой исключительной связи только с рассказом о болгарском походе. Это *ходячее* фольклорное выражение.

---

<sup>1</sup> ПВЛ. Ч. 1. М.; Л. 1950. С. 13.

<sup>2</sup> Там же. С. 14.

<sup>3</sup> Там же. С. 59.

И другие случаи включения фольклора в письменность Древней Руси свидетельствуют о понимании книжниками общенародного, а не только местного характера устного творчества.

2. Региональность и локальность фольклора в последнее время получили широкое признание. Этим свойствам придается чрезмерное значение, и такой подход теснит толкование *общерусского творчества в фольклоре*. Принцип областного и местного анализа, безусловно, оправдан в качестве практического издательского решения, но, когда совершается выход за пределы практики и собиратель-полевик при издании ограничивает *генетическую* основу фольклора и, тем более, когда абсолютизирует местные свойства, тут ошибок не избежать. Местный фольклорный материал становится объектом неущербного изучения, когда публикуется с толкованием как *явление общерусского и общенародного творчества*.

В науке накоплен значительный опыт удачных сводных общерусских публикаций. Назову лишь одну, в основу которой положен ясно осознанный принцип принадлежности фольклора всему русскому народу, — это известное издание А. И. Соболевского «Великорусские народные песни»<sup>4</sup>. Академический тип такого издания (тематико-жанровый) повторен при переиздании ряда классических собраний. Принципу следуют многие. Из работ иного, но уже современного эдиционного типа можно назвать: «Фольклор Калужской области в записях и публикациях XIX — начала XX в.», «Фольклорные сокровища Московской земли. Обряды и обрядовый фольклор»<sup>5</sup> и ряд других новейших публикаций. Сборники московского и калужского фольклора — «итоговые», сводные, но принцип осмотрительного воспроизведения «полевых записей» на основе осознания их общей природы присутствует таким образом, что не заслоняет общерусского характера фольклора. Конечно, каждая из работ обладает спецификой, публикаторы реализуют всякий раз особенный замысел, но он не мешает сборникам оставаться ориентированными на издание общерусского фольклора.

---

<sup>4</sup> Соболевский А. И. Великорусские народные песни. СПб., 1895—1902. Т. I—VII.

<sup>5</sup> Фольклор Калужской области в записях и публикациях XIX — начала XX в. Народные обряды и поэзия / Сост. Н. М. Ведерникова. М., 1997. Сер. «Русская традиционная культура». Вып. 1; Фольклорные сокровища Московской земли. Обряды и обрядовый фольклор / редколлегия: В. М. Гацак, В. А. Бахтина, Т. М. Ананичева. М., 1997.

Т. И. Афанасьева (Санкт-Петербург)

## К ВОПРОСУ О РЕДАКЦИЯХ СЛАВЯНСКОГО ПЕРЕВОДА ДИАТАКСИСА ПАТРИАРХА ФИЛОФЕЯ КОККИНА

Вопрос о редакциях и об авторстве славянских переводов устава Божественной литургии (Диатаксиса) патриарха Филофея Коккина был впервые поставлен И. Д. Мансветовым. В своей монографии, посвященной литургической деятельности митрополита Киприана, Мансветов выделяет два славянских перевода Диатаксиса — перевод болгарского патриарха Евфимия Тырновского и перевод митрополита Киприана<sup>1</sup>. Изучив славянский перевод Диатаксиса, находящийся в рукописи ГИМ. Син. 601, в которой имеется приписка о собственноручном написании этой книги митрополитом Киприаном Мансветов пришел к выводу, что этот перевод близок к греческому тексту устава Филофея, опубликованному Гоаром<sup>2</sup>, но имеет ряд отличий в количестве просфор на проскомидии и в ряде богослужебных указаний.

Н. Ф. Красносельцев продолжил исследование славянского перевода Диатаксиса. Он нашел семь греческих текстов устава литургии, среди которых есть списки, имеющие атрибуцию патриарху Филофею, и опубликовал их, снабдив краткими литургическими комментариями<sup>3</sup>. Красносельцев также нашел среди славянских рукописей Ватиканской библиотеки служебник-конволют, содержащий Устав божественной литургии, записанный отдельно от текста литургии. Красносельцев опубликовал этот устав

---

<sup>1</sup> Мансветов И. Д. Митрополит Киприан в его литургической деятельности. М., 1882. С. 21—23.

<sup>2</sup> Goar J. Euchologion sive rituale Graecorum. Venetiis, 1730. P. 47—69.

<sup>3</sup> Красносельцев Н. Ф. Материалы для истории чинопоследования литургии святого Иоанна Златоустаго. Казань, 1889.



и выдвинул предположение, что славянский перевод был выполнен митрополитом Киприаном, проводившим реформу русского богослужения в конце XIV в.<sup>4</sup>

Дальнейшая разработка вопроса о славянских переводах и авторстве Диатаксиста принадлежит А. М. Пентковскому. Он высказал мнение о том, что славянский перевод Диатаксиста, приписываемый Киприану, на самом деле был выполнен при митрополите Алексии. По мнению исследователя, существует два перевода Диатаксиста. Устав из Ватиканского списка, изданный Красносельцевым, — это перевод митрополита Алексия, поскольку он по некоторым особенностям, а именно: по наличию памяти митрополита Петра, по направленности на богослужебные традиции Святой Софии и др., близок переводу Иерусалимского устава, выполненного Алексием для созданного им Чудова монастыря<sup>5</sup>. Перевод митрополита Киприана, по мнению Пентковского, находится в служебниках ГИМ. Син. 268 и Син. 326, поскольку они имеют южнославянские особенности в орфографии и текстуально близки к служебнику Евфимия Тырновского<sup>6</sup>.

По нашим наблюдениям, существует три редакции славянского перевода Диатаксиста. Первая редакция связана с деятельностью болгарского патриарха Евфимия Тырновского. Она известна в двух болгарских списках — Зографском свитке (Зограф.1.г.12 кон. XIV в.) и Зографском служебнике (НБКМ. № 231. Кон. XIV в.). В Зографском свитке имеется прямая атрибуция перевода Евфимию. Их нашел и издал в 1890 г. П. А. Сырку<sup>7</sup>. Эта редакция очень редко встречается в славянской рукописной традиции, кроме этих двух списков известен молдавский служебник Солов. 1015/1124 XVI в., который Сырку использовал в критическом аппарате в своем издании.

Вторая редакция не имеет прямой атрибуции какому-либо конкретному лицу, она известна в многочисленных сербских, а также в некоторых болгарских и русских служебниках (ГИМ. Попов. 101/M2447 болг.; Хлуд. 114 серб.; РГБ. Рум. 400 серб.; РНБ. Соф. 975 рус.; Соф. 534 рус.; Соф. 535 рус.; Q.I.1116 серб., Q.I.1117 серб., Q.I.1178 серб., Q.I.1179 серб., Q.I.1180 серб., Погод. 38 молд.), причем русские списки зачастую имеют следы прямого копирования с сербского оригинала. Назовем эту редакцию Афонской, поскольку устав этой редакции всегда соединяется с литургией Иоанна Златоуста Афонской редакции<sup>8</sup>.

Третья редакция известна только в русских рукописях, в ряде этих рукописей имеется атрибуция перевода митрополиту Киприану. Эта редакция неустойчива по своему составу, с течением времени она подвергалась то сокращениям, то интерполяциям. Именно она превалирует в русской рукописной традиции и вызывает дискуссии в вопросе об авторстве.

Диатаксист третьей редакции, т. е. редакции Киприана, известен в двух версиях — ранней, сохранившейся в пергаменном служебнике конца XIV в. из собрания Ватиканской библиотеки Vat.slav. 14, и поздней, имеющейся в русских служебниках с первой половины XV в. Ранняя версия Диатаксиста атрибутирована патриарху Филофею (как в редакции Евфимия), тогда как в более поздних источниках она уже приписывается Иоанну Златоусту.

Ранняя версия перевода Диатаксиста патриарха Филофея изначально, по-видимому, не была связана с последованием литургии. В дальнейшем Диатаксист начинает размещаться в последовании литургии: в пергаменном служебнике ГИМ. Син. 601 диатаксист распределен по всему последованию литургии. Однако оба пергаменных списка устава литургии относятся к одной редакции, вопреки мнению А. М. Пентковского, считающего, что текст устава, распределенного по последованию литургии в Син. 601, — это более поздняя версия славянского перевода, сделанная при митрополите Киприане, а версия в Vat.slav. 14 — это редакция митрополита Алексия<sup>9</sup>. Коллажи обоих списков позволяют утверждать, что в них отсутствуют редакционные разночтения, свидетельствующие о сознательном изменении текста, и

<sup>4</sup> Красносельцев Н. Ф. Сведения о некоторых литургических рукописях Ватиканской библиотеки, с замечаниями о составе и особенностях богослужебных последований, в них содержащихся, и с приложениями. Казань, 1885. С. 171–194.

<sup>5</sup> Пентковский А. М. Из истории литургических преобразований в Русской церкви в третьей четверти XIV столетия (литургические труды святителя Алексия, митрополита Киевского и всея Руси) // Символ. № 29. 1993. С. 225–231.

<sup>6</sup> Там же. С. 231–234.

<sup>7</sup> Сырку П. А. К истории исправления книг в Болгарии в XIV веке. Литургические труды патриарха Евфимия Тырновского. СПб., 1890. Т. I. Вып. 2. С. 1–31.

<sup>8</sup> Афанасьева Т. И. Южнославянские переводы литургии Иоанна Златоуста // Многократные преводы в Южнославянского Средневековье. София, 2006. С. 261–262.

<sup>9</sup> Пентковский А. М. Из истории литургических преобразований в Русской церкви в третьей четверти XIV столетия. С. 231–234.



распределение текста устава по последованию литургии не повлекло за собой никаких исправлений. Изменения в устав литургии начали вноситься в начале XV в., по-видимому, после Киприана, и они имели целью объединить в единое целое различия Афонской и Киприановской редакций. Об этом свидетельствуют многие древнерусские служебники, например, ГИМ. Син. 952; РНБ. Соф. 531 начала XV в.; Соф. 536; Соф. 538 первой половины XV в. К этой же «послекиприановской» редакции относится служебник ГИМ. Син. 326, а также устав литургии в рукописи ГИМ. Син. 268, которые А. М. Пентковский связывает с деятельностью Киприана. Устав Филофея подвергается существенным сокращениям: была оставлена без изменения только его начальная часть, где описывается проскомидия, и этот устав проскомидии стал записываться как отдельная статья перед литургией. В самом последовании литургии были сохранены некоторые рубрики устава, вставлена молитва на чтение Евангелия (которой не было в ранней версии Диатаксиса), а в эпиклесис анафоры — тропарь 3-го часа. В таком виде литургия Иоанна Златоуста встречается в большинстве русских служебников XV и XVI в., однако трансформация структуры чинопоследования никак не отражается на текстах молитв, которые сохраняют свои индивидуальные чтения вплоть до первопечатного русского служебника, изданного в Москве в 1602 г.

*Н. В. Башнин (Вологда)*

### СИНОДИКИ ДИОНИСИЕВО-ГЛУШИЦКОГО МОНАСТЫРЯ XVII—XVIII в.: ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ

Поминальные книги, или синодики (помянники), являются частью комплекса источников (монастырские вкладные, кормовые книги, списки погребенных и др.), который позволяет изучать коммеморационную практику монастырей русского Средневековья.

Н. И. Суворов в книге о Глушицком монастыре (1870 г.) указывает на 3 бумажных синодика: 2 в пол-листа и один в 4-ю долю листа. По почерку все 3 писаны не ранее XVII столетия. Два из них находятся в Вологодском государственном историко-архитектурном и художественном музее-заповеднике (далее — ВГИАХМЗ). Часть другого синодика (форматом — F<sup>0</sup>, объемом 7 л.) была найдена А. А. Амосовым в результате археографической экспедиции библиотеки Академии наук СССР в 1977—1978 г. (хранится в БАН СПб). Нами выявлен еще один пергаменный помянник XVII в., о котором не знал Н. И. Суворов. Всего синодиков из Дионисиево-Глушицкого монастыря до нас дошло 4.

Обратимся к двум синодикам, хранящимся в секторе письменных источников ВГИАХМЗ. Первая рукопись XVII в. (40-е годы XVII в.) форматом в четверть листа (Q<sup>0</sup>), без переплета, объемом 331 лист. Есть миниатюры. Она поступила из Покровского Глушицкого монастыря в 20-х годах XX в. Синодик содержит литературное предисловие.

Основная часть рукописи была написана одним почерком, строгим уставом, но потом было сделано значительное количество приписок. По нашим подсчетам, в синодике содержится 7805 имен в 850 родах, в среднем 9 имен в роду. В некоторых родах имен более 100, в других ни одного — просто именование рода, но по большей части это записи небольших родов (3—15 имен, преимущественно крестьянских из окрестностей монастыря). Мужских имен — 5211 (взрослых — 4882, из них обозначены как убитые — 90, утонувшие — 17, сгоревшие — 2; мальчиков — 329, один из них убитый младенец). Женских имен — 2594 (взрослых — 2261, из них одна женщина была убита, одна утонула; девиц — 71, одна из них была убита; девочек — 262).

При записи рода указывалось его происхождение. В основном это были волости, окружающие Глушицкий монастырь (Бохтюжская, Двиницкая, Рабангская и др.), в них проживала основная масса лиц (крестьяне), упомянутых в синодике. Но в первую очередь в рукописи были перечислены вселенские патриархи, русские митрополиты, великие князья и княгини (цари и царицы). Отдельно выделено поминание Дионисия и Амфилохия. В памятнике особо были перечислены «постриженники сия обители», судя по этому перечню, с момента основания монастыря (1400 г.) до середины XVII в. монахов, проживавших в нем, было не менее пятисот. Также был выделен род вкладчиков.





Интересна «горизонтальная» коммеморационная связь между монастырями края. В роду черного попа Матфея, постриженника Спасо-Каменного монастыря (Дионисий Глушицкий в нем стал монахом), упоминается некий инок Еремей, над именем которого киноварью помечено «Лопотова мнстря» (Григорий Лопотов, основатель этой обители, был учеником Дионисия Глушицкого). Ю. Е. Арнаутова считает, что к самым интересным и эвристически ценным плодам изысканий в области собственно литургической *тетопа* следует отнести идею о «нерасторжимом сообществе живых и мертвых» или о «памяти, которая формирует общность».

В 1640 г. купец Бахтеяр Булгаков со своими сыновьями Иваном и Василием устроил раку на месте погребения преподобных Дионисия и Амфилохия. В синодике названо его имя, полученное при крещении, — Феодосий, и перечислен род — 133 имени.

Второй синодик конца XVII — XVIII в. форматом в пол-листа заключен в кожаный переплет типа «сумка», объемом 41 лист. Поступил из Сосновецкого Глушицкого монастыря по акту от 22.08.(19)24 г. № 12. Литературного предисловия нет. Синодик написан одним основным почерком, с поздними дополнениями кириллической небрежной скорописью и скорописью гражданской.

По нашим подсчетам, в синодике содержится 1764 имени в 117 родах, в среднем по 15 имен в роду. Мужских имен — 1172 (взрослых — 1086, из них обозначены как убитые — 29, утонувшие — 6; мальчиков — 86). Женских имен — 592 (взрослых — 528, из них три женщины были убиты; девиц — 16; девочек — 64). Этот синодик более «элитен», перечисляются знатные роды из Москвы (Афонасия Самойловича Норбекова, государева казначея; стольников — Елизара Ивановича Писарева, Петра Михайловича Голохвастого; купцов — Иоанна Иоаннова сына Бабина, Исака Акрамьева сына Шиловцева), Вологды, Тотмы. Особо ценны упоминания родов Ростовских, Вологодских, Кубенских и Удельных князей.

Можно предположить, что у анализируемых синодиков существовали протографы. В грамоте бохтоужского князя Семена Юрьевича 30–40-х г. XV в. находим указание на ведение в Глушицком монастыре специальной поминальной документации: «а велел есмь их писати в сенаник и поминати» (АСЭИ. Т. III. № 260).

Н. Н. Бедина (Архангельск)

## К ВОПРОСУ О МАРИОЛОГИЧЕСКИХ МОТИВАХ В ОБРАЗЕ СВ. КНЯГИНИ ОЛЬГИ

Основой древнерусской повествовательной традиции, посвященной св. княгине Ольге, является сказание, включенное в состав ПВЛ, которое в дальнейшем включалось во все древнерусские летописи вплоть до обобщающих летописных сводов XVI в. К нему же восходит «Слово о том, како крестися Ольга, княгиня русская», открывающее Киево-Печерский патерик в его «Феодосьевской» редакции конца XIV–XV в. С утверждением церковного почитания св. княгини Ольги создаются гимнографические и житийные тексты, прежде всего проложного типа, получившие распространение с XIII в. В XVI в. пространное Житие св. Ольги послужило своеобразным вступлением к одному из программных текстов Московского царства — «Степенной книге», где, по нашему мнению, объединяются вышеназванные и летописная, и агиографическая, и гимнографическая традиции.

ПВЛ, завершая сказание об Ольге, повествует о нетлении мощей княгини и утверждает ее молитвенное заступление за Землю Русскую перед Богом: «**сию бо хвалят рустне сынове аки началницю: не бо по смерти моляше Бога за Русь**»<sup>1</sup>. Спасительная роль св. Ольги как «начинальницы русского примирения с Богом» в Повести окрашена семейственностью русского княжеского рода: молитва Ольги о народе русском — это прежде всего материнская молитва о сыне: **моляшесе за сына и за люди по вся нощи и дни, кормящи сына своего до мужества его и до возраста его**. Тема материнской любви и молитвы здесь, на наш взгляд, так же важна, как и тема богомудрости и целомудренности княгини, которую летописец называет «русским познанием к Богу». Неслучайно сказание в Повести изобилует ссылками на царя Соломона.

<sup>1</sup> ПЛДР: Начало русской литературы. XI — начало XII века. М., 1978. С. 78–82.



Однако, несмотря на мотивы премудрости и материнства, на наш взгляд, текст ПВЛ не дает прямых оснований говорить о том, что в образе св. княгини Ольги находит отражение внутренний свет образа Богородицы. Безусловно, явная параллель с возгласом архангела Гавриила «Радуйся, Благодатная! Господь с Тобою; благословенна Ты в женах» (Лк. 1: 28) содержится в эпизоде крещения св. Ольги: «**Просвѣщена же бывши, радовашеся душею и тѣлом; и поучи ю патрeархъ о вѣрѣ, и рече ей: Благословена ты в женахъ рускихъ, яко возлюби свѣтъ, а тьмѣ остави...**». Однако эта тема не получает развития в тексте сказания. Основной акцент здесь сделан на мотиве начала, знаменующего эпохальный переход от языческой Руси к христианской.

В «Каноне на память преподобной княгини Ольги, бабы Владимира» св. Кирилла Туровского (XII в.) уже достаточно, на наш взгляд, четко прослеживается внутренняя связь образа Богородицы и княгини Ольги, прежде всего на уровне композиционной структуры текста. Большинство песен канона построено по принципу кольцевой композиции — тема, начинающая ирмос и первый тропарь, почти всегда звучит и в последнем тропаре песни. Жанр канона предполагает, что последний из тропарей обязательно посвящен Богородице, и тем самым определяет образно-смысловое соответствие богородичных и тропарей, посвященных св. княгине Ольге. В финальной девятой песне, где традиционно в жанре канона центральным образом является образ Божией Матери, св. Кирилл Туровский использует прямые текстовые совпадения в обращении к Богородице и к св. княгине Ольге: рождением Богородицей нового Адама — Иисуса Христа — избывается первая клятва старого Адама и вновь отверзаются двери рая; просвещением же Ольги и утверждением Креста на Русской земле попирается дьявол, прельстивший Еву, и «**всѣмъ вѣрнымъ рай отверзеся**». В первом случае «**взыграся**» Адам, во втором — «**веселися**» Ева. Обращение к Богородице «**мы же Тобою хвалящеся, яко Тебе ради Бога познахом, и Тя величаем**»<sup>2</sup> тут же дважды повторяется уже в обращении к Ольге. В 9-й песне св. Кирилл Туровский объединяет все темы, звучащие в предшествующих песнях, и кратко, в пределах одного тропаря, обозначает почти весь спектр смыслов, связываемых с образом Богородицы в христианской богословской традиции: «**Се церковь, се дверь, се гора Божия святая, се жезлъ и сосудъ златый, се источникъ печатлѣннъ, се райъ святыи новому Адаму, се престолъ страшенъ, се Мати Божия Пречистая, и заступница нам**». Включая образ св. княгини Ольги в этот спектр смыслов мариологического круга, гимнограф разрабатывает те же темы и в связи с образом равноапостольной русской княгини. Они же проявляют себя в житийной традиции Пролога, получив затем наиболее полное и определенное выражение в пространном Житии св. княгини Ольги в составе «Степенной книги».

В Прологе «русские» статьи, в том числе и краткое чтение на усупение св. княгини Ольги, появляются, вероятно, в XIII в. Традиционная тема мудрости св. княгини Ольги здесь, в отличие от летописной традиции, не имеет дипломатическо-бытовой характеристики. Проложное житие полностью выпускает летописный сюжет о мести древлянам, а также сватовство константинопольского императора и перебранку с греческими послами. Богомудрость, изначально данная Ольге, приводит ее ко святому крещению и неразрывно связана с печалованием княгини о русских людях, прельщенных дьяволом. Богомудрость Ольги, уже принявшей крещение, проявляется в устроении Русской земли.

Как «Канон» св. Кирилла Туровского, так и проложные жития сопрягают идею устроения Домогосударства и идею Домостроительства Соборной Церкви, а также имя Софии-Премудрости Божией: «**По семь приниши крѣстъ и прозвѣтера, и иде въ свою землю, и тѣ крѣст и до ныня стонтъ въ святей Софыи въ олтарѣ на деснѣи странѣ, имѣя писмена сице: обновися Русьская земля святымъ крещеньемъ, его же прия Ольга, благовѣрная княгини**»<sup>3</sup>. «Степенная книга» повествует также о золотом блюде, которое Ольга оставляет в дар патриарху в Софии Константинопольской.

Тема устроения Русской земли и Церкви в тексте проложного жития находит завершение в явлении нетленных мощей св. княгини Ольги. Домом, принявшим раку со святыми мощами, становится церковь, построенная уже св. Владимиром в честь Пресвятой Богородицы. Более того, «Степенная книга», уточняя последовательность событий, утверждает, что нетлением мощей Бог «**хотя болма прославити дивнѣю в женахъ первозваннѣю в Руси хриstopроповѣдницѣу блаженнѣю Ольгѣ**»<sup>4</sup> именно тогда, когда князь Владимир построил Десятинную Богородичную церковь.

<sup>2</sup> По изд.: Никольский Н. К. Материалы для истории древнерусской духовной письменности // СОРЯС. СПб., 1907. Т. LXXXII. № 4. С. 88–94.

<sup>3</sup> По списку: РНБ. СПб.ДА. А1/264 (2). Пролог. XIV–XV вв.

<sup>4</sup> БЛДР. СПб., 2003. Т. XII: XVI век. С. 322–377.



Кроме того, в «Степенной книге» и в одном из списков Пролога XVI в.<sup>5</sup> идея церковного строительства получает развитие в эпизоде с пророческим видением на берегу Плесковы реки «лучю трисиятельного Божества» и построением на этом месте церкви Св. Троицы, в котором соединяются мотивы света, Божественного знания и Церкви. В том же списке Пролога и в «Степенной книге» мотив божественного света звучит в пространном описании раки с нетленными мощами, которые «**светяшеся, яко солнце**», видные сквозь сделанное в раке «оконце». Образ оконца, отверзающегося для тех, кто приходит ко гробу св. Ольги с верою, но закрытого «**не с верою приходящим**», подобен, на наш взгляд, отверзающимся дверям рая в «Каноне» св. Кирилла Туровского.

Таким образом, темы Божественной Мудрости, драгоценного света, домостроительства Церкви-Земли Русской, отверзающихся дверей рая для новопросвещенного народа, разрабатываемые агиографической традицией, включают образ св. княгини Ольги в круг символично-прообразовательных смыслов, связанных с образом Богородицы.

Пространное Житие св. княгини Ольги в составе «Степенной книги» так же, как «Канон» св. Кирилла Туровского, предельно определенно проводит промыслительную линию от Евы, лишившей человечество «райския породы», к Богородице, которой «**жизнь бесконечная всему миру процветъ**», к женам мироносицам, первым возвестившим о Воскресении Христове, и, наконец, к св. княгине Ольге: «**Якоже древле от жены преступление бысть, послѣди же от жены и спасение бысть. Тако и нынѣ в нашей Русстей земли женою первне обновихомся во благочестие...**»<sup>6</sup>. Автор Жития, добавляя в сюжетное повествование о спасении Киева от печенегов (основанное на тексте «Повести временных лет») мотив молитвенного заступничества св. Ольги, возможно, сознательно проводит параллель с идеей Покрова Богородицы и ее защиты, даруемой царственному граду. В целом поэтика пространного Жития дает, на наш взгляд, основание провести параллели с богородичными праздниками (Покрова, Успения и Благовещения), а также праздником Рождества Христова. Кроме традиционного (начиная с ПВЛ) трехчленного сравнения св. Ольги с денницей, луной и зарей, предвещающей свет Солнца, в пространном Житии встречается еще одно сравнение только со звездой, отгоняющей ночную тьму неверия. Образ звезды может быть соотнесен с рождественской Вифлеемской звездой, тем более что отзвуки рождественских богослужебных чтений слышны и в других эпизодах Жития, например, в обращении к Пскову: «**Блажен и преблажен Богом препрославленный граде Пскове, яко всеианный Богъ отъ страны твоея произведе и породи нам таковой чудный плод благоцветущий, блаженную Олгу**» (ср.: И ты, Вифлеем, земля Иудина, ничем не меньше воеводств Иудиных, ибо из тебя произойдет Вождь, Который упасет народ Мой, Израиля (Мф. 2: 6)), и пр.

Промыслительность образа св. княгини Ольги и ее равноапостольного подвига подчеркивается в «Степенной книге» и разработанной числовой символикой. К летописным и житийным указаниям на возраст княгини Ольги (75 лет) и на 3 дня, прошедшие от ее последней беседы с сыном до успения, в «Степенной книге» добавляются еще и указания на 10 лет между гибелью Игоря и крещением Ольги, на 30 лет между погребением и обретением нетленных мощей и, наконец, 15 лет земной жизни княгини Ольги после принятия крещения. Сакральная семантика числа 15 вполне определенно связывается в христианской книжности с образом Богородицы, что еще раз подтверждает внутреннюю связь образа святой с образом Божией Матери. Эта близость проявляет себя в особом отношении к княгине Ольге как залого спасения русского народа и объясняет особое положение ее Жития в композиционной структуре «Степенной книги».

<sup>5</sup> См.: Макарий, митрополит Московский и Коломенский. История русской церкви. М., 1995. Кн. 2. С. 538 (РГБ. Рум. № 397. Л. 380 об.[53]. XVI в.).

<sup>6</sup> БЛДР. Т. XII. С. 374.

*Е. В. Белякова (Москва)*

## КРУГ ИСТОЧНИКОВ ПО ИСТОРИИ ПЕЧАТНОЙ КОРМЧЕЙ

Печатное издание славянской Кормчей в 1653 г. приходится на начало реформ патриарха Никона. Это памятник, который суммировал почти 400-летнее существование славянских переводов текстов



канонических правил. Ему суждено было еще два века служить главным источником канонического права в России. Несмотря на церковный раскол, Печатная Кормчая сохраняла свое исключительное значение и для старообрядцев.

Только комплексное изучение всего круга источников, связанных с этим изданием, позволяет пересмотреть устоявшиеся в историографии стереотипы. Одновременно мы получаем ряд новых данных по истории культурно-политических событий не только XVII в., но и предшествующих веков.

Обращение к документам Печатного двора показывает, что здесь сохранился богатый комплекс, позволяющий восстановить ход работы по подготовке издания. Это Книги расходные, фиксирующие всю оплату работ по изданию вплоть до момента продажи, когда подсчитывается и назначается «продажная» стоимость. Документы показывают, что работа над изданием велась с 1649 по 1653 г. Эти данные позволяют определенно говорить, что речь идет не о двух изданиях Кормчей, а об одном. Документы Печатного двора содержат и сведения о том, что за годы работы над изданием сменились дьяки (Михаила Ерофеева сменил Владимир Борзов), а также на смену умершему справщику Мартемьянову был назначен Евфимий, старец Чудова монастыря, который с сентября 1652 г. принимал участие в издании Кормчей. Документы Печатного двора указывают на патриарха Никона как инициатора «прибавки» к Кормчей в виде «Сказания об учреждении патриаршества в России» и Грамоты императора Константина.

Но эти документы не позволяют проследить роль справщиков в изменении замысла Кормчей. Не дают они ответа на до сих пор не решенный вопрос о причине выбора Сербской редакции как основы издания вместо Русской редакции, которая была широко распространена в XVI–XVII в. и являлась предметом постоянного добавления. Именно на статьи Русской редакции целиком ориентировался Стоглав. Отыскать ответы на эти вопросы позволяет выявление и изучение круга рукописей, использованных при издании. Это рукопись собрания Синода из РГИА (РГИА. Ф. 834. Оп. 4. № 548), поступившая из библиотеки Печатного двора, и рукопись Воскресенского Новоиерусалимского монастыря (ГИМ. Воскр. 28). Как показывает изучение записей и помет на полях рукописей, а также сопоставление состава, Воскресенская рукопись послужила основой для создания «перевода», по которому уже делался набор издания. Изучение состава этой рукописи позволяет понять, какие тексты были сознательно не включены в Печатное издание Кормчей (в первую очередь это известный трактат Епифания Кипрского «О ересях», или «Панарий»). Можно также определить, какие еще памятники были использованы при издании, что открывает путь для направленного поиска рукописей, использованных при подготовке издания Кормчей. Среди них рукопись священника Василия из Люблина, содержащая первое предисловие к Кормчей, Требник Петра Могилы.

Изучение рукописей показывает, что справщики использовали для своей работы «Суздальские правила», расширенные митрополитом Даниилом за счет включения статей из Студийского устава и Русской редакции. Созданная митрополитом Даниилом редакция оказалась востребована во второй половине XVI в., так как именно этим временем датируется большинство известных списков этой редакции (РГАДА. Ф. 181. № 1593; ГИМ. Барс. 157; НАН Украины. 221/50 Софийское; РНБ. Погод. 242), в том числе и список, находившийся в библиотеке Печатного двора. Происхождение самих «Суздальских правил» нуждается в дальнейшем исследовании. Я. Н. Цаповым высказана гипотеза о появлении этой редакции в связи перемещением на Суздальскую кафедру Брянского епископа Евфимия.

Изучение печатных экземпляров первого издания Кормчей, в том числе и отмеченных в каталогах старопечатных книг как «Кормчая патриарха Иосифа», дает возможность проследить характер работы над изданием уже после окончания набора. Исследование показывает, что замена «картонов», а также вставка «прибавок» патриарха Никона по-разному осуществлялись дьяками. В ряд рукописей был вклеен лист о выходе книги при патриархе Иосифе, в ряде вырезаны листы с известием о поставлении патриарха Никона. Удалось выявить и единственный экземпляр, отражающий начальный этап правки. Экземпляры Кормчей свидетельствуют о ситуации острой борьбы, но не по поводу содержания издания, а вокруг личности патриарха Никона, чья деятельность нашла прямое отражение на листах издания Кормчей.

Расширение круга источников позволяет по-новому взглянуть на историю славянских Кормчих книг и отказаться от сложившегося в историографии противопоставления «Иосифовского» и «Никоновского» изданий Кормчей. С другой стороны, становится очевидным, что наряду с многочисленными переработками Русской редакции Кормчей в Северо-Восточной Руси XVI в. была распространена и Сербская редакция в виде «Суздальских правил», один из этапов работы над которыми связан с митрополитом Даниилом.

С. В. Богданов (Тверь)

## ВЕЛИКОКНЯЖЕСКИЙ ТИТУЛ С ОПРЕДЕЛЕНИЕМ «ВСЕЯ РУСИ» (ПО МАТЕРИАЛАМ АКТОВ XIV–XV в.)

Определение «всея Руси» в великокняжеском титуле обозначало территорию, на которую распространялась власть великого князя.

В историографии вопроса об определении «всея Руси» существуют две взаимосвязанные проблемы: хронология употребления и причины включения в великокняжеский титул. Одни авторы относят появление расширенной формы титула к началу XIV в. (С. М. Соловьев, К. Н. Бестужев-Рюмин, В. О. Ключевский, М. А. Дьяконов, В. Л. Янин, Б. А. Успенский, А. А. Горский, С. Н. Кистерёв). А. А. Горский и С. Н. Кистерёв доказывают, что определение «всея Руси» присоединилось еще к титулу великих киевских князей.

Считается, что титул с определением «всея Руси» стал постоянно использоваться внутри государства с 1479 г., во внешних сношениях — с 1485 г. (А. Л. Хорошкевич, С. М. Каштанов, В. А. Кучкин, А. В. Лаушкин). С. Н. Кистерёв отстаивает точку зрения об обязательном использовании этой формы титула в юридической практике уже в XIV в.

Появление этой формы титула обычно ставят в связь с объединительной политикой московских князей (К. Н. Бестужев-Рюмин, М. А. Дьяконов, В. О. Ключевский, С. М. Каштанов, В. А. Кучкин, А. А. Зимин). Существует мнение, что титул «великий князь всея Руси» возник вследствие подражания великих князей русскому митрополиту (А. Е. Пресняков, А. А. Шахматов, А. Н. Насонов, Г. В. Вернадский, Б. А. Успенский, А. А. Горский).

Основа исследований о расширенной форме титула — актовый материал. Присутствие расширенной формы титула в актах, сохранившихся в виде позднейших копий, зачастую и без специального доказательства расценивается как поновление титула при переписывании. Существуют и обратные суждения. Между тем все исследования по проблеме построены на анализе документов, *содержащих* в интитуляции расширенную форму титула, но за рамками их внимания остались многочисленные документы, *не имеющие* ее в интитуляции. Полагаем, что для исследования необходимо привлечь всю совокупность актов, которые написаны от лица великого князя.

В опубликованном актовом материале нами было выявлено 370 таких документов. Верхней хронологической отметкой был принят 1486 г.: с этого года в актовой документации устойчиво употребляется титул «великий князь всея Руси». 324 грамоты (124 подлинника и 200 списков), относящиеся ко времени с 1323 по 1485 г., содержат титул «князь великий». В договоре кн. вел. Василия Васильевича с кн. вел. литовским Казимиром 1449 г. титул великого князя выглядит так: «князь великий Василий Васильевич московский, и новгородский, и ростовский, и пермский, и иных». 37 актов (9 подлинников и 28 копий) за вычетом подложных грамот (6) и грамот с титулом «царь и князь великий» (2) содержат титул «великий князь [ ] всея Руси»: 16 документов появились в 80-е г. XV в. (7 подлинников и 9 списков XVI, XVIII и XIX в.), 9 — в 60–70-е годы XV в. (все сохранились в списках XVI, XVII — начала XVIII в.), 1 — в середине XV в. (копия 1477 г.), 4 — в первой четверти XV в. (все — в списках последней четверти XV — первой четверти XVI в. и XVII в.), 3 — во второй половине XIV в. (2 копии, 1477 г.), 3 — в первой половине XIV в. (1 подлинник и 2 копии). Адресантом 26 актов является Иван III (один акт совместно с Иваном Ивановичем, подлинник 1479 г.); четырех — Василий Дмитриевич; двух — Василий Васильевич; двух — Иван Калита. По одному документу составлено от лица Семена Ивановича (подлинник) и Дмитрия Ивановича. Князем великим и «царем всея Руси» в документах по ошибке переписчика именуется только Иван III.

Таким образом, на большинстве грамот XIV–XV в., сохранившихся в подлинном виде и в копиях, титул великого князя содержится без определения «всея Руси». Очевидно, что использование титула «великий князь всея Руси» не было обязательным в юридической практике титулования великих князей до 80-х годов XV в., напротив, хождение имел только титул «великий князь».

Копии актов XIV–XV в., выполненные в последней четверти XV–XIX в., очевидно, содержат поновленный титул великого князя. Это может быть обусловлено установившейся в конце XV в. традицией



титулования великих князей. Расширенная форма титула присутствует также в пяти актах XIV — первой половины XV в., сохранившихся в подлиннике или в копии до 1477 г. включительно (это: докончание великого князя Семена Ивановича с братьей, договорная грамота великого князя Дмитрия Ивановича с Новгородом 1371 г., докончание великого князя Василия Дмитриевича с Юрием Дмитриевичем 1390 г., уставная грамота великого князя Василия Дмитриевича Двинской земле 1397 г. и жалованная грамота Ивана Калиты печерским сокольникам). Этот факт не может быть расценен как поновление титула, причины присутствия расширенной формы титула в текстах этих актов связаны с обстоятельствами появления оригиналов документов или их копий.

Предпринятый анализ указанных актов позволяет сделать следующий вывод. Титул «великий князь всея Руси» применялся великими князьями (только московскими князьями) в юридической практике лишь в самых необходимых случаях: при распространении своей власти на «заволочские» земли Великого Новгорода и на Волок Ламский, в особо кризисных для московских князей политических ситуациях. Московские князья использовали также расширенную форму титула в отношениях внутри московского княжеского дома. В этих ситуациях титул «великий князь всея Руси» являлся мощным идеологическим оружием князей Москвы. Оно использовалось ими тем чаще, чем ближе Москва подходила к статусу действительной общерусской столицы.

М. Бошков (Нови Сад)

## К ВОПРОСУ О ПРОТОГРАФЕ СЕРБСКИХ ХРОНОГРАФОВ

Цель моего доклада — обратить внимание на сербскую рецепцию русских хронографов, особенно в памятниках с характерными самоназваниями *троядик*, *трицарственик*, *цароставник*<sup>1</sup>. Они относятся к жанру, который формировался в сербской среде как раз в рецепции русских хронографов и, следовательно, сам термин *сербский хронограф* условно употребляется именно в том смысле, в каком в русской средневековой литературе принято употреблять термин *русский хронограф*. В нем, как известно, в отличие от традиций византийской хронистики, история славян включена во всемирную историю.

Хронографы сербского извода, выявленные в рукописном наследии, представляют собой разные редакции и их разновидности. Русский хронограф 1512 г. является их основным источником<sup>2</sup>. В его изложении сокращалась главным образом библейская история, русским историческим событиям посвящено мало внимания, зато изменение пропорции придавало сербским хронографам значение исторического обзора сербского средневекового государства. Сербские книжники иногда обращались к уже использованным в русской хронографии источникам — к Хронике Амартала, но на этот раз в редакции Летовника, к Истории иудейской войны, к Толковой палее<sup>3</sup>, к тексту Мартина Бельского по извлечениям из Хронографа западнорусской редакции; среди новых источников выделяются сербские летописи.

Сербские хронографы уже давно начали исследовать, и, хотя нельзя сказать, что они удовлетворительно изучены<sup>4</sup>, все-таки благодаря накопленным сведениям можно подойти к вопросу о том, как эти хронографы создавались и как соотносятся между собой их разновидности. Благодаря своим

<sup>1</sup> Бошков М. Хронике, Хронограф српски, Цароставник // Лексикон српског средњег века / Приредили Сима Тирковић, Раде Михалчић. Београд, 1999. С. 781–787, 796–797.

<sup>2</sup> Здесь за рамками моего доклада остается рецепция Хронографа западнорусской редакции, так как ни одного его списка в сербском изводе не сохранилось, а его сегменты в Верхобрезницком хронографе и в некоторых сборниках являются вторичными. Подробнее об этом: Бошков М. О српској рецепцији «Хронике света» Мартина Бельског // Сто година полонистике на Универзитету у Београду. Зборник радова са јубиларног научног скупа, јануар 1996. Београд, 1996. С. 147–167; Хронограф из Свете горе (о раду непознатог Светогорца // Археографски прилози. Београд, 1998. № 20. С. 93–127.

<sup>3</sup> Бошков М. О рецепцији Царства Соломоновог у Порфиријевом зборнику // Књижевна историја. Београд, 1997. № XXIX, 102. С. 151–158; Палеја с тумачењима у српској књижевној бабини (Прилог проучавању Chil 188) // Међународни скуп Осам векова Хиландара — историја, духовни живот, књижевност, уметност и архитектура. Београд, 2000. С. 403–416.

<sup>4</sup> Одна из самых важных причин этого в том, что сербские рукописи в силу исторических обстоятельств получили очень широкое распространение, но долгое время не было благоприятных условий, чтобы можно было исследовать полный сравнительный материал (см: Бошков М. Скица за «географију» српских хронографа — Ораховички хронограф // Књижевно наслеђе Српске Крајине. Нови Сад, 1997. С. 11–27).

наблюдениям я пришла к выводу о том, что в сербской среде происходило существенное переосмысление концепции Русского хронографа 1512 г. Только в Реметском хронографе (далее — Рем) остались следы исходной структурообразной идеи об особой исторической роли Русской земли, которые вводят его в круг редких сербских памятников, в которых отразилось учение о Москве — третьем Риме<sup>5</sup>.

По поводу сербской рецепции возникает множество вопросов, но, так как ничего не известно о том, в каких конкретных обстоятельствах она происходила, надо было начать с самого верного способа — с изучения истории текста сербских списков. В этом плане в научной литературе, к сожалению, совсем немного бесспорных данных, но встречаются очень полезные наблюдения и весьма привлекательные, хотя и не легко доказуемые гипотезы. Поэтому было необходимо подвергнуть весь материал систематическому исследованию, чтобы в итоге было установлено его соотношение с русским оригиналом. Мой анализ показал, что в сербском изводе не сохранился в полном объеме общий протограф сербских памятников, но по сербским спискам отдельных редакций можно восстановить текст фрагментов, который восходит к Русскому хронографу 1512 г.<sup>6</sup>

Особое место занимают те списки, которые М. Н. Сперанский выделил в группу «обычной редакции сербского хронографа»<sup>7</sup>. При проверке оказалось, что Рем к названной редакции не относится, но зато его место более важно: в настоящее время Рем представляет собой единственный список редакции, которая была в основе «обычной». Он предоставляет ключ к правильному пониманию истории текста — по его структуре легче всего установить влияние русского источника и восстановить первичный вид извлечений из русского хронографа. Можно даже сказать, что характерные текстологические приметы сближают Рем с Чудовским хронографом (ГИМ. Чудовское собрание. № 354, далее — Чуд) и указывают на то, что Рем на самом деле относится к рукописной традиции, восходящей к этому типу хронографа. В этом смысле подтвердилась давно высказанная мысль М. Н. Сперанского, что тот тип хронографа, который представлен в Чуд, мог быть источником сербского<sup>8</sup>, но это не так легко доказать без звена, которое представляет Рем.

Согласно новой датировке (20-е годы XVII в.), Рем предшествует автографу «обычной редакции», но, вопреки этому, не является общим протографом всех сербских списков. Фрагменты хронографического текста в Ковильском хронографе, которых в Рем нет, указывают на то, что существовал один общий сербский протограф, содержащий статьи русского хронографа в более полном объеме, но в таком виде он до нас не дошел ни в одном списке сербского извода. Русский протограф такого же несохранившегося сербского хронографа принадлежал, должно быть, вместе с Чуд к одной и той же филиации. Распространенное положение, что сербские хронографы возникли в XVI в., основывалось на неточной датировке нескольких рукописей: все они XVII в. Но, если иметь в виду влияние отдельных хронографических стилизаций в *Родословии Якшичей*<sup>9</sup>, можно отнести начало сербской рецепции русских хронографов к XVI в. Это наблюдение согласуется с характером и интенсивностью русско-сербских связей: в начале второй половины XVI в. замечается подъем, а в Смутное время — кратковременный спад. Но эта проблематика требует специального исследования.

<sup>5</sup> Бошков М. Руски хронограф и српски Тројадик // *Зборник Матице српске за славистику*. № 53 (Реферати југословенских слависта за XII Међународн конгрес слависта у Кракову 1998). Нови Сад, 1997. С. 51–71.

<sup>6</sup> Исходя из идеи, что «цароставник», которым воспользовался историк XVIII в. И. Раич, был сербским протографом, а текстологическим путем пришла лишь к выводу о том, что он цитировал не одну, а три сербские рукописи различных редакций сербских хронографов (Бошков М. Цароставник Јована Рајића // *Живот и дело Јована Рајића*. Двеста година «Историје». Београд, 1997. С. 53–68).

<sup>7</sup> Сперанский М. Н. Сербские хронографы и русский первой редакции // *Русский филологический вестник*. Варшава, 1896 (отд. оттиск).

<sup>8</sup> М. Н. Сперанский. Сербские хронографы и русский первой редакции.

<sup>9</sup> Бошков М. Жанр српског родослова и Русија у XVI веку // *Зборник Матице српске за славистику*. Нови Сад, 1994. № 46–47. С. 45–70; Трагови Руског хронографа у Родослову Јакшића // *Изучавање словенских језика, књижевности и култура у инословенској средини*. Београд, 1998. С. 323–327.

С. В. Васильев (Санкт-Петербург)

«ИЗВОД ПРЕД 12 ЧЕЛОВЕКА» РУССКОЙ ПРАВДЫ И ПОСТАНОВЛЕНИЕ  
«О ВЗЫСКАНИИ ДОЛГА» ЗАКОНА ВЕСТЬЕТОВ (WESTGOTALAG)

Ст. 15 Русской Правды (далее — РП) об «изводе пред 12 человека» имеет давнюю историографическую традицию. Исследователи указывали на определенные параллели ст. 15 РП как со славянскими (например, Законник Стефана Душана) памятниками, так и западноевропейскими варварскими правдами<sup>1</sup>.

Мы же хотим обратить внимание на одно из постановлений шведского Закона Вестьетов, гласящее: «Если кто требует с другого долг, тогда он должен призвать его соседей, позволить им присутствовать и слышать, что он требует с него долг. Тогда он может взять с него залог позже, если он хочет. Если у него есть долг, который нужно требовать, тогда он может требовать его законно, как говорит закон. [Он должен возместить долг] и принести клятву, если они сошлись во мнениях, что у него нет больше того, что следует возмещать. Если он отрицает и говорит, что у него нет долга, который он должен ему возместить, тогда он должен клясться с двенадцатью людьми, что у него нет долга, чтобы ему возмещать, или какого-либо дара, чтобы отплатить. Если он не является по вызову, то платит 16 эртугов три раза и возвращает долг. Залог нужно освобождать с долгом и клятвой двенадцати людей»<sup>2</sup>. РП постановляет: «Аже где взыщет на друзе проче, а он ся запираит почнеть, то ити ему на извод пред 12 человека (мужа); да аще будет обидя не вдал будет достоино ему свои скот, а за обиду 3 гривне».

Как представляется, положение Закона Вестьетов во многом тождественно ст. 15 РП. Вероятным источником данных норм РП и Закона Вестьетов могли послужить нормы обычного права.

Рассматриваемый нами Вестгёталаг является одним из древнейших шведских областных законов, записью обычного права области Вестергётланд. Правовые обычаи вестгёттов начали фиксировать в 20-е годы XIII в., завершив их запись в начале 80-х годов того же столетия. В этот период Швеция формально уже являлась единым королевством, но фактически представляла собой две федерации: Свеаланд и Гёталанд, которые, в свою очередь, делились на множество земель — ландов. Каждый ланд, имевший свое древнее обычное право, назывался «лагсага». В XIII в. началась кодификация обычного права лагсаг, и первым из шведских областных законов была записана Старшая редакция Вестгёталага. В связи с ранней кодификацией этот свод законов в наименьшей степени испытал нововведения XIII в.

Редакционная работа по кодификации закона приписывается лагману Эскилю Магнуссону, старшему брату регента Швеции ярла Биргера. Полагают, что Эскиль был высокообразованным по тем временам человеком. Результатом усилий лагмана Эскиля по выявлению древних законов Вестергётланда и стала Старшая редакция Вестгёталага, включившая в себя огромное наследие правовых обычаев. Возможно, импульсом к началу подобной работы послужило посещение Снорри Стурлусоном Вестергётланда в 1219 г. В понимании Эскиля Магнуссона как лагмана его задачей было не создание новых законов, а как можно более подробная фиксация старых, но все еще действующих положений. Многие моменты по-прежнему не прояснялись и оставались для регулирования с помощью обычного права, т. е. на усмотрение местного лагмана и судей<sup>3</sup>.

Каким образом возникли нормы этих законодательных памятников? Каковы причины их сходства? Ответ на эти вопросы может быть дан в процессе дальнейших изысканий. Можно говорить пока лишь о том, что соприсяжничество 12 человек является древнейшим общеевропейским обычаем<sup>4</sup>. Так, например, в раннесредневековой Норвегии в общинном суде решающую роль играло свидетельство 12 хольдов<sup>5</sup>, в Швеции известна коллегия «12 мужей, которые с незапамятных времен помогали судоговорению в качестве голоса народа»<sup>6</sup>.

<sup>1</sup> Например: Тихомиров М. Н. Пособие для изучения Русской Правды. М., 1953; Свердлов М. Б. От Закона Русского к Русской Правде. М., 1988.

<sup>2</sup> Из ранней истории шведского народа и государства: первые описания и законы. М., 1999. С. 227. (Ст. 7: «Глава о беззакониях»).

<sup>3</sup> Там же. С. 173–174.

<sup>4</sup> Стоклицкая-Терешкевич В. В. Основные проблемы истории средневекового города. М., 1960. С. 134; Черниловский Э. М. Русская Правда в свете других славянских судебных // Древняя Русь: Проблемы права и правовой идеологии. М., 1984.

<sup>5</sup> Гуревич А. Я. Норвежское общество в раннее средневековье. М., 1977. С. 189.

<sup>6</sup> Дымиша Л. Государственное право Швеции. СПб., 1901. Т. I. С. 99.





А. М. Введенский (Санкт-Петербург)

## ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ КРИТЕРИИ ВЫЯВЛЕНИЯ ИСТОЧНИКОВ УСТНОГО ПРОИСХОЖДЕНИЯ В ЛЕТОПИСАНИИ (НА ПРИМЕРЕ РАСПОЛОЖЕНИЯ ЭНКЛИТИКИ «СЯ» В ТЕКСТЕ ПВЛ)

В своей работе, посвященной «Слову о полку Игореве», А. А. Зализняк рассмотрел поведение в предложении энклитики «ся» в памятниках письменности домонгольской Руси<sup>1</sup>. Место частицы «ся» в предложении может быть двояким, т. е. она может как располагаться правее глагола (постпозиция), так и находиться левее его (препозиция). Как показал исследователь, больший процент препозитивного употребления «ся» (50 %) свойственен новгородским берестяным грамотам раннего периода (XI–XIII в.), а наименьший процент характерен для памятников церковнославянской письменности. К примеру, в Мариинском Евангелии препозиция встречается всего лишь 32 раза, что составляет 2,7 % употребления частицы «ся» в этом памятнике. Процентные показатели препозитивного употребления «ся» в других древнерусских письменных источниках колеблются между минимумами церковнославянских памятников и максимумами новгородских берестяных грамот. Так как берестяные грамоты наиболее близки к живой речи, а церковнославянские книги наиболее от нее удалены, то можно предположить, что препозитивное употребление частицы «ся» характерно именно для разговорной речи.

Следует предположить, что в Повести временных лет (далее – ПВЛ), составитель которой использовал как устные, так и письменные источники, и первые будут отличаться от вторых бóльшим процентом препозитивного употребления энклитики «ся», несмотря на литературную обработку этих источников летописцем.

Частотность употребления энклитики «ся» постпозитивно/препозитивно также обусловлена некими морфолого-синтаксическими факторами, что позволяет разбить наши данные по трем группам.

1 группа: Только постпозиция. В том случае, если тактовая группа начинается с глагола, к которому относится «ся», препозиция невозможна<sup>2</sup>.

2 группа: Преобладание препозиции в текстах, близких к живой речи. Если тактовая группа начинается с инфинитива, который подчинен другому глаголу либо является подлежащим, или тактовая группа начинается с местоимения или местоименного наречия, а также с неместоименного знаменательного слова или с проклитико-энклитической группы, то в таких случаях в интересующих нас текстах преобладает препозиция.

3 группа: Препозиция редка. Если глагол стоит в причастной форме или левая часть предложения перед глаголом имеет более одной тактовой группы, то в образцовых источниках препозиция встречается редко.

При дальнейшем анализе данные первой группы учитываться не будут, так как они не являются показательными.

Анализ повествований ПВЛ на предмет позиции данной энклитики в предложении дает весьма интересные результаты.

1) Препозиция указывает на устное происхождение какого-либо повествования. Высокий процент препозиции дают сразу несколько преданий и легенд. Легенда об Андрее Первозванном (новгородская часть легенды), предание о белгородском киселе, предание о юноше-кожемяке, предание о борьбе Мстислава с Редедей. Данные нарративы имеют 75-процентный показатель препозиции в предложениях. Такой же процент характерен для новгородских берестяных грамот домонгольского периода.

2) Препозиция встречается в каких-либо пояснениях летописца. Причем эти пояснения могут быть разного характера:

- летописец ссылается на устные данные. Как правило, такие «ссылки» оформляются посредством глагола «звати»: «еже ся нынѣ зоветься Угорьское», «сиде бо ся звахуть и варязи суть»;

- летописец поясняет предыдущий текст: «плакаху по нихъ, еще бо не бяху ся утвердили вѣроу, но акы по мертвецѣ плакахся»;

- летописец поясняет какое-либо событие посредством отсылки к библейскому тексту, что также иногда маркировано препозицией энклитики «ся»: «Се же Святополкъ новыи Авимилехъ, иже ся бѣ родилъ от прелюбодѣяннѣя»;

- летописец заявляет о своих намерениях: «скажемъ, что ся удыѣло в лѣта си» (852 г.).

<sup>1</sup> Зализняк А. А. Слово о полку Игореве: взгляд лингвиста. М., 2004.

<sup>2</sup> О тактовой группе см.: Там же. С. 54.

3) Препозиция встречается в прямой речи героев или в устойчивых формулах, вероятнее всего, устного происхождения. К примеру, в рассказе о гибели Игоря поговорка, приписываемая летописцем древлянам, оформлена посредством препозиции энклитики «ся»: «аще ся въвадит волкъ къ овцѣ, то выносить все стадо».

Суммируя представленный материал, можно сделать несколько выводов:

- высокий процент препозитивного употребления энклитики «ся» в предложениях некоторых сюжетов ПВЛ указывает на их устное происхождение;
- препозиция характерна для части пояснений/объяснений летописца, иногда это проявляется при отсылке летописцем читателя к устным данным;
- препозиция также встречается в прямой речи летописных персонажей, что может свидетельствовать как об устном происхождении того или иного высказывания, так и о конструировании прямой речи героев летописцем на основании «внутреннего диктанта» или застывших формул устной/письменной традиции.

Е. М. Верецагин (Москва)

### «ХОЖДЕНИЕ» ИГУМЕНА ДАНИИЛА В ПЕРЕРАБОТКЕ «ПУТНИКА ИЕРУСАЛИМСКОГО» (ПО РУКОПИСИ 1747 г.)

1. На 2007 г., как известно, приходится 900-летний юбилей знаменитого «Хождения» игумена Даниила (далее – ХД). Когда исследователи излагают литературную историю ХД, они обычно не обращают внимания на его переработку, известную под именем «Путник Иерусалимский» (другого Даниила [Данилы] – архимандрита монастыря Корсунскаго в Белой России, якобы предпринявшего путешествие в Палестину в 1590–1594 г.)<sup>1</sup> (далее – ПИ). Так, и новейшая статья И. В. Федоровой в юбилейной книге не стала исключением из правила<sup>2</sup>. Между тем именно ПИ представляет собой конечный пункт спонтанного бытования знаменитого ХД.

2. К. Д. Зеeman уже 30 лет назад опубликовал фундаментальную монографию<sup>3</sup>, не учтенную И. В. Федоровой, в которой он, вслед за В. Щуратом и В. П. Адриановой-Перетц, как раз и доводит литературную историю ХД до подлинного завершения.

3. Высоко оценивая труд германского ученого, мы, тем не менее, намерены оспорить две его оценки, а именно: (1) Die sachlichen Änderungen gegenüber der Originalfassung sind gering (С. 308); (2) Die Umarbeitung ist als mechanische Kompilation zweier verschiedener Texte, einer Abschrift der Reisebeschreibung Daniils und einiger Niotizen Danylos, zu betrachten (С. 310).

4. Отклонить эти генеральные выводы можно только с обширным фактическим материалом в руках. Соответственно ниже в пространных выписках мы рассматриваем три вида парафразирования. В верхней строке (прямой шрифт) цитируется ХД, в нижней (курсив) – ПИ. Использована эвристическая методика билинейно-спатического сопоставления. Примеры взяты из сообщения о возгорании Благодатного огня.

5. Пример *интерпретационного* парафразирования:

(1) Мнози бо странници неправо глаголють о схожении света святаго;

(2) ин бо глаголетъ, яко Святыи Дух голубем сходит к Гробу Господню;

*А якоже инии глаголють, яко свет Божественный исходит из Гробов Господен голубом,*

(3) а друзии глаголють: молнии сходить с небесе,

*инии же сказуют, яко молния блеснет от небес,*

*и тако вжигаются кандила над Гробом Господнимъ.*

*и возжигаются кадила на Гробе Господне,*

(4) И то есть лжа и неправда:

---

<sup>1</sup> Далее цитируем ПИ по тетрадке № 734/1914 Собр. рук. МДА (ныне хранится в РГБ). Всего известно 8 списков ПИ XVII–XVIII в.; они изданы в 1906 г.: Щурат В. Перегринация или Пут до Иерусалиму Даниила архимандриты Корсунского з Белой России. Жовква, 1906.

<sup>2</sup> Федорова И. В. Из литературной истории «Хождения» игумена Даниила // «Хождение» игумена Даниила в Святую Землю в начале XII в. / Отв. ред. Г. М. Прохоров. СПб., 2007.

<sup>3</sup> Seemann K.-D. Die altrussische Wallfahrtsliteratur. Theorie und Geschichte eines literarischen Genres. München, 1976.

*сие не есть истинно,*

*ничтоже бо есть не видети тогда, ни голубя, ни молнии.*

*ибо тогда немошно видети ни голубя, ни молнии,*

(5) Но тако, невидимо сходит с небеси

*то точию невидимо снисходит с небесе АНГЕЛ Божий,*

*благодатию Божию и вжижгает кандила в Гробе Господни.*

*и благодать Божия, и возжигаются кадила огнем над Гробом Господним.*

(6) А киим (!) образом, никтоже разумети может.

(7) Да и о том скажу, яко видех по истине.

*Но повем вам истинну неложно, братия моя возлюбленная, якоже видехом.*

6. Пример актуализирующего парафразирования:

(1) Заутра же в Великую субботу в 6 час дне собираются вси людие

*Заутра же в Великую субботу в 6 час дне собираются вси людие*

*пред церковь Святаго Въскресения —*

*пред церковь Святаго Воскресения —*

*бе-щ-исленое множество народа, от всех стран пришелицы и тоземци:*

*безчисленное множество народа, от всех стран пришелицы, и иноземцы:*

*и от Вавилона, и от Египта, и от всех конец земли.*

*от Аравии, от Египта, от Рима, от Москвы, и от иудей,*

*от персов и от прочих стран.*

(2) Ту ся собирають во ть день несказанно множество.

(3) И наполнятся вся та места людий около церкви и около Распятя Христова;

*В то время вси соберутся окрест церкви оной и окрест Распятя Христова;*

*и велика теснота и томление люте людем ту бывает;*

*и велия теснота и томление людем бывает;*

(4) мнози бо человеци ту задыхаются от тесноты людий бе-щ-исленных.

*ибо многие людие тогда тесноты ради и задыхаются.*

(5) И ти людие вси стоят с свещами не возженными и ждуть отврзения дверей церковных.

*И стоят со свещами не возженными, и ожидают отверзения дверей церковных.*

7. Пример эпидейктического парафразирования:

(1) И тако поющим им всем, аз ту стоях, прилежно зрях ко дверем Гробным.

*И тако поющим им всем, аз стоях на палате горе, и прилежно смотрях во двери Гроба Господня.*

(2) И яко начаша чести паремии тоя Суботы великия,

*И егда начаша пети парамии «Искони сотвори Бог небо и землю»,*

*на первых паремии изиде епископ с дьяконом из великого олтаря,*

*тогда на первой парамии изиде епископ з диаконом и с поющим от великого олтаря,*

*и приде к дверем Гробным, и позре в Гроб сквозе крестець дверей тех,*

*и пришед к дверем Гробным, и позре сквозь двери тья,*

*и не узре света в Гробе, и възвратися опять.*

*и не узре света в Гробе, и възвратися в олтарь.*

(3) И яко начаша чести 6-ю паремию, тот же епископ прииде к дверем Гробным

*И егда начаша чести вторую парамию, тогда паки епископ прииде к дверем Гроба,*

*и не виде ничтоже.*

*и не узре света в Гробе.*

(4) И тогда вси людие възпиша с слезами «Кирие, елейсон», еже есть «Господи, помилуй».

*Тогда вси людие возопиша: «Господи, помилуй!».*

(5) И яко бысть 9-му часу минувшю и начаша пети

*Егда же бысть час 9, на<ча>ша певцы пети*

*песнь проходную «Господеви поим».*

*песнь исходную: «Поем Господеви,*

*славно бо прославися» и «Воскресни, Господи, суди земли, яко ты царствуеши во веки».*



8. Приведенный материал дает подводит к выводам, прямо противоположным тем, к которым пришел Зеeman. (1) Фактические изменения по сравнению с оригинальной версией велики. Чего стоит одно только упоминание о *Москве* во фрагменте 6–1. (2) Переработку нельзя рассматривать как механическую компиляцию двух различных текстов, т. е. списка ХД и путевых заметок ПИ. Перед нами, несомненно, не свод, а парафраз.

Т. Л. Вилкул (Киев)

## О ТАК НАЗЫВАЕМОЙ «ПРОМЕЖУТОЧНОЙ» РЕДАКЦИИ АЛЕКСАНДРИИ ХРОНОГРАФИЧЕСКОЙ В ЕЛЛИНСКОМ ЛЕТОПИСЦЕ

Редакцию Александрии Хронографической из Троицкого Хронографа (составлен в XIV в., известен в трех списках — Троицком № 728, Ундольского № 1 и РНБ. НСРК. F.1.27)<sup>1</sup> О. В. Творогов назвал «Промежуточной»<sup>2</sup>. Важнейшей характеристикой этой редакции является, по мнению ученого, то, что она стоит как бы между первой и второй редакциями Александрии Хронографической. Первая редакция сохранилась в так называемом Иудейском Хронографе (составлен во второй половине XIII в., известен в Архивском, Виленском и Варшавском списках<sup>3</sup>). Вторая редакция помещена в Еллинском летописце (2-й редакции, Ел-2). О. В. Творогов развил идеи В. М. Истрина, предполагавшего существование промежуточных списков. Но В. М. Истрин не выделял отдельно группу Троицкого хронографа. Унд-1, ему известный, он считал относящимся ко второй редакции<sup>4</sup>.

Не все чтения списков Троицкого хронографа представлены в списках Ел-2. В кн. 1-й, гл. 1 Александрии (далее — Ал. 1.1) в списках Троицкого хронографа (Тр., л. 275d) читается: «...горазнь бѣ моужь волховнѣи силѣ добрѣ». Между тем в Иудейском хронографе и в Ел-2 «...велми». В Ал. 1.15, Тр., л. 283а: «и флониевомъ извѣщениемъ». Здесь в греч. διὰ χθούλου χρισμού. В Арх. читается кѣхфониемъ, Вил. кѣхфонием, в одном из списков Еллинского летописца 1-й редакции хвониевѣмъ, Ел-2 хвониевѣмъ и только в Тр. и Унд-1 флоиниевомъ (в протографе, видимо, было «хфониемъ»).

Примеры можно продолжать. Тем не менее важнейшие чтения Александрии из Троицкого хронографа внесены в Ел-2. Что еще более важно, во многих случаях они контаминированы с чтениями первой редакции. Например, Ал. 1.24, в Тр. существенно переработан и сокращен эпизод убийства Филипа, отца Александра Македонского. Ел-2 соединяет чтения первой редакции и Тр.:

Вил., л. 466 об.	Тр., л. 287d	Ел-2
прише <sup>а</sup> (Арх. пришед же) паусания идѣже бѣ филиппъ, <b>вѣдын але<sup>к</sup>сандра на воиноу</b> <b>отшедша . вниде дачи соущен</b> <b>велице . филипоу суцу на</b> <b>позорици алоумпиевѣ .</b> <b>вниде паусаниямъ съ</b> оружиемъ <b>въ позорице и съ</b> <b>инѣ ми моужи хра<sup>б</sup>рыми</b> оубити <b>хотя</b> филиппа . да алоумпиадоу въсхитить.	пришед же паусания, идѣ же бѣ филиппъ, вѣниде с людми . на позорици соуцоу филипоу олимпиядѣ. а александру соуцу на воинѣ . паусания же поимъ храбрыя , вниде в позорице съ оружиемъ оубити филиппа , да олимпиаду въсхитить	пришед же паусания, идѣже бѣ филиппъ, вѣниде с людми на позорице, ту суцу филипу и алумпиадѣ, а александру на воинѣ суцу. паусания же, поймавъ храбрыя, вниде в позорице, <b>вѣдын</b> <b>александра на воину отшедша,</b> <b>вѣниде да чести суци велицѣ .</b> <b>филипу же суцу на позорици</b> <b>олумпиеви, и вниде паусания въ</b> <b>позорице съ оружиемъ и съ инѣми</b> <b>мужи храбрыми, убити хотя</b> филиппа, да алумпиаду въсхитит.

<sup>1</sup> Творогов О. В. Материалы к истории русских хронографов. 3. Троицкий Хронограф // ТОДРЛ. Т. 42. С. 287.

<sup>2</sup> Творогов О. В. Летописец Еллинский и Римский. Текстологические и источниковедческие проблемы, Летописец Еллинский и Римский. Т. 2. СПб., 2001. С. 162–163.

<sup>3</sup> Лемешкин И. Пространная редакция Хроники Иоанна Малалы по рукописи И. Е. Забелина № 436 // «Rýžoviště zlata a doly drahokamů...» Sborník pro Václava Huňáčka (Praha, 2006). S. 513–542.

<sup>4</sup> Истрин В. М. Александрия русских хронографов. Исследование и текст. М, 1893.

Ал. 1.28, в Тр. распространено, и, как кажется, с привлечением выражений из Амартола, известие о походе Александра через Фракию в Азию. В Иудейском хронографе читается вместо этого краткая ремарка, а Ел-2 снова соединяет оба чтения.

Вил., л. 468	Тр., л. 289с	Ел-2
<b>вси же гради приимахоу его съ вѣнци</b>	и градъ ефесь пришедь взя . силою многоу . и просто рещи поплемени всю асию . мѣщая отца своего филипа . грады раскоповая а у инѣхъ дани емля . и посадьники сажая . и вся земля трепеташе.	и град ефесь взя силою многоу . и просто рещи: поплени всю асию, мѣщая отца своего филипа, грады раскоповая, а у иных дани емля, и мѣстныя своя посаждая . и вся земля трепеташе. <b>вси же гражане приимахоу его съ вѣнци</b>

Практика контаминации касается и крупных блоков, как, например, вставка в Тр. о царе «Вузе» из Византии в переработке фрагмента Откровения Мефодия Патарского одновременно с пропуском нескольких больших фрагментов первой редакции (в Ел-2 варианты обеих редакций), и весьма небольших отрывков, порой в одно слово<sup>5</sup>. Все это должно означать, что составитель Еллинского летописца при обработке текста Александрии пользовался по крайней мере двумя списками разных редакций, в числе которых был список группы Троицкого хронографа. Как известно, О. В. Творогов выводил семью Хронографа по Великому изложению через хронограф древнейшей редакции, не дошедший до нас, ко 2-й редакции — Троицкому и, наконец, к 3-й редакции — Ел-2, минуя Еллинский летописец 1-й редакции. На примере Александрии Хронографической, однако, можно утверждать не о переработке протографа — некоего Хронографа по великому изложению, а о прямом влиянии на Ел-2 списка типа Троицкого.

<sup>5</sup> Например, Ал. 1.33, Тр., л. 292b «искаше же александръ коумира»; Иудейск. хр. «бга»; Ел-2 «бога кумира».

В. А. Волков (Москва)

## НОВЫЙ ИСТОЧНИК ПО ИСТОРИИ ПОКОРЕНИЯ КАЗАНСКОГО ХАНСТВА

«Казанское взятие» 1552 г. войсками Ивана IV стало одной из самых ярких страниц отечественной истории. Эта большая победа обезопасила восточные границы страны и продемонстрировала возросшую военную мощь Русского государства. О покорении Волжской Татарии рассказывается в ряде литературных памятников, давно уже введенных в научный оборот. Это не только «Казанская история», сочинение А. М. Курбского «История о великом князе Московском», «Летописец начала царства», «Степенная книга», Хронографы 1617 и 1620 г., но и открытое А. Н. Насоновым «Троицкое сочинение о взятии Казани»<sup>1</sup>.

Обнаруженная нами неопубликованная Повесть о казанском взятии 1552 г. («Хождение царя и великого князя Ивана Василевича на Казань город»), находящаяся в составе Хронографа особого состава, заметно отличается по своему содержанию от названных источников, в том числе и от краткой записи об этом событии в Хронографах 1617 г. (пространная редакция) и 1620 г. Приведем самую характерную из них: «Царь и великий князь Иоанн Василюевич всеа России иже бысть по родословию от великаго князя Владимира седмый на десять степенъ. Той Божиим поспешением и помощиею его же, в лето 7061 град Казань взял, и самех за непокорение их преславно победил, и все лукавное их злохитрство низложи, и всея поганския их советы и коварства разорил. И прочая грады их и жилища разрушил и безчисленное множество христианского плена свободил. И тако всем Казанским и Болгарским царством по Волге и по Каме обладати Бог поручи»<sup>2</sup>.

Читающаяся в Хронографе особого состава Повесть более подробна и содержательна. Объясняется это тем, что одним из источников этого памятника являлась Разрядная книга 1475–1605 г.<sup>3</sup> или общий протограф

<sup>1</sup> Насонов А. Н. Новые источники по истории Казанского «взятия» // Археографический ежегодник за 1960 г. М., 1962. С. 3–26.

<sup>2</sup> РГБ. Ф. 310. № 723. Хронограф редакции 1620 г. Л. 509 об. — 510. Близкие к этому тексту записи см.: РГБ. Ф. 256. № 458. Л. 531 об.; РГБ. Ф. 310. № 724. Л. 486 об.

<sup>3</sup> Разрядная книга 1475–1605 г. М., 1978. Т. I. Ч. III. С. 416–437.



этих двух памятников. Многие важные сведения Повести совпадают с информацией этого источника, однако в ряде случаев уточняют ряд его записей. Так, сообщая об Арском походе князя А. Б. Горбатого-Шуйского, автор Разрядной книги пишет: «И воеводы Казанскую землю воевали десеть дней и арские села и деревни пожгли и многих на все стороны пленили, и людей казанских многих живых привели»<sup>4</sup>.

В Повести («Хождении царя и великого князя Ивана Василевича на Казань город») об этом походе сообщается более подробно: «государь посылал... воевод своих верных со многими силами жечь казанские земли, и деревни их разорять до основания, они же шед повоевали вся казанския земли, огнем пожгли и всю в конец разорили, а людей всех избили на главы, и пожгоша все села и деревни в десять дней. И полоху множество взяша, числом яко до 2 тысяч человек»<sup>5</sup>.

Документ содержит ряд первостепенно важных дополнительных сведений об описываемом в нем эпохальном событии, каковым, безусловно, и был казанский поход 1552 г. Несомненный интерес представляют данные о численности выступившей в казанский поход русской армии. Всего в ее рядах, по сообщению составителя повести, оказалось 290 тыс. человек. Это сообщение более реалистично, чем сведения, приведенные автором «Казанской истории», насчитавшим в русском войске 520 тысяч служилых людей, кроме «обышных вои и конник и пешцов, возящих ратны запас»<sup>6</sup>. Его нельзя не учитывать специалистам, дискутирующим о численности русских вооруженных сил в середине и второй половине XVI в.<sup>7</sup>

Содержащийся в Повести рассказ о пленении «царя» Едигера-Мухаммеда близок к заметно отличающемуся от других источников описанию данного события в Разрядной книге 1475–1605 г. Лишь в этих памятниках сообщается, что хан был захвачен не во дворе «царского» дворца, а на стене у Збойливых ворот, хотя некоторые детали взятия «Едигера Касим Салтановича», как видно из приведенных ниже цитат, заметно разнятся:

Повесть о казанском взятии 1552 г.	РК 1475–1605 г.
Та же начаша царя казанского искати Едигера по всем странам града Казани объезжая. А во царево дворе его не обретоша. И языков татарских много пыташе. И они ничего о нем не сказаха. И абие князя Дмитриевы люди Палицкого скоро устремишася на левую сторону града Казани иде же у них татар звалися Збойливые ворота Збойливые ворота, и ту они обретоша царя на стене Едигера Касим Салтановича, астраханского царевича. И в неведении хотяша его убити. И абие ту с ним татарове берегуще его, и сказаха о нем христианом яко сей царь есмь казанский он, и не убейте ево. И тако прииде весть зело радостная ко государю царю и великому князю Ивану Василевичу Московскому, Казанскому и всеа Руси, яко его государским счастием казанского царя Едигера Касим Салтановича, что преже бывый царевич астраханский, взяша жива: и к тебе великому государю везут. Царь же государь велми радостен бысть, яко покорил ему Господь Бог и Пресвятая Богородица и святые угодники Божии взяти под свою руку таково силнаго царя и зело храбраго в полках татарских <sup>8</sup> .	И тако посылает государь <...> боярина своево князя Дмитрея Федоровича Палецкого, повелевает ему взяти царя казанского Едигера и вести ему в стан свой к себе. <...> Слуги же князя Дмитрея Палецкого на левой стороне града Казани, иде же у них слыли Збойливые ворота, а ныне зарушоны, на стене взяша царя Едигера Касым Салтанова сына астраханского и в неведении хотяше ево убити. И абие с ним тут некий татарин сказаше про него, яко царь есть. И князь Дмитрей Федорович Палецкой, взяв казансково царя Едигера, и повел к государю. О велико божие милосердие и предивное чудо: на толикое малое время, во един час, толико тысяч погибе казанских людей, и царя из города взяша, и ево царство Казанское поплениша. И тако государю царю и великому князю Ивану Васильевичу всеа Руси сказали, яко казанского царя Едигера князь Дмитрей Палецкой привел <sup>9</sup> .

<sup>4</sup> РК 1475–1605 г. Т. I. Ч. III. С. 426.

<sup>5</sup> РГБ. Ф. 310. № 1110. Л. 208 об.

<sup>6</sup> ПСРЛ. М., 2000. Т. XIX. Стб. 114; Казанская история. С. 124.

<sup>7</sup> Капитанов С. М. К вопросу о численности русского войска и народонаселения в XVI в. // Реализм исторического мышления. Проблемы отечественной истории периода феодализма. Чтения, посвящ. памяти А. Л. Станиславского. М., 1991. С. 112–115; Кром М. М. О численности русского войска в первой половине XVI в. // Российское государство в XIV–XVII вв. Сб-к статей, посвящ. 75-летию Ю. Г. Алексева. СПб., 2002. С. 67–81.

<sup>8</sup> РГБ. Ф. 310. № 1110. Л. 211 об.

<sup>9</sup> РК 1475–1605 г. С. 438–439.



Уникальные сведения, содержащиеся в Повести о казанском взятии 1552 г. («Хождении царя и великого князя Ивана Василевича на Казань город»), несомненно, привлекут к памятнику пристальное внимание специалистов. В связи с этим необходимо напомнить, что, публикуя открытый им новый памятник, посвященный походу на Казань 1552 г. (так называемое Троицкое сочинение о взятии Казани), А. Н. Насонов отметил отсутствие в нем новых сведений по истории похода, но, тем не менее, посчитал его ценным источником<sup>10</sup>. Повесть о взятии Казани из состава Хронографа особой редакции, не уступая указанному памятнику в литературном отношении, обогащает историческую науку важной, имеющей огромное значение информацией.

<sup>10</sup> Насонов А. Н. Новые источники по истории Казанского «взятия». С. 4.

Г. С. Гадалова (Тверь)

## К ВОПРОСУ О РЕДАКЦИЯХ И ЛИТЕРАТУРНЫХ ИСТОЧНИКАХ АЗБУЧНЫХ СТИХОВ ОБ АДАМЕ

Азбучным стихотворениям посвящено немало исследований как отечественных, так и зарубежных ученых-славистов. Однако если одни из стихов, например, «Азбучная молитва»<sup>1</sup> или «Азбука толковая о Христе»<sup>2</sup> изучены основательно, то рукописная традиция других стихотворений еще далеко не исследована. К числу последних принадлежат и азбучные стихи об Адаме, акростих которых подобно другим толковым азбукам включает названия букв славянского алфавита.

В науке отмечена древность происхождения «Азбуки об Адаме» (середина XV в.)<sup>3</sup>, ее связь с апокрифами, азбучными стихами и летописным «Словом Философа о вере», опубликован один из списков стихотворения по рукописи конца XV в. из собрания РНБ. Q.I. № 1130 с разночтениями по списку рукописного сборника 1533 г. из ИРЛИ. Пинеж. 280<sup>4</sup>. Вместе с тем отдельных исследований о литературных источниках азбучных стихов об Адаме не проводилось, и вопрос о редакциях памятника не ставился.

В ходе работы над каталогом «Славяно-русские рукописные книги XIV–XVI в. в хранилищах Тверской земли» в сборнике второй четверти XVI в. были выявлены толковые азбуки об Адаме, Христе и Воскресении Христовом (ГАТО. Ф. 1409. Оп. 1. Д. 375)<sup>5</sup>. Текст Тверского списка азбучных стихов об Адаме значительно расширен относительно публикации. В Троицком собрании РГБ удалось найти еще один подобный список в рукописи 1640 г. (РГБ. Ф. 304/1. № 660).

Кроме того, в столичных хранилищах в ряде рукописных сборников XVI–XVIII в. изучено еще несколько толковых Азбук об Адаме. Текст одних стихов совпадает с публикацией самого раннего списка памятника (РГБ. Ф. 178. № 3393, РГБ. Ф. 205. № 208, ГИМ. Уваров. № 778 и 848), текст других имеет ряд разночтений (РНБ. ОСРК Q XVII. № 150, РГБ. Ф. 113. № 551, ГИМ. Уваров. № 159).

Таким образом, при сопоставлении текста новых списков «Азбуки об Адаме» с публикацией выявлены две редакции памятника – Краткая и Пространная, а внутри редакций их разновидности. Так, в Краткой редакции Азбуки можно выделить два варианта текста, что видно уже в первой строке стиха: «Азь есмь начало и конецъ» (РНБ. ОСРК. Q XVII. № 150. Л. 631 об.) и «Азь наре(че)тся Адамъ» (РНБ. Q.I. № 1130. Л. 294).

<sup>1</sup> Зыков Э. Я. Судьба «Азбучной молитвы» в древнерусской письменности // ТОДРЛ. 1971. Т. 26. С. 177–191; Кувс К. М. Азбучната молитва в славянските литератури. София, 1974; Кувс К. Новооткрити преписи на Азбучната молитва // Palaeobulgarica=Старобългаристика. 1979. № 4. С. 26–33.

<sup>2</sup> Демкова Н. С., Дробленкова И. Ф. К изучению славянских азбучных стихов // ТОДРЛ. М.; Л., 1968. Т. 23. С. 27–61.

<sup>3</sup> Лукьяненко В. И. К истории русского букваря (Роль и значение азбучного акростиха в процессе обучения русской грамоте в XIV, XV и первой половине XVI вв.) // Труды Ленинградского библиотечного института им. Н. К. Крупской. Л., 1958. Т. 4. С. 251–253.

<sup>4</sup> Демкова Н. С., Дробленкова И. Ф. К изучению славянских азбучных стихов. С. 60–61.

<sup>5</sup> См. публикацию текстов: Гадалова Г. С. Азбучные стихотворения в тверских рукописях XVI в. // Слово и вера: Международная научная конференция, посвященная на 90-годовщина от рождения на проф. Боню Ангелов. 18–19 октомври 2004 г., г. Стара Загора (в печати).

Несмотря на малое количество выявленных списков Пространной редакции памятника, различия текстов позволяет выделить также два варианта, см. например:

ГАТО. Ф.1409. Оп.1. Д. 375. Л. 268–270	РГБ. Ф. 304/1. № 660. Л. 402–402 об.
<b>А</b> язъ есмь реч(е) Г(оспод)ь начало и конецъ, и человѣка создах и агг(е)лом своимъ повелѣхъ взяти .А. на востоцѣ, .Д. на западѣ, .М. на юзѣ, .Б. на сѣверѣ, и тои составивъ, и нарече имя ему Адамъ, и сѣи бѣ первыи ч(е)л(овѣ)къ на земли, сътворенъ быс(ть) Б(о)гом.	<b>А</b> зъ — наречес(я) начало и конецъ, и повели Г(о)с(под)ь ангелом своим взяти на востоци, Добро на западе, Мыслете на юзе, Ерь на севере. И нареч(е) Г(о)с(под)ь Б(о)гъ имя емоу Адамъ — се ж(е) бысть первыи ч(е)л(о)в(ѣ)къ на земли сотворен Б(о)гом. Михаилъ и Гаврииль.
<b>И</b> бо отринух ся от свѣта въ тму, а от живота в см[е]рть, и того ради в потѣ труда своего горѣхъ рыдая съ слезами дѣлах землю.	<b>И</b> снидѣ Г(о)с(под)ь Б(о)гъ во образѣ С(ы)на Б(о)жиа, сим бо словом пишеть Исус, возва и г(лаго)ля Бл(а)говещение.
<b>О</b> нже сътворивыи Б(о)гъ Адама выплоти ся въ ч(и)стѣи д(е)в(и)ци.	<b>О</b> ттомщюу ти сотона, вражо.

Единая основа большинства строк и наличие ряда одинаковых строк с незначительными изменениями текста («Б», «В», «Э», «Р», «Т», «Ш») свидетельствуют об одном архетипе памятника, ср.:

Краткая ред.	Пространная ред.
<b>Б</b> л(а)г(о)с(ло)ви Г(о)с(под)ь Б(о)гъ Адама венцем и велелепотою украси его (РНБ. ОСРК Q XVII. № 150. Л. 631 об.)	<b>Б</b> л(а)г(о)с(ло)ви Б(о)гъ Адама славою, и ч(е)стию, и вѣнцем, и велелѣпотою украсивъ его (ГАТО. Ф. 1409. Оп. 1. Д. 375. Л. 268)
<b>Б</b> л(а)г(о)с(ло)ви его велелѣпотою славы и венцемъ оукраси его (РНБ. Q.I. № 1130. Л. 294)	<b>Б</b> л(а)г(о)с(ло)ви Г(о)с(под)ь Б(о)гъ Адама велелепотою и славою, и венцемъ оукраси его деяние. Ис(у)съ Х(ри)с(то)съ. Адамъ (РГБ. Ф. 304/1. № 660. Л. 402)

Среди текстологических и тематических источников памятника выявлены тексты:

- 1) библейские (ветхо- и новозаветные) — книги Бытия, Евангелий, Посланий ап. Павла и Откровения ап. Иоанна Богослова;
- 2) святоотеческие — Слова Иоанна Златоуста, Иоанна Дамаскина, Иоанна экзарха Болгарского, Кирилла Туровского;
- 3) летописные — Слово Философа о вере;
- 4) апокрифические — Сказания об Адаме;
- 5) литургические — Триодъ Постная, Октоих, Минея, Паремейник;
- 6) исторические — Палея;
- 7) толковые азбучные стихи;
- 8) духовные стихи об Адаме.

Исследование текста списков «Азбуки об Адаме» показывает, что сюжет памятника выходит за пределы конкретной тематики. Это не узкий рассказ о сотворении первого человека, его грехопадении, покаянии и плаче. Это цикл стихов, где воедино соединились мотивы ветхозаветной и новозаветной истории. Это Азбука о потерянном Адамом и Евой рае и о Воскресении Христовом, о милосердии Христа и спасении человечества.

Древность толковой Азбуки об Адаме делает необходимым введение в науку новых списков памятника для его дальнейшего комплексного изучения.



А. А. Гиппиус (Москва)

## ЯЗЫКОВАЯ ГЕТЕРОГЕННОСТЬ И КАЧЕСТВО НАРРАТИВА В «ПОВЕСТИ ВРЕМЕННЫХ ЛЕТ»

Языковая гетерогенность «Повести временных лет» является одним из потенциально наиболее значительных источников реконструкции истории текста Начальной летописи. Объективную основу для развития этой методики могут составить наблюдения над языком фрагментов, вторичность которых в составе ПВЛ с достаточной уверенностью предполагается на основе собственно текстологических данных.

С этой точки зрения особый интерес представляет тематически однородное повествование о мщении Ольги древлянам. Положение А. А. Шахматова, согласно которому отсутствующий в Новгородской I летописи младшего извода (НПЛ) рассказ о четвертой мести Ольги представляет собой добавление составителя ПВЛ к тексту Начального свода 90-х г. XI в., уже успело найти независимое лингвистическое подтверждение: вставное происхождение рассказа свидетельствуется двукратным использованием в нем новой формы аориста *рекоша*, при том что в рассказе о первых трех местях последовательно употребляется старая форма *рѣша*.

Лингвистическая специфика вставного эпизода обнаруживает себя и на более высоких уровнях языковой организации текста. В частности, различным в рассказах о первых трех и четвертой мести (далее соответственно М1–3 и М4) является соотношение основных способов соединения предикаций в нарративной последовательности. В М1–3 модель «цепочечного» нанизывания предикаций при помощи союза *и* (*И рече Ольга...*) количественно доминирует над моделью, использующей союз *же* для маркировки смены субъекта (*Ольга же рече*); в М4 соотношение этих моделей является обратным. По-разному соотносятся и два подварианта *же*-модели — с субстантивным и местоименным субъектом (*Ольга же рече... / Она же рече...*): в М1–3 преобладает местоименная модель, в М4 — субстантивная.

Другой специфической особенностью М4 является частая повторяемость в этом эпизоде одних и тех же или же синонимичных выражений и конструкций. Ср.: «**В**ольга же оустремиса съ снмъ своимъ на Искоростѣнь гра<sup>а</sup>, **п**ако тѣе б<sup>а</sup>х<sup>ѹ</sup> оубили мужа е<sup>а</sup>, /.../ и б<sup>о</sup>р<sup>а</sup>х<sup>у</sup>са крѣпко изъ града, вѣдѣху бо **п**ако сами оубили княз<sup>а</sup>»; «нынѣ оу васъ нѣ<sup>ѣ</sup> меду ни скоры, но мало оу васъ прошю: дайте ми **ѿ** двора по .г. голуби да [по] г воробьи; азъ бо не хошю т<sup>а</sup>ж<sup>ь</sup>ки дани възложити, **п**акоже и мужъ мои, сего прошю оу васъ мало; вы бо есте изънемогли в [о]садѣ, да сего оу васъ прошю мала»; «Деревлане же ради бывше и собраша **ѿ** двора по .г. голуби и по .г. воробьи и послаша к Ользѣ с поклономъ /.../ Деревлане же ради бывше внидоша въ градъ и повѣдаша людемъ, и **в**брадовашася людье въ градѣ»; «Вольга же раздала воемъ по голуби комуждо, а другимъ по воробьеви и повелѣ [къ] комуждо голуби и къ воробьеви привазъ<sup>ѣ</sup>ывати цѣрь **в**бертъ<sup>ѣ</sup>ывающе въ платки малы, ниткою поверзывающе къ коемуждо ихъ»; «и не бѣ двора идеже не гораше, и не бѣ льзѣ гасити, вси бо двори възгорѣшася».

Подобные повторы качественно неоднородны: в части контекстов мы имеем дело с дублированным обозначением одного и того же положения дел (ср.: «не бѣ двора идеже не гораше» / «вси бо двори възгорѣшася»); в других случаях — с одинаковым обозначением повторяющихся ситуаций (ср. двукратное «деревлане же ради бывше...»). Повторы первого типа могут, в принципе, рассматриваться как выражающие определенную риторическую стратегию, акцентирующую внимание читателя на повторяемом фрагменте информации. Однако сама систематичность повторов (нередко лишенных какой-либо смысловой нагрузки) дает больше оснований видеть в них приметную особенную «тавтологическую» манеру письма, выдающей недостаточную риторическую искусственность автора. К этому склоняют и примеры повторов второго типа, в которых уже вполне определенно проявляется недостаток внимания к разнообразию используемых языковых средств.

То же соотношение приемов организации нарратива можно наблюдать, сопоставляя две части рассказа о походе Святослава на греков. И здесь текст, отсутствующий в НПЛ (по Шахматову — добавленный в ПВЛ как введение к договору 971 г.), характеризуется, с одной стороны, преобладанием *же*-модели в ее субстантивной разновидности («Цѣрь же наутриа призва **п**а...»; «Цѣрь же радъ бѣ<sup>ѣ</sup>...»; «Стославъ же при<sup>а</sup> дары...»), а с другой — повторением в пределах небольшого фрагмента одних и тех же фразовых сегментов (ср.: «хочю имѣти миръ с тобо[ю] твердѣ и любовь...» / «хочю имѣти любовь со црмъ Гречьскимъ»; «се же слышавъ радъ бы<sup>ѣ</sup>...» / «црѣ же радъ бѣ<sup>ѣ</sup> »).

Последняя черта обнаруживается и в других добавлениях ПВЛ к тексту Начального свода и может рассматриваться как одна из наиболее ярких примет литературной манеры ее составителя. Узнаваемость этой «тавтологической» манеры, с характерной для нее словесной избыточностью, приверженностью к шаблонам, обилием поясняющих оборотов, уводящих изложение в сторону от основной темы, делает ее проявления важным признаком, маркирующим пассажи, вошедшие в Начальную летопись на заключительном этапе ее формирования.

О. В. Гладкова (Москва)

## ЖИТИЕ ЕВСТАФИЯ ПЛАКИДЫ И СКАЗАНИЕ О ФЕОДОРОВСКОЙ ИКОНЕ: ВОПРОСЫ ТЕКСТОЛОГИИ, ПОЭТИКИ И ИДЕОЛОГИИ

В исследовательской литературе уже было отмечено, что один из ключевых эпизодов Сказания — явление иконы Божьей Матери костромскому князю Василию — создавался явно под воздействием Жития Евстафия Плакиды<sup>1</sup>. Однако без внимания остались вопросы о том, каким переводом или редакцией Жития воспользовался безымянный автор первой половины XVII в., что именно привлекло его в древнем памятнике и какие художественные и идеологические задачи решались в процессе создания нового текста благодаря обращению к переводному агиографическому произведению эпохи начального христианства. Перечисленным вопросам мы предполагаем посвятить свой доклад, к тому же сопоставление Жития и Сказания предоставит возможность с новых позиций судить об очередности возникновения разных редакций Сказания<sup>2</sup>.

К настоящему моменту можно с уверенностью утверждать, что источником Сказания явился древнейший I перевод Жития: именно в рукописной традиции I перевода<sup>3</sup> в результате ошибки переписчика сложился образ Плакиды — «веселого ловца» (в начальной характеристике охотника Плакиды вместо **все лова**, что соответствовало греческому оригиналу, на каком-то этапе стало писаться **весело лова**). Образ «веселого ловца» использован в Сказании: князь Василий отправляется на охоту, **также есть обычай князем веселитися**<sup>4</sup>.

Однако среди ряда вполне определяемых параллелей к I переводу Жития встречаются в Сказании образы, которые возможно соотнести также со II и III переводами Жития или же с общей традицией сакрализации пространства в христианской книжности, — «чаща леса», «поле», «место пусто». Во II и III переводах Жития упоминаются **частва мѣста** (II перевод<sup>5</sup>), **добрава часта** и **непроходый поуть** (III перевод<sup>6</sup>), однако ни в одной сводной редакции Жития на основе нескольких переводов не сочетаются «весело лова» и «частые» «место» или «добрава», следовательно, автор Сказания мог обращаться к нескольким переводам Жития одновременно, хотя, повторим, появление названных образов могло и не быть результатом заимствования из Жития.

Подведение параллелей позволяет предположить, что Пространная редакция (А) Сказания возникла позже так называемой Милютинской (или Первой) редакции (Б)<sup>7</sup> в результате целенаправленного дополнения ее по Житию и прибавления отчества князя («Георгиевич») — ни одной параллели с Житием в редакции Б нет. Трудно представить, что сокращение прошло только с целью исключить заимствование вплоть до мельчайших деталей и грамматических форм, при том что сам источник заимствования в редакции А не назван. К тому же несколько искусственно выглядит в редакции А сама охота: собаки «гонят» (глагол из Жития, где Плакида «гонит» оленя), но кого, неизвестно; глагол добавлен, но фактическая сторона осталась неизменной: объект охоты ни в редакции Б, ни в редакции А не назван. Третья, проложная редакция (В) Сказания создана в результате сокращения редакции А: здесь сохранился образ «веселого ловца» («яко обычай есть князем веселитися»<sup>8</sup>).

<sup>1</sup> Смирнова Э. С. Иконы Северо-Восточной Руси: Ростов, Владимир, Кострома, Муром, Рязань, Москва, Вологодский край, Двина. Середина XIII — середина XV века. М., 2004. С. 179. Имеется в виду Пространная редакция (А).

<sup>2</sup> См.: Каган М. Д. Сказание о иконе Богородицы Феодоровской // Словарь книжников и книжности Древней Руси. СПб., 1998. Вып. 3. Ч. 3. С. 408–409.

<sup>3</sup> По нашей классификации, см.: Гладкова О. В. История текста христианского романа о Евстафии Плакиде // Литература Древней Руси. Сборник научных трудов. М., 1996. С. 29–43. I перевод цитируем по рукописи: РГБ. Главное собрание Троицко-Сергиевой Лавры (Ф. 304/1). № 666. Четья минея неполного состава (сентябрь—октябрь). Кон. XV в. Л. 81 об. — 91 об.

<sup>4</sup> Пространную редакцию (А) Сказания цитируем по рукописи: РГБ. Собр. Музейное (Ф. 178). № 6459. Сборник. 1670 г. Л. 38–136. Благодарим Т. В. Марелло (Нечаеву) за предоставленные фотокопии рукописей Сказания.

<sup>5</sup> Цитируем по рукописи: Государственный архив Псковской области. Собр. Псковско-Печерского монастыря (Ф. 449). № 60. Сборник. Третья четв. XV в. Л. 82–90.

<sup>6</sup> Цитируем по рукописи: РНБ. Ф.1.767. Сборник. Сер. XVI в. Л. 8–18.

<sup>7</sup> Представленной прежде всего в Четых минеях Иоанна Милютинина (ГИМ. Собр. Синодальное. № 808. Август. 1646–1654 г. Л. 764–771).

<sup>8</sup> Державина О. А. Древняя Русь в русской литературе XIX века. Пролог. Избранные тексты. С. 285.

Все заимствования из Жития в Сказании редакции А ограничиваются эпизодом охоты язычника Плакиды на чудесного оленя, заимствуются некоторые синтаксические конструкции, образы-лексемы, при этом неизбежно смещаются смысловые акценты: в Сказании уже нет, конечно, речи о спасении души добродетельного язычника, на первый план выдвигается сакрализация пространства, действий князя, его неожиданный переход из мира материи с его «обычаями» в постепенно открывающийся необычный мир идеального (**великий князь василий георгиевичъ гонитъ невычайно**), предстояние перед Святыней и обретение ее. Таким образом, наблюдение над работой автора Сказания позволяет исследователю судить о том, какие аспекты содержания Жития были актуальны для читателя XVII в.

Думается, что привлечение Жития Евстафия Плакиды при составлении редакции А Сказания могло иметь и идеологические причины. Известно, что Евстафий Плакида воспринимался как «княжеский святой», вторым Плакидой со времен Нестора считался князь Владимир, Креститель Руси. В нашем случае столь весомая параллель могла служить также укреплению политического статуса не только костромского князя, но и самого города Костромы. Параллель «Плакида — Владимир — Василий» могла быть подсказана автору Сказания и самим именем князя, поскольку Василий — имя, данное в крещении Владимиру. С другой стороны, имя Василий напоминало о «василевсе» — византийском императоре, возможно, о самом Константине Великом, с которым — через явление Креста — также было связано почитание Евстафия Плакиды.

Э. А. Гордиенко (Санкт-Петербург)

## ДРЕВНЕЙШИЙ РУССКИЙ ПРОЛОГ И УЧАСТИЕ НОВГОРОДСКОГО АРХИЕПИСКОПА АНТОНИЯ В ЕГО СОЗДАНИИ

В конце XII — начале XIII в. Добрыня Ядрейкович, будущий архиепископ Антоний, посетил Царьград. Позднее по воспоминаниям он написал Книгу Паломник, содержание которой определено ее вторым названием — «Сказание мест святых во Царьграде», и раскрыто в послесловии, где говорится о назначении книги для чтения о святых: «на уведение и на память, и на молитву благоверным человеком...».

Путешествуя по византийской столице, новгородский паломник обращался к вещам, составлявшим коренные ценности христианского общества, и среди них важнейшими были реликвии святых. Отсюда становится понятным его внимание к Прологу, чтение которого в Софии Константинопольской полагалось после заутрени и до обедни.

Возможно, этим порядком объясняется название книги, чтения из которой служили вступлением к литургии. Но, согласно Уставам XII в., в новгородской церкви после утрени до половины дня наступало свободное время («порозднь часом и делом») и, следовательно, не было периода самостоятельного чтения Пролога. Видимо, это расхождение озадачило Добрыню, и предшествующее литургии чтение Пролога в константинопольской Софии подсказало необходимость введения подобного порядка в новгородской церкви.

Время возникновения русского Пролога остается невыясненным, и древнейшим до сих пор является Софийский конца XII — начала XIII в. (РНБ. Соф. 1324). По мнению С. А. Давыдовой, важнейшая особенность памятника состоит в сообщениях о происходивших в Константинополе событиях и упоминании о находившихся в его храмах святынях, их перемещениях, сопровождавшихся богослужебными собраниями и литиями.

Эти наблюдения напрашиваются на вопрос: кто и когда из русских книжников в конце XII — начале XIII в. мог принять участие в составлении этого Пролога? Кроме архиепископа Антония, хорошо знакомого с константинопольскими святынями, в источниках нет другого имени, с которым можно связать создание этой рукописи.

Ответ дают и многие не известные в месяцесловах новгородских Евангелий, Миней и Стихирарей XI—XII в., но включенные в Софийский Пролог памяти святых. Среди многих из них наиболее выразительными примерами взаимозависимости Книги и Пролога являются имена живописца Лазаря (17 ноября) и Зотика Сиропитателя (30—31 декабря).

Упоминание Лазаря (IX в.) — древнейшее в источниках свидетельство о создателе мозаики в алтаре Софии с изображением Богородицы с Младенцем и двух ангелов. Очевидно, по воспоминаниям архиепископа Антония память иконописца была внесена в Софийский Пролог, была принята в Прологах XIV в. и впоследствии вошла в русские святыцы.

Не случайным было внимание новгородского паломника и к Зотику. Святой подвизался на поприще, составлявшем основу деятельности родной обители Антония — Хутынского монастыря, как лечебницы, «трудоватицы», куда в течение многих столетий приходили страждущие. С тех пор, пополнив ряд почитаемых в Новгороде врачей-бессеребренников, Зотик был включен в русский месяцеслов.

Причастность архиепископа Антония к Софийскому Прологу очевидна и в нравоучительной части рукописи. По мнению А. А. Гиппиуса, она написана пономарем Тимофеем в период владычества Спиридона (1229—1249) и Далмата (1250—1274). Вместе с тем нельзя исключить, что основой чтений о Покрове Богородицы и видении святого Андрея и Елифания на 1 октября могли стать рассказы или записи архиепископа Антония, остававшегося дееспособным до 1228 г. Он первый поведал русским людям о чуде от иконы Богоматери во Влахернской базилике. Возможно, дополнение в Прологе о Влахернском храме, в раке которого хранится риза Богородицы, также внесено по его воспоминаниям.

Дальнейшее сравнение двух памятников дает основание видеть в Книге Паломник «конспективную» запись, повлиявшую на состав Софийского Пролога.

*Д. Домбровский (Торынь)*

## ЯРОСЛАВ ИЗЯСЛАВИЧ. ЕЩЕ РАЗ О НЕОБХОДИМОСТИ ДАЛЬНЕЙШИХ ИССЛЕДОВАНИЙ ГЕНЕАЛОГИИ РЮРИКОВИЧЕЙ\*

Генеалогия Рюриковичей все еще имеет огромный исследовательский потенциал (см. мнение А. В. Назаренко). Одной из важнейших причин такого положения вещей является недостаточное использование большинством исследователей тех профессиональных приемов, которые были разработаны авторами, занимающимися историей других правящих династий.

Каркасом генеалогических работ, выстроенных из модулей-биограмм, является уже давно разработанная анкета, состоящая из следующих пунктов: а) филиация (по отцу и матери), б) рождение (время, место), в) очередность, занимаемая по возрасту среди братьев и сестер, г) имя (имена) и прозвище, д) смерть (дата, место, погребение), е) брачные союзы (все заключенные браки, их продолжительность), ж) основные биографические данные, касающиеся супруга.

На примере биограммы Ярослава, сына Изяслава Мстиславича, хорошо известного по древнерусским источникам правителя, игравшего в свое время важную роль на древнерусской политической арене, нам хочется продемонстрировать, как много нового можно внести в актуальное состояние исследований — прежде всего, именно благодаря более полному, чем это было до сих пор, использованию профессиональных приемов. С этой целью сопоставим данные, касающиеся князя. Результаты исследований, которые до сих пор использовались в литературе, представим в анкете № 1. Собственные определения, сделанные для нужд «Генеалогии Мстиславичей», готовящейся в настоящее время, будут представлены в анкете № 2.

Анкета № 1:

- а) Сын Изяслава Мстиславича и его первой жены, родственницы Фридриха I Барбароссы.
- б) Никто не занимался определением даты рождения князя.
- в) На практике эта проблема не исследовалась, имеются лишь случайные констатации.
- г) Многократно упоминаемое княжеское имя не вызывало сомнений. Появилось также основанное лишь на сфрагистическом критерии мнение о том, что Ярослав носил имя Иоанн, данное ему при крещении (В. Л. Янин).
- д) О дате смерти князя имелись различные мнения. Считалось, что он умер после 1173 г. (Д. Донской), между 1174—1180 г. (Н. де Баумгартен, Д. Двожачек, В. К. фон Исенбург), в 1175 г. (Й. Форсмманн, Д. Швеннике), между 1175—1179 г. (О. Холовко), до 1180 г. (М. Грушевский, Л. Войтович). Место погребения не указывалось.
- е) Считалось, что Ярослав женился на дочери Владислава II, короля Чехии, до 1149 г. В брачном союзе родились четыре сына (Всеволод, Ингвар, Мстислав, Изяслав), упоминаемые в различной, чаще всего случайной очередности.

\* Работа выполнена по гранту KBN № 108 036 31/2325.

ж) Кроме факта, что княжна Изяславовна была дочерью Владислава II, в литературе не встречается никаких других фактов из ее жизни (кроме указанных в п. «е»).

Анкета № 2:

а) Филиация князя по отцу не вызывает сомнений. Она различными способами подтверждается источниками. Его матерью была первая жена Изяслава, не являющаяся, однако, родственницей Фридриха I Барбароссы (О. Бальцер и К. Ясинский).

б) Родился после середины 1133 г., но до 1136 г. Об этом свидетельствуют дополняющие друг друга данные: самый старший, известный по источникам сын Ярослава, Всеволод, женился в 1166/1167 г. Сумма минимальной разницы возраста между отцом и потомком, а также количество лет, по достижению которых можно вступить в брак, дает около 30 лет. Ярослав не мог, таким образом, появиться на свет после 1136/1137 г.; первое упоминание о нем датируется 6654 (1146/1147) г., когда он получил Туров. В это время он должен был как минимум приближаться к взрослому возрасту; старший брат князя, Мстислав, родился, по всей видимости, вскоре после 15.04.1132 г., что определяет *terminus post quem* рождения Ярослава на середину 1133 г. (если он был следующим после Мстислава Изяславичем).

в) Несомненно, Ярослав был моложе своей сестры, неизвестной по имени, выданной в 1144 г. за Роговолода Василия Борисовича, и моложе Мстислава. Был он, несомненно, старше следующего брата, Ярополка, родившегося в 1143–1147 г., и как минимум одной сестры, упоминаемой *Киевской летописью* при родителях, под 6657 (1149) г. Отдельным вопросом является, была ли это Евфимия, вторая жена Мешка III Старого.

г) Этот Изяславич носил княжеское имя Ярослав. Сфрагистические данные слишком слабы для того, чтобы можно было принять мнение Янина в отношении имени, данного ему при крещении (А. Ф. Литвина и Ф. В. Успенский).

д) Ярослав умер между 1174/1175 и 20.07.1176 г., ближе к дате *ad quem*. Срок его смерти позволяет уточнить анализ группы древнерусских упоминаний, содержащихся в *Хронике Яна Длугоша*. Согласно польскому летописцу, пользующемуся в этом случае, несомненно, летописными свидетельствами, кончина Изяславича наступила «*sub idem tempus*», как и смерть Михалко Юрьевича (26.06.1176 г.), и предшествовала захвату Киева Святославом Всеволодовичем (20.07.1176 г.). Ярослав был похоронен, по всей вероятности, в церкви св. Федора в Киеве, семейном некрополе Мстиславичей.

е) Ярослав женился не позднее 1150–1152 г. Невозможно достоверно определить происхождение жены Ярослава, которая была, по всей вероятности, его единственной женой. Аргументы, составляющие основу гипотезы о том, что это была дочь короля Чехии Владислава II, не выдерживают критики (Б. Кшемьская). Однако можно задуматься о том, не женился ли Ярослав на дочери Игоря Олговича (+ 1147 г.)? Но это предположение опирается на слишком слабые доказательства (критерий имени: старшие Изяславичи носили имена Всеволод и Ингвар). В единственном браке князя на свет появились четыре известных источникам сына: Всеволод, Ингвар, Мстислав и Изяслав, а также предположительно дочь, выданная за представителя туровской линии Рюриковичей.

ж) Если не принимать во внимание выше представленного предположения о происхождении жены Ярослава от Игоря Олговича, мы не сможем сказать о ней ничего кроме того, что уже было представлено в п. «е».

Как следует из выше представленного примера, даже в случае биографии сравнительно хорошо известного исследователя князя при тщательном применении профессиональных приемов можно провести еще более детальную проверку существовавших до сих пор представлений.

А. В. Духанина (Москва)

## СПЕЦИФИКА УПОТРЕБЛЕНИЯ ГЛАГОЛЬНЫХ ФОРМ В ПОХВАЛЬНОМ СЛОВЕ СЕРГИЮ РАДОНЕЖСКОМУ В СРАВНЕНИИ С ДРУГИМИ СОЧИНЕНИЯМИ ЕПИФАНИЯ ПРЕМУДРОГО

Похвальное слово Сергию Радонежскому — одно из нескольких известных нам сочинений древнерусского книжника Епифания Премудрого, творчество которого пришлось на первую половину XV в. Из всех произведений Епифания только в отношении Жития Стефана Пермского никогда не возникало сомнений



в атрибуции. Что касается остальных сочинений, то требовалось серьезное исследование текстов и сохранившихся списков, чтобы доказать авторство Епифания.

Сложности возникли и при атрибуции Похвального слова Сергию из-за противоречивой информации, извлекаемой текстологами из самого произведения, а также потому, что в некоторых списках его автором назван Пахомий Серб<sup>1</sup>. В результате долгое время Слово рассматривали как епифаниевский текст со вставками Пахомия, и лишь в первой половине XX в. А. Д. Седельников смог убедительно доказать, что текст Слова не имеет вставок и текстологических швов, указывающих на вмешательство другого писателя<sup>2</sup>. Таким образом, на сегодняшний день атрибуция произведения Епифанию сомнений не вызывает.

Исследование системы глагола в агиографических сочинениях Епифания Премудрого показало, что можно говорить о своеобразии языка Епифания в отношении употребления отдельных глагольных форм, что может иметь в том числе и атрибутирующее значение. В связи с этим особый интерес представляет исследование системы глагола в Похвальном слове Сергию, которое могло бы предоставить дополнительные аргументы в пользу авторства Епифания.

Изучение функционирования глагольных форм в Слове выявило интересную особенность этого текста: его язык — стандартный церковнославянский, как и язык Житий Стефана Пермского и Сергия Радонежского, — абсолютно лишен специфики этих сочинений.

Во-первых, в Слове нет тех особенностей, что свойственны обоим епифаниевским житиям и отличают их от большинства других агиографических сочинений, в том числе и от житий Пахомия Серба<sup>3</sup>. Прежде всего, это использование форм перфекта 3 л. преимущественно без связки, что соответствует особой норме употребления перфекта в некоторых стандартных церковнославянских текстах XIV — начала XV в. (в частности, в Чудовской редакции Нового Завета и Житии Евфимия Великого)<sup>4</sup>. В Слове форм перфекта всего 6, при этом из 4 форм 3 л. только одна использована без связки. Нет в Слове и примеров употребления так называемого будущего второго, отмеченного в епифаниевских житиях и не зафиксированного у Пахомия.

Во-вторых, в Похвальном слове Сергию отсутствуют и те особенности, которые наблюдаются только в Житии Стефана Пермского и которыми это сочинение отличается как от пахомиевских произведений, так и от епифаниевского Жития Сергия. Это использование формы «русского плюсквамперфекта», вторичных имперфективов на *-ива-/-ыва-*, настоящего исторического в так называемом имперфектном значении<sup>5</sup>. В Слове не представлена ни одна их перечисленных форм.

Наконец, в Слове нет и форм, изредка встречающихся в житиях как Епифания, так и Пахомия: форм имперфекта мн. ч. с аугментом *-ть* в позиции перед местоимением на *i-*, а также «аномальных» форм с лишней связкой — «псевдоперфекта», «псевдоплюсквамперфекта», конструкций с удостоверительным «есть» и др.

Таким образом, язык Похвального слова Сергию (в части системы глагола) оказывается абсолютно, если можно так выразиться, обезличенным и не предоставляющим никаких лингвистических данных в пользу атрибуции этого произведения не только Епифанию, но и любому другому автору. Т. е. эта черта не может рассматриваться и как аргумент против гипотезы об авторстве Епифания. Необходимо также отметить, что Слово отличается по жанру от епифаниевских житий и, возможно, является наиболее поздним из всех сочинений Епифания<sup>6</sup>. Это может быть основанием для определенных языковых отличий, тем более что, как показывают наблюдения, каждое епифаниевское сочинение характеризуется своей спецификой в области глагола и в целом Епифанию свойственна гибкость взглядов на нормы.

---

<sup>1</sup> Подробный разбор существующих в науке точек зрения на эту проблему см.: Кучкин В. А. О времени написания слова похвального Сергию Радонежскому Епифания Премудрого // От Древней Руси к России нового времени. М., 2003. С. 407–419.

<sup>2</sup> Седельников А. Д. Из области литературного общения в начале XV века (Кирилл тверской и Епифаний «московский») // ИОРЯС. Л., 1926. Т. 31. С. 159–176.

<sup>3</sup> См. подробнее: Духанова А. В. К вопросу об атрибуции Пространной редакции Жития Сергия Радонежского: лингвистические данные // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2006. № 3 (25). С. 5–19.

<sup>4</sup> Духанова А. В. Особый тип нормы употребления перфекта в некоторых памятниках стандартного церковнославянского языка XIV — начала XV века // Вестник Моск. ун-та. Сер. Филология. 2007. №2 (в печати).

<sup>5</sup> В Житии Сергия и у Пахомия настоящее историческое используется в «событийном» значении.

<sup>6</sup> По мнению В. А. Кучкина, Слово было написано после Жития Сергию (Кучкин В. А. О времени написания слова похвального Сергию Радонежскому Епифания Премудрого. С. 414–416).

А. Н. Егорьков, В. И. Кильдюшевский, А. В. Курбатов (Санкт-Петербург)

К ТРАДИЦИЯМ СТЕКЛОДЕЛИЯ В ДРЕВНЕМ ВЛАДИМИРЕ<sup>1</sup>  
(ПО МАТЕРИАЛАМ РАСКОПОК 2006 г. В «ВЕТЧАНОМ ГОРОДЕ»)

Средневековый Владимир остается одним из русских городов, который, несмотря на масштабные археологические исследования последнего времени, не имеет представительной выборки древних изделий из стекла, изученного в отношении состава методами естественных наук. До настоящего времени спектральные анализы средневековых стеклянных изделий из Владимира и Суздаля крупными сериями не делались. В каталоге анализов В. А. Галибина приведены результаты оптико-эмиссионной спектрографии 9 находок из Суздаля и 11 предметов из Владимира (Галибин 2001: 176, ан. 1976–1986). Еще 33 анализа браслетов из Суздаля выполнены Ю. Л. Щаповой в лаборатории кафедры археологии МГУ (Седова 1997: 179). Но учитывая массовый характер стеклянных изделий, встречаемых в средневековых слоях этих городов, в том числе и Владимира, такого количества анализов явно недостаточно для сравнительного изучения материалов из разных городов и получения объективных выводов.

Отчасти восполнить этот пробел позволяют материалы из 3 раскопов 2006 г. на Б. Нижегородской улице. Оптико-эмиссионной спектрографии были подвергнуты 46 образцов стекла, отобранные из находок на всех трех раскопах. Среди них преобладают обломки стеклянных браслетов, но также взяты образцы средневековых стеклянных сосудов, а кроме того, и образцы сосудов XVII–XVIII в. Для анализа отобрано стекло браслетов различной формы и цвета. Большинство их встречается сериями на разных участках средневековой застройки в слое и в заполнении ям и построек XII–XIII в. Это крученые, витые, продольно рифленые и гладкие браслеты, круглого, прямоугольного или треугольного сечения. Браслеты зеленого, синего, фиолетового, коричневого и желтого прозрачного стекла, разных тонов и оттенков, на некоторых навита нить желтого или красного цвета.

На основании выполненных в ИИМК РАН анализов установлено, что некоторые компоненты состава (сурьма, кобальт, никель) не присутствуют ни в одном случае. Из 14 предметов, отобранных на раскопе № 1, 13 являлись браслетами и 1 – стенкой сосуда. Стекло всех браслетов, кроме одного, поташно-свинцового типа. Традиционно относимое к древнерусскому, такое стекло имело сложившиеся способы окраски. В качестве красителей использовали железо, медь, марганец или их сочетания. В частности, синий цвет достигается совместным действием марганца и меди (два образца), тогда как кобальт в древнерусском стеклоделии практически не использовался (Галибин 2001: 38).

Из совершенно иного, не свинцового, стекла изготовлен выпадающий из общего ряда браслет, окрашенный марганцем в фиолетовый цвет. По соотношению щелочей и щелочно-земельных металлов можно заключить, что это стекло сварено с использованием золы солончаковых растений (иначе галофитов) и представляет собой импорт из Восточного Средиземноморья. На фоне известного материала появление такого браслета удивляет, поскольку, по опыту аналитической работы в Лаборатории археологической технологии ИИМК РАН, другие, нечасто находимые среди древнерусских, браслеты из стекла такого типа окрашены в синий цвет соединениями кобальта, а не марганцем в фиолетовый. Причина синего цвета импортных браслетов видится в том, что достижение синего цвета в поташно-свинцовом стекле, при совместном введении в него оксидов меди и марганца, представляет собой задачу определенной сложности. Среди находок на раскопах № 2 и 3 также найдены два браслета из стекла на основе золы галофитов, имевшие коричневый (а не синий!) цвет. Присутствие во Владимире браслетов, сваренных на золе галофитов и не окрашенных в синий цвет кобальтом, можно рассматривать как местную особенность. Другой такой особенностью можно считать то, что в рецептуре всех браслетов из свинцового стекла использован поташ, в то время как для получения браслетов, перстней, бусин и т. п. может быть использовано и беспоташное стекло, мало подходящее для производства сосудов. Разумеется, однако, что для подтверждения высказанных предположений следует подвергнуть анализу значительно большее число образцов. Это тем более необходимо, что и в составе 11 владимирских браслетов, проанализированных В. А. Галибиным, все же один оказался из свинцового беспоташного стекла (Галибин 2001: 176, ан. 1983).

<sup>1</sup> В полном виде материал представлен для публикации в № 2 «Записок Института истории материальной культуры» за 2007 г.



Результаты анализа предметов из других раскопов подтверждают высказанные предположения. Так, из раскопа № 2 проанализированы 12 браслетов, из которых 11 изготовлены из поташно-свинцового стекла. Гораздо более разнообразный материал происходит из раскопа № 3. Здесь почти все браслеты (кроме одного) сварены из поташно-свинцового стекла. Кроме них найдена пронизка из свинцового стекла без поташа. Сосуды же из этого раскопа изготовлены из стекла двух типов. Стекло одного предмета сварено на золе галофитов. Из совершенно иного стекла изготовлены три других сосуда. По низкому содержанию щелочей, преобладанию кали над натром, а также повышенному содержанию кальция можно заключить, что это стекло сварено на золе растений центрально-европейской зоны широколиственных лесов. Такой состав характерен для так называемого гутного стекла, появление которого отмечает поздний период в стеклоделии, когда стекловарные печи были значительно усовершенствованы и позволяли варить стекло на золе, имевшей низкое содержание щелочей.

Новые аналитические данные помогают уточнить направление поступления во Владимир стеклянных изделий в XII — первой половине XIII в. и его объем на фоне всей аналогичной продукции. Кроме того, эти результаты надо рассматривать и для поиска центров стекловарения на территории Руси. Хотя стекловарные печи или мастерские стеклоделов до сих пор археологически не зафиксированы во Владимире и Суздале, как и во многих древнерусских городах, важно то, что древнерусское стекло не разделяется по своему составу или технике варки на какие-либо локальные варианты, способные указывать конкретные центры стекловарения в древнерусских землях.

*С. Елесиевич (Белград)*

## К ИССЛЕДОВАНИЮ ОБЩИХ СЛУЖБ В СЛАВЯНСКОЙ КИРИЛЛИЧЕСКОЙ ПИСЬМЕННОСТИ

Кроме общих служб, приписываемых святому Клименту Охридскому, в славянской кириллической письменности сохранились и другие общие службы.

Среди просмотренных нами рукописей русского извода самый ранний список одного цикла таких служб находится в Общей минее первой половины XV в. (РГАДА. Син. тип. №129). В сербских рукописях, судя по их описаниям, эта общая минее не сохранилась. Однако она или, по крайней мере, Служба святителю единому, содержащаяся в этой общей минее, сербским книжникам в XIII или в начале XIV в. была известна. Об этом свидетельствуют три «друге стихире» на Господи воззвах великой вечерни Службы святому Савве Сербскому, которая приписывается хиландарскому монаху Феодосию. Эти стихиры представляют, скорее всего, обработку трех стихир на Господи воззвах Службы святителю единому. Тем не менее их сравнение с соответствующими общими стихирами русских списков дает основание для предположения о двух разных переводах одной и той же общей службы.

Службы этой общей минее позднее были дополнены новыми песнопениями уже после написания Службы преподобному Сергию Радонежскому, песнопения которой оказались в Службе преподобному единому и Службе преподобным двум и многим в составе этой расширенной редакции общей минее. Именно эта редакция представлена двумя до сих пор единственными выявленными сербскими списками общей минее: Собрания Музея Сербской Православной церкви № 3 (1675–1685 г.) и № 11 (около 1650 г.). Для нас особый интерес представляют стихиры на стиховне Службы преподобному единому этой редакции, которые почти тождественны стихирам на Господи воззвах малой вечерни Службы преподобному Петру Коришскому, приписываемой перу упомянутого хиландарского монаха Феодосия.

Обзор общих служб в русском или славянском рукописном наследии этим не исчерпывается. Общая служба преподобному единому в рукописях РГБ Собр. Троице-Сергиевой лавры № 116 (первая половина XV в. и XV в. без уточнения датировки), № 641 (вторая половина XV в.) и в Общей минее Собрания рукописей, поступивших от архимандрита Амфилохия № 46 (первая половина XV в. и XV в. без уточнения датировки) отличается от соответствующей службы вышеупомянутых миней. Из



остальных служб Общей минеи Собрания архимандрита Амфилохия № 46 нами просмотрена только Служба преподобным двум и многим, у которой также нет ничего общего с этой службой в указанных общих минеях.

Данная работа является лишь скромной попыткой обратить внимание на разнообразие общих служб в славянской письменности и предложить решения вопросов о времени их появления и источниках отдельных служб. Предполагаем, что освещение этих вопросов и дальнейшее исследование и опубликование общих служб будет способствовать изучению оригинальной славянской гимнографии.

О. Ф. Жолобов (Казань)

## КОМПЛЕКСНОЕ ИЗУЧЕНИЕ ДРЕВНЕРУССКИХ КНИГ<sup>1</sup>

Исключительная историческая ценность славянского Паренесиса Ефрема Сирина обусловила появление его издания: в 1984–1988 г. этот памятник славянской письменности был издан в четырех томах Бойковским и Айтцетмюллером во Фрайбурге<sup>2</sup>. Важным завершением этого проекта стало издание словоуказателя, осуществленное в 1990 г. Издание основывалось на древнейшем Погодинском списке, а также на среднеболгарском Лесновском Паренесисе 1353 г. Кроме того, были подведены — в условной транскрипции — разночтения по древнерусскому Фроловскому списку XIV в. и двум сербским спискам XIV в. Именно на это издание Паренесиса опирался в своем исследовании лексического состава и истории текста Фосс<sup>3</sup>, дополнив материал издания данными двух сербских и одного болгарского списка XIV в., а кроме того — показаниями южнославянских рукописей XV и XVI в.

К сожалению, за рамками издания Паренесиса и исследования Фосса остались три древнерусских списка Паренесиса — Типографский, Троицкий и Академический, которые до последнего времени оставались совершенно неизвестными и впервые были рассмотрены в наших публикациях. В издании Бойковского и Айтцетмюллера были приведены разночтения по Троицкому списку лишь к одному из более чем ста Поучений, входящих в Паренесис, в опоре на издание Архангельского. Две древнерусские книги являются самыми ранними из сохранившихся славянских списков. Сейчас можно считать установленным, что Погодинский список (РНБ. Погод. 71а — ЕфрСир ок. 1289) был создан около 1289 г., а не в 1492 г., как предполагал А. И. Соболевский, полагаясь на ошибочный разбор записи в конце книги. Типографский список (РГАДА. Тип. 38 — ЕфрСир XIII/XIV) относят к концу XIII — началу XIV в. Довольно ранними являются и три другие древнерусские рукописи: Троицкий список относят предположительно к середине XIV в. (РГБ. Тр. 7 — ЕфрСир сер. XIV); Академический список 1377 г. содержит запись о времени, имени писца и месте написания (БАН. 31.7.2 — ЕфрСир 1377)<sup>4</sup>; Фроловский список датируется XIV в. (РНБ. Ф. п. I. 45 — ЕфрСир XIV). Ранние южнославянские списки относятся к XIV в.

Издание Паренесиса Бойковского и Айтцетмюллера нельзя не признать важным достижением палеославистики, однако оно не лишено крупных недостатков. Публикация текста не вполне соответствует принципам лингвистического научного издания, поскольку авторы прибегли к весьма существенным графико-орфографическим упрощениям. Кроме того, сличение с рукописью РНБ, Погод. 71а показало, что в наборном издании немало ошибок самого разного рода, начиная от неправильного словоделения, пропуска и замены букв и заканчивая неправильным набором слов или их заменой и даже пропуском. Таким образом, многие текстовые цитаты из этого издания в таких словарях, как СЛРЯ XI–XVII, и научных работах оказываются неточными и требуют правки.

---

<sup>1</sup> Работа выполнена при поддержке РГНФ (проект № 05-04-04292а).

<sup>2</sup> *Bojkovsky G., Aitzetmüller R. Paraenesis. Die altbulgarische Übersetzung von Werken Ephraims des Syrens. Bd. I–IV.* Freiburg i. Br., 1984–1988.

<sup>3</sup> Voss Ch. Die Paränesis Ephraims des Syrens in südslavischen Handschriften des 14.–16. Jahrhunderts. Zur Lexik der altbulgarischen Erstübersetzung und ihrer Überlieferung. Freiburg i. Br., 1997.

<sup>4</sup> Жолобов О. Ф. Корпус древнерусских списков Паренесиса Ефрема Сирина. I: РГАДА, Син. 38 // *Russian Linguistics*. 2007. Vol. 31. No. 1. С. 31–59.

Изучение названных древнерусских списков показало, что их лексический состав по своему разнообразию далеко превосходит данные, содержащиеся в словоуказателе, подготовленном на основе немецкого издания Паренесиса. Десятки лексем, отсутствующих в словоуказателе издания, обнаруживаются в корпусе древнерусских списков Поучений Ефрема Сирина. Целый ряд слов фиксируется лишь в названных древнерусских списках Паренесиса Ефрема Сирина и, как правило, отсутствует в исторических словарях, отражающих материалы источников XI–XIV в.

Разночтения в списках Паренесиса весьма многочисленны, несмотря на то что все они связаны с одной редакцией. Они свидетельствуют о развитии лексической парадигматики — синонимических отношений, квазисинонимии, а также синтаксической трансформации. Анализ списков убеждает не только в том, что варьирование составляет неотъемлемую черту книжного языка, но и в том, что профессиональные писцы зачастую стремились не столько к точной передаче антиграфа, сколько к выражению своих речевых предпочтений. Подобное свободное отношение к антиграфу должно было демонстрировать хорошую профессиональную подготовку писца, его способность к самостоятельному выбору речевых средств. Об этом свидетельствуют прежде всего свободные паронимические замены. В то же время подобные примеры расхождений между списками, несомненно, позволяют понять, как работали древние писцы. Таких случаев разночтений очень много, и они доказывают, что переписчики могли вести работу под диктовку чтеца, без зрительной опоры на текст.

Каждый из списков Паренесиса Ефрема Сирина соотносится с особой графико-орфографической системой. Если же над той или иной рукописью работали несколько переписчиков, то таких систем в рукописи оказывается несколько, так как обычно каждый писец руководствовался собственными графико-орфографическими установками.

В списках Паренесиса нашли отражение довольно ранние примеры фонетических поновлений, обусловленных падением редуцированных: упрощение в группах согласных; ассимиляция по звонкости и глухости; ассимиляция по твердости и мягкости; отверждение конечных согласных; утрата конечных гласных в презенсе 2 л. ед. и в инфинитиве, а также в других неизменяемых словах и мн. др.

В корпусе древнерусских списков представлены многочисленные грамматические инновации. Отметим, в частности, следующие явления: распространение именных форм мн. числа с обобщенным *-а-*; утверждение форм И=ВП мн. ч. муж. на *-ы*; развитие общеродовых адъективных форм И=ВП мн. ч. на *-ии* или *-ии*; отражение местоименного статуса слова *многоъ*; распространение адъективного склонения местоимений; адъективация причастных форм; развитие новых форм числительных и мн. др.

Таким образом, древнерусские рукописные списки Паренесиса Ефрема Сирина содержат разнообразный историко-лингвистический материал и представляют новые данные по исторической грамматике, орфографии, диалектологии и лексикологии. Корпус данных источников требует самого тщательного и детального рассмотрения.

Ю. Н. Звездина (Москва)

## НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ ИЗУЧЕНИЯ АЛЛЕГОРИЧЕСКИХ КОМПОЗИЦИЙ НА ПОЛЯХ СПИСКОВ ОБРАЗА «БОГОМАТЕРЬ ИЛЬИНСКАЯ ЧЕРНИГОВСКАЯ» 1696 ГОДА

Образ «Богоматерь Ильинская Черниговская», созданный в память Азовской победы 1696 г. и поднесенный в дар Петру I архимандритом Троице-Ильинского черниговского монастыря Лаврентием Кривоновичем, известен ныне по спискам. В активный научный оборот введены два из них, один из собрания ГТГ, второй — из ГМИР. Оба датируются первой четвертью XVIII в.<sup>1</sup> Сохранилось подробное описание первоначального образа (с воспроизведением надписей; без иллюстраций), составленное священником К. Карпинским и опубликованное в журнале «Вера и жизнь» (Чернигов, 1913. № 13).

---

<sup>1</sup> Благодарю за консультацию Н. И. Комашко.

Ряд недавних публикаций (работы О. Ю. Тарасова, А. К. Адруга и др.) демонстрирует волну нового интереса к этому замечательному произведению, а также свидетельствует о некоторых проблемах его изучения. Эти проблемы обусловлены двумя основными причинами: путаницей, возникшей после исчезновения оригинального образа (за него принимают, как правило, список из ГМИР, наиболее качественный и лучше сохранившийся), и сложностью аллегорической программы. Композициям на нижнем поле, с планом взятия крепости Азов, уделялось внимание прежде (например, в монографии О. Ю. Тарасова «Икона и благочестие» 1995 г.). Наименее всего исследованы аллегорические клейма на боковых полях иконы, представляющие прославление Богородицы в символической параллели со священными деревьями. Некоторым особенностям изучения данных клейм и посвящена наша работа.

Прежде всего, обозначим комплекс памятников, без которых, на наш взгляд, образ и его аллегорический строй не могут быть исследованы достаточно объективно. Первый из них — серебряная риза, или «шата», Ивана Мазепы, которая ныне хранится в разобранном виде в Черниговском историческом музее им. В. В. Тарновского. Она была поднесена гетманом чудотворной иконе «Богородица Ильинская Черниговская», написанной в 1658 г. иноком монастыря Геннадием (Григорием Константиновичем Дубенским) и сохранившейся в Троице-Ильинском монастыре (напомним, что эта икона также исчезла, ныне известны лишь ее списки). Риза датирована 1695 г., ее создание связывается с освящением Троицкого собора в Троице-Ильинском монастыре (публикация А. К. Адруга и А. П. Арндарь: «Церковная старовина». Чернигов, 1999. № 6). Декор ризы и система расположения клейм в овальных медальонах (но не композиции клейм) находят соответствия в образе 1696 г. и его списках. Несомненно, памятник в честь Азовской победы воспроизводил средствами живописи на холсте и чудотворную икону, и ее новое серебряное убранство, дополнительно «расцвеченное» звеньями новых аллегорий.

Следует иметь в виду сохранившиеся до наших дней двусторонние медные гравированные доски (в собрании Черниговского областного художественного музея<sup>2</sup>). На них изображены все шесть клейм с аллегорическими композициями, представляющими Богородицу в образе деревьев. В 1913 г. К. Карпинский упоминал об их существовании в связи с исследованием образа 1696 г., затем о них забыли, и до последнего времени они воспринимались как отдельный комплекс. Манера исполнения гравировки и ясная прорисовка деталей позволяют обстоятельно исследовать детали образа 1696 г., которые были написаны несколько расплывчато и потому не вполне угадываются, в том числе и в описании К. Карпинского.

Упомянутые доски не столько помогают ответить на вопросы, возникающие по мере дальнейшего изучения образа 1696 г., сколько вызывают новые. В самом деле, как их предполагалось использовать? По нашему мнению, они, скорее всего, созданы не после написания образа, но перед тем или параллельно. Гравированные композиции обладают самодостаточностью, они могли представить цикл гравюр или иллюстраций в тексте. Автор программы образа, Лаврентий Кривоносов, был известен в свое время как составитель конклюдий и панегириков. Один из его текстов — «*Redivivus Phoenix*» (*Воскресший Феникс*), изданный в Чернигове и посвященный Лазарю Барановичу, — представляет собой сочетание прославательных строк с эмблемами (гравер Иннокентий Щирский), образный строй которых в определенной мере близок аллегорическим клеймам, прославляющим Богородицу в памятнике 1696 г.

Интерпретация данных клейм основывается на сравнительном анализе параллелей из духовных текстов конца XVII в., в первую очередь проповедей, ведущих авторов того времени — Иоанникия Галятовского, Антония Радивиловского, Лазаря Барановича, свт. Димитрия Ростовского. Фрагменты этих текстов демонстрируют как особенности составления символа, так и способы расцвечивания проповеди звеньями духовных символов и аллегорий, подобно ярко украшенным клеймам образа «Богородица Ильинская Черниговская» 1696 г.

---

<sup>2</sup> Искренне благодарю за помощь в работе сотрудника музея С. М. Курач.

А. С. Иванов, А. М. Кузнецов (Даугавпилс)

## О ЛОГИКЕ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ В ДАТИРОВКЕ И АТРИБУЦИИ ПИСЬМЕННЫХ ПАМЯТНИКОВ: ПРИМЕР ТАК НАЗЫВАЕМОГО ДОГОВОРА НЕИЗВЕСТНОГО СМОЛЕНСКОГО КНЯЗЯ

Комплексный характер исторического и лингвистического источниковедения в полной мере раскрывается при решении сложнейших вопросов датировки и атрибуции памятников древнерусской письменности. При этом предварительное изучение и интерпретация косвенных датирующих признаков могут успешно происходить в рамках отдельных вспомогательных исторических дисциплин, а также в ходе текстологического, историко-юридического и лингвистического анализа источников. Основные проблемы возникают на стадии обобщения результатов внешней критики источника, поскольку в единую систему аргументов требуется органично включить зачастую противоречивые данные, полученные на основе подходов, принятых в различных отраслях знания. Как правило, иерархия и логика доказательств прямо отражают основную специализацию исследователя, в результате чего в системе аргументов доминируют определенные датирующие признаки; прочие или просто игнорируются, или объявляются малозначительными и нехарактерными. Таким образом, *логика доказательств превращается в логику обоснования выбора «основного» датирующего признака*, что не может не привести к дискуссиям представителей различных подходов к построению системы доказательств. При этом полемика ведется в непересекающихся плоскостях, поэтому достижение единого мнения становится почти невозможным.

Показательный пример дискуссии, зашедшей в тупик, — полемика по вопросам датировки и атрибуции так называемого договора неизвестного смоленского князя с Ригой и Готским берегом XIII в.<sup>1</sup> Каждая версия датировки и атрибуции источника опирается на свою систему аргументов и логику доказательств. В качестве основного датирующего признака может выступать интерпретация сфрагистического материала; в этом случае на второй план отступают данные палеографии<sup>2</sup>. И, наоборот, при палеографической датировке приходится констатировать, что вопрос об атрибуции печати «остается открытым»<sup>3</sup>. Представляется, что самый бесперспективный путь датировки и атрибуции — это построение системы доказательств с опорой на текстологический и историко-юридический анализ статей списка *K*, что не дает бесспорных аргументов для обоснования его датировки и атрибуции<sup>4</sup>. То же самое можно сказать и о датировке источника на основе интерпретации отраженных в нем исторических реалий. В данном случае историческая интерпретация всегда является производной от результатов текстологического изучения списка *K* и юридического анализа его норм<sup>5</sup>.

Опыт датировки и атрибуции договора списка *K* показывает, что в качестве относительно объективных датирующих признаков могут выступать только реальные особенности источника, выявленные в ходе изучения его палеографии и языка, а также, с некоторыми оговорками, — печати. Поэтому система аргументов в докладе опирается прежде всего на данные языка и палеографии списка *K*, включая их сравнение с лингвистическими и палеографическими особенностями списков договора 1229 г.; предварительная верификация выводов проводится на основе дипломатической критики источника; в завершение делается попытка соотнести относительную датировку с историческими реалиями XIII в., что требует обращения к данным, полученным в ходе изучения печати, которой до недавнего времени был скреплен список *K*, а также к старым описям архивов Рижского магистрата, в которых отразились некоторые аспекты бытования источника в делопроизводственной архивной практике своего времени.

---

<sup>1</sup> Также известен как список *K* (в ряду списков смоленского договора 1229 г.). Латвийский государственный исторический архив. Ф. 8. Оп. 3. Capsula A. № 16.

<sup>2</sup> Янин В. А. К вопросу о датировке экземпляров *D* и *K* «Смоленской правды» // Археографический Ежегодник за 1968 год. М., 1970. С. 102–108.

<sup>3</sup> Смоленские грамоты XIII–XIV веков. М., 1963. С. 17.

<sup>4</sup> [Goetz L. K.] Deutsch – Russische Handelsverträge des Mittelalters. Hamburg, 1916. S. 305–320.

<sup>5</sup> Кучкин В. А. О древнейших смоленских грамотах // История СССР. 1966. № 3. С. 103–106.

Основные выводы, вытекающие из палеографического, лингвистического и дипломатического изучения списка К, следующие<sup>6</sup>. Во-первых, внутренняя и внешняя форма источника не позволяет считать его ни договором, ни проектом договора. Это — условия к заключению соглашения с Ригой и Готландом, которые впоследствии были учтены при разработке договора 1229 г. Во-вторых, достаточно уверенно документ можно датировать периодом до 1228/1229 г. В-третьих, хотя атрибуция документа остается в высшей степени гипотетичной, с некоторой степенью уверенности можно предполагать, что в середине XIII в. его утвердил печатью князь Ростислав Мстиславич, когда документ, предназначенный для «внутреннего» использования, был послан в Ригу.

<sup>6</sup> См. также: *Ivanovs A., Kuzņecovs A. Senākie Ļgumi ar Smoļensku Latvijas Valsts vēstures arhīva: datēšanas un atribūcijas jautājumi* [Древнейшие договоры со Смоленском в ЛГИА: вопросы датировки и атрибуции] // *Latvijas Arhivi*. 2006. Nr.2. 51.—118. lpp.

Т. А. Исаченко (Москва)

## ТРАВНИК НИКОЛАЯ ЛЮБЧАНИНА И ЕГО СУДЬБА НА РУССКОЙ ПОЧВЕ

История европейской медицины сложилась таким образом, что проводниками греческих традиций стали арабы, благодаря которым классическая греческая наука (прежде всего астрономия и медицина) была сохранена и возвращена позже на Запад. Когда в XV в. в Германии и на Балканах заработали первые типографии, то, наряду с библейскими книгами, выбор издателей естественным образом пал на популярные в читательской среде средневековые гербарии.

Одной из наиболее популярных книг подобного рода, подготовка которой в печати, видимо, входила в первоначальные планы любческих миссионеров, стал Гербарий с витиеватым названием «Благопрохладный вертоград». Перевод был составлен по компилятивным источникам в 1534 г. для смертельно больного великого князя Василия III Николаусом Бюловым из Любека, с пребыванием которого в России связаны многие страницы отечественной истории. Западный *Hortus Sanitatis* написал в 1447 г. Иоган фон Кубе, а издал в 1492 г. в Любеке Стефан Арндес. Готан мог привезти его в Новгород, а Бюлов перевел его на славянский в Москве в 1534 г. по благословению митрополита Даниила.

До недавнего времени история списка, сохранившего для нас текст перевода, была связана главным образом с рукописью из собрания графа Уварова 1616 г. (Увар. № 623; ныне: РГАДА. Ф. 188 № 649). Краткое описание списка было составлено архимандритом Леонидом и дополнено нами в 1997 г. с публикацией отдельных статей, двух указателей, а также рисунков (выборочно) в связи с изучением поздней редакции памятника 1672 г.

В 1995 г. Я. П. Запаско, а в 2001 г. Б. Н. Морозов обратили внимание на список первой трети XVI в. в рукописном собрании Харьковского национального университета им. В. Н. Каразина, причем Я. П. Запаско описал рукопись как памятник украинской или белорусской книжности. Московскому исследователю Б. Н. Морозову, кажется, удалось доказать, что харьковский список московского происхождения.

Лицевой список Травника Любчанина, хранящийся в Центральной научной библиотеке Харьковского национального университета (далее — ХНУ), бесспорно, является приоритетным по отношению к остальным спискам памятника — *московскому царскому 1616 г.*, составленному хранителем и ризничим Флором, двум *петербургским* (РНБ. Q.XVI.11, нач. XVII в. и F.VI. 9/<sub>1,2</sub>, кон. XVIII в.), *второму московскому* (ГИМ. Увар. № 387, нач. XVII в.), наконец, *вильнюсскому* списку, который в настоящее время мало исследован. Прежде всего, его отличает хронологическая близость к дате осуществления перевода — 1534 г., о которой мы знаем из записей в московских и петербургских списках.

Более подробное знакомство с рукописью ХНУ показало:

1) Так называемый харьковский список имеет многочисленные пропуски, в том числе глав, их перестановки, что подтверждает сведения ризничего Флора (1616) о плохой сохранности оригинала.

2) В настоящее время рукопись просчитана с ошибками. В карандашной пагинации пропущены л. 364а, 414а, 486а и 511а. Не учтен отсутствующий л. 565. Таким образом, рукопись сейчас насчитывает 582 л.

3) Бумага рукописи имеет 6 видов изображений (Б. Н. Морозов указывает пять).

4) Почерки принадлежат 5 разным лицам (два относятся к XVI в. (основной писец и помощник), один XVI – нач. XVII в. (полуустав, л. 573–573 об. на месте текстовых утрат), один кон. XVII–XVIII в. (черные чернила подписей и запись на л. 275 об.) и один – библиотечный, 1914 г.

5) В списке присутствуют почти все рисунки гербария, за редкими исключениями, причем изограф точно следует изданию, учитывая пропуск рисунков.

6) Источником мог служить не только текст издания 1492 г., но и одно из последующих латинских изданий Hortus Sanitatis (Strassburg, ок. 1503, 1507, Venice, 1511, Strassburg, 1517, Strassburg, 1529, Venice, 1536 и т. д.). Об этом говорит запись по нижнему краю л. 283 со ссылкой на латинское издание: «Въ латынской книзѣ 323 число переступлено» и т. д.

7) Установлена текстовая зависимость Увар. списка 1616 г. от ХНУ. В подавляющем большинстве случаев в нем учтены пометы, сделанные редактором. Учтены и точно перенесены в текст. Составитель списка 1616 г. Флор в целом ряде случаев переносит в текст ошибки, сделанные переводчиком (или писцом) – в точном соответствии с харьковской рукописью: *нификлова трава* вм. *финиклова*, *емчюгы* вм. *жемчюгы* (Гл. 39, 6). Но случаи эти немногочисленны. Иногда Флор неверно прочитывает слова с выносными буквами *х*, *м*, *н*, *д*, *к*, что приводит к текстовым искажениям: «по руски семя, кое остается на пупавка» (форма им.п. вместо «на пупавках»; (Л. 28 об.)).

Это же касается пропусков по невниманию: гл. 37.13. *Азафетида*; л. 43 об.: «Злость тое гумы тем обычаем *отнимаем*...» (выделенное слово у Флора пропущено); гл. 44.8. *Агарик*; л. 56 об.: «тот свербеж тем обычаем выгоним: емлем агарику 6 золотников и смешаем его с водою, в которой воде варена проскурникова трава, да фиял<к>ова трава, да *паритариева трава* (подчеркнутые слова у Флора пропущены).

В целом немногочисленные, эти ошибки искажают не только формы слов, но и общий смысл, особенно важный, когда речь идет о пропусках композита лекарственного состава. Во всех подобных случаях ХНУ помогает прояснить текст.

8) В харьковском списке утрачены главы 5–7, 286–317, 420–423, 533–541. Но в Уваровском списке Флора 1616 г. они присутствуют. Однако в нем нет специализированных указателей, которые мы видим в рукописи ХНУ на л. 469–471 (слабительные и общеукрепляющие средства). Это означает, что список 1616 г. может иметь другой протограф. В случае же, если протографом является ХНУ, следует предположить, что все утраты в нем произошли после 1616 г., когда, возможно, рукопись еще не была переплетена, как, скажем, Лицевой летописный свод. Но отсутствие специализированных указателей в списке Флора 1616 г. ставит под сомнение то, что именно ХНУ является протографом.

Интерес к переводу Травника продиктован как личностью переводчика, трудившегося в окружении новгородского архиепископа Геннадия, так и необычными обстоятельствами появления. Известно о благословении на этот необычный перевод главы Русской Церкви митрополита Даниила (запись на л. 566 ХНУ). Известно, что работа над переводом почти точно совпадает по времени с работой над Сводной Кормчей, важнейшим канонико-правовым сводом эпохи, причем ведется она в одном и том же митрополичьем скриптории. На страницы Кормчей вопрос «о всяком врачевании» выносится специальной статьей «Врачебная хитрость» (РГБ. Собр. Унд. № 27. Л. 426, 20–30-е годы XVI в.).

Травник Любчанина, созданный в 1534 г. для великого князя Василия, стал первой подобного рода книгой, официально признанной церковными властями. В дальнейшем он сыграл немалую роль в истории русской науки, и список ХНУ имеет все шансы считаться его протографом, «царственным домостроем» (de regimine regum), одной из «таинственных» книг, в которой движение истории осуществляется по тому же кругу, что и в ЛЛС – от некоего мирового центра через Вавилон и Персию, державу Александра Македонского, Египет, Римскую империю и Византию на Русь. Этот путь обозначен в перечне источников, предворяющем текст Травника.

М. Йовчева (София)

## НОВЫЕ ТЕНДЕНЦИИ В РАЗВИТИИ БОЛГАРСКОЙ ПЕРЕВОДНОЙ И ОРИГИНАЛЬНОЙ ГИМНОГРАФИИ В XIV в.

В XIV в. на Балканах складывается особая культурно-историческая ситуация, которая провоцирует всеобъемлющую ревизию болгарской литературной традиции, и таким образом наступает новая эпоха в истории средневековой болгарской литературы и книжности, имевшая впоследствии огромное значение для всего славянского православного мира. Основным катализатором данного процесса оказывается взаимодействие трех обстоятельств разного характера: 1) большого влияния исихазма в качестве культурной идеологии; 2) осуществленной масштабной богослужбной и монашеской реформы; 3) утверждения идеи о культурном и литургическом единении с Византией, приведшей не только к осваиванию наиболее актуальных византийских литературных и книжных моделей, но и к максимальной грецизации церковнославянского языка. В самой большой степени эти новшества сказываются на болгарской литургической книжности, и в частности на оригинальной и переводной гимнографии.

В докладе прослеживаются специфические для данного столетия инновации в гимнографии, касающиеся как макротекстовых уровней, так и микротекстовых компонентов. С точки зрения макрожанров вырисовываются две тенденции: 1) утверждение более развернутой (трехдольной) композиции службы; 2) кодификация нового типа гимнографических сборников, в которых упорядочены неоднородные тексты (песнопения, чтения, некоторые полные евхологические чинопоследования), формирующие литургический целость в богослужбной практике. Специальное внимание уделено распространению таких эмблематических для рассматриваемой эпохи гибридных форм, как параклисы (молебные и благодарственные службы, каноны и стихиры), предназначенных как для литургического исполнения, так и для внелитургического (индивидуального) чтения и в связи с этим иллюстрирующих одно из важнейших литературных явлений данного столетия: функциональное сближение жанров средневековой литературы.

Изменившаяся ситуация обуславливает и новые приоритеты в мотивации оригинального гимнотворчества, причем доминирующей становится цель актуализовать согласно новым идейным, композиционным и эстетическим нормам службы святым-покровителям болгарской столицы Тырново. В содержательном плане это выражается в трех главных аспектах: 1) в проведении исихастской концепции о праведности; 2) в стремлении моделировать новые параметры унаследованных культов «болгарских» святых с тем, чтобы подчеркнуть идею о божественной защите столичного города и властвующих в нем царей; 3) в сильном присутствии в гимнографических произведениях «царской» темы вообще.

Образность гимнографических текстов обогащается путем применения новых средств и накопления уже знакомых моделей, чтобы ответить на требования стиля *плетения словес*, с одной стороны, а с другой, — особенно к концу столетия, быть созвучной с возрастающим драматизмом эпохи (иллюстрацией здесь являются использование монолога царского города и переосмысление некоторых традиционных библейских формул в свете актуальных исторических событий). Под влиянием двух основных факторов: 1) доминирования переводческой концепции о формально-структурной эквивалентности между греческим оригиналом и славянским переводом, в результате которой в максимальной степени воспроизводится усложненный язык византийской поэзии, и 2) тенденции к плеонастическому построению текста путем концентрации однотипных элементов, как, например, безглагольных или причастных оборотов, предложений без подлежащего, композитов и т. д., — славянские гимнографические тексты полностью изменяют свой языковой облик, который приближается к состоянию, кодифицированному два века позже в церковнославянских изданиях гимнографических книг.

А. М. Камчатнов (Москва)

## О СИМВОЛИЧЕСКОМ УПОТРЕБЛЕНИИ ФОРМ ДВОЙСТВЕННОГО ЧИСЛА

История форм двойственного числа в живом русском языке изучена достаточно полно<sup>1</sup>, однако литературное употребление этих форм в книжном славянском языке XIV—XVII в. еще требует дополнительных исследований.

В частности, весьма специфичным образом формы дуалиса употреблены в Житии святого Александра Свирского, написанном учеником преподобного Иродионом; старший список Жития находится в составе Великих Миней Четых митр. Макария (ГИМ. ВМЧ. Август 30).

Одним из ключевых эпизодов Жития, несомненно, было явление преподобному Александру Святой Троицы.

В описании этого явления по отношению к Св. Троице употреблены следующие формы числа: ед. ч. — 20 раз, мн. ч. — 8 раз, дв. ч. — 21 раз (из них 4 сомнительных). Такое сгущенное употребление форм двойственного числа не может быть случайным и ставит вопрос о смысле подобного употребления.

Житие Александра Свирского, и особенно рассматриваемый эпизод явления Троицы, является частью борьбы с ересью жидовствующих: здесь догмат троичности не обосновывается какими-то богословскими аргументами, не доказывается, а показывается: Сам Бог-Троица явился преподобному Александру и с очевидностью засвидетельствовал Свою троичность этим явлением.

Иродиону же как писателю важно было найти языковые средства выражения троичности Божества. В этом ему могла помочь библейская традиция. Иродион не мог не знать, что единственным случаем явления Бога-Троицы в Священной истории было явление Его ветхозаветному Аврааму в виде трех мужей. Можно предположить также, что источником вдохновения для Иродиона был не только сюжет из Книги Бытия, повествующий о явлении Троицы Аврааму; нельзя исключать и знакомства Иродиона с текстом Палеи Толковой, в которой имеется следующий комментарий к библейскому повествованию: *О дивное чудо о жидовьское безумье • како оубо пророць вашь Авраамъ • г • мужи видѣа единымъ именемъ пнемъ зваше • да не разумываши ли осканне • тако оць и оубъ и оубъи духъ единымъ именемъ зваша • едина бо сила едина власть едина бжтво • и писаные же добрь оуказуеваютъ ти гла оубиде же речець тако конча ко Аврааму гла • чему ни рече пье а три мужи видѣа но речець да престануть оубо жидове • и да оубпензеть гдзкъ вашъ гла и льжо на истину. (РГБ. Тр.-Серг. № 38. Л. 68в—г).*

Однако есть и существенная разница между этими тремя текстами: ни в библейском тексте по списку Коломенской Палеи, ни в толковании автора Палеи не употребляется форма двойственного числа, и только в Житии преп. Александра в этом эпизоде она употреблена 20 раз.

В попытке объяснить это явление мы невольно вступаем в область догадок и гипотез. Догмат троичности Божества с точки зрения логики является парадоксальным и таким и должен быть. Соединение в одном кратком повествовании форм единственного и множественного числа создавало необходимую парадоксальность, но все же употребление формы множественного числа является не вполне удачным, так как вызывает представление о многобожии. Особой же формы «тройственного числа» в славянском языке нет, но Иродион по существу создает ее, привлекая для этого форму двойственного числа: дуалис, не являясь живой формой, был использован символически, если можно так выразиться, в «тройственном числе»; парадоксальное чередование форм единственного и двойственного числа было для Иродиона способом символического выражения невыразимого — Единицы в Троице и Троицы в Единице.

<sup>1</sup> Из новейших работ см.: Жолобов О. Ф. Древнерусское двойственное число в общеславянском контексте. Казань, 1997; Жолобов О. Ф., Крысько В. Б. Историческая грамматика древнерусского языка. Двойственное число. М., 2001.

В. М. Кириллин (Москва)

## СИСТЕМА И СОСТОЯНИЕ ОБРАЗОВАНИЯ В ДРЕВНЕЙ РУСИ

ПВЛ в статье за 988 г. сообщает о распоряжении Владимира Святославича повсеместно «поимати у нарочитые чади дети» ради «учения книжного». Это летописное свидетельство породило разные ученые мнения.





Прежде всего, очевидно, что оно могло подразумевать лишь наиболее крупные русские городские поселения — Киев, Новгород, Чернигов, Тмутаракань, где действительно в эпоху Владимира уже имелись христианские храмы и, соответственно, были люди, способные учить «книгам». Однако надо все же понимать, что реально процесс храмоздательства (каменного и деревянного) и вместе с тем увеличения числа духовенства шел на Руси в указанное время совсем не так, как можно его представлять по весьма ограниченному кругу источников.

Приведенное свидетельство ПВЛ не позволяет, кроме того, точно судить о деловых целях обучения изъятой из родных пенатов молодежи. Не ясно, кого Киевский князь чаял в результате получить — служителей Церкви или же помощников себе по управлению государством. Неочевидными также представляются порядок и характер обучения: кто учил, в какой форме, по каким методикам и чему именно, в рамках общественной школы или же частно.

Митрополит Макарий (Булгаков), например, допускал, что «училищ книжных» уже при Владимире было открыто «множество»; но все они являлись «приходскими» и «первоначальными», т. е. предназначены были обучать будущих священно- и церковнослужителей «славянской грамоте» и «церковному пению», а иногда даже и «языку греческому»; при этом в первую очередь образование получали княжеские дети<sup>1</sup>. Напротив, Е. Е. Голубинский сомневался и в масштабности этого процесса, и в том, что набранных, согласно воле князя, отпрысков восточнославянских аристократических семей учили именно для практических нужд Русской Церкви. С его точки зрения, «казенные училища» тогда все же не появились. Учили в индивидуальном порядке отдельные просвещенные греки всему тому, «что было в Греции», стремясь дать обучаемым настоящее «научное образование» именно для государственной пользы. Но так продолжалось очень недолго — прежде всего из-за преимущественного отсутствия в высших слоях русского общества заинтересованного отклика на княжескую инициативу. Кроме того, наряду с учеными мужами, делом образования русичей и с более широким социальным охватом занимались еще — опять-таки приватно — простые «учители грамотности», собственно славянского происхождения или же обрусевшие греки, духовного звания или же миряне, которые при этом ограничивались задачей научить лишь чтению и письму<sup>2</sup>.

Этот спор породил в последующем разнополярные мнения. Большинство составили защитники существования в Киевской Руси организованной системы школьного образования<sup>3</sup>, вплоть даже до высшего, классического, ориентированного на последовательное освоение грамматики, риторики, диалектики, арифметики, геометрии, музыки, астрономии<sup>4</sup>. Меньшинство — сторонники более осторожного и сдержанного мнения о ходе просветительной работы и характере ее образовательной составляющей в древнерусском обществе; согласно этому мнению, основу всего обучения, независимо от его конкретных целей, составляли церковно-богослужебные знания, в редких случаях дополняемые знакомством с иностранными языками<sup>5</sup>. Имеется и примирительная точка зрения. Замысел Владимира Святославича дать аристократической молодежи «полный цикл наук» не удался. Причин тому несколько: Византия не могла явить России пример настоящей систематически организованной государственной школы, греки-наставники имели опыт лишь приватного и свободного учительства, к тому же не обрели в России достаточное материальное и нравственное «поощрение», столкнувшись с известным сопротивлением со стороны народа, поэтому смогли дать «надлежащее образование лишь немногим единичным талантливым лицам» и в дальнейшем «низошли в своей деятельности до обучения простой грамотности»<sup>6</sup>.

Как бы то ни было, но начатый Владимиром Святославичем процесс имел свои плоды. Доказательства тому — ряд косвенных и прямых данных. Так, летописные известия, памятники эпиграфики, берестяные грамоты указывают не только на географическую, но и на социальную, гендерную, возрастную широту распространения, по крайней мере, тривиальной грамотности в древнерусском обществе

<sup>1</sup> Макарий (Булгаков), митр. Московский и Коломенский. История Русской Церкви. Кн. II. М., 1995. С. 62–63.

<sup>2</sup> Голубинский Е. История Русской Церкви. М., 1901. Т. I. Первая половина тома. С. 703–705, 711, 719–722, 724–726.

<sup>3</sup> Хмыров М. Д. Училища и образованность в допетровской Руси // Народная Школа. 1869. № 4–10 и др.

<sup>4</sup> Леонтьев А. А. История образования в России от Древней Руси до конца XX века // Газета «Русский язык». 2001. № 33 (<http://rus.1september.ru/article.php?ID=200103304>); Золин П. М. Истоки высшей школы в России // Междунар. науч. педагогич. интернет-журнал. 2003 (<http://www.oim.ru/reader.asp?whichpage=1&mytip=1&word=&pagesize=15&Nomer=345>).

<sup>5</sup> Каптерев П. Ф. История русской педагогики. СПб., 2004. С. 43–45.

<sup>6</sup> Карташев А. В. Очерки по истории Русской Церкви. М., 1991. Т. I. С. 255–256.



конца X — XIII в., разумеется, прежде всего городском. Однако некоторые желающие, несомненно, имели возможность получить и более глубокое образование. «Послание» митрополита Киевского Климента Смолятича (1147—1155) Фоме «прозвитеру Смоленскому» позволяет предполагать, что на Руси в XII в. применялись византийские школьные методы углубленного изучения конкретно греческой грамматики — так называемая схедеография. Трактат Кирика Новгородца «Учение, им же ведати человеку числа всех лет» (1136 г.)<sup>7</sup> указывает на основательную осведомленность автора относительно сложных математических расчетов. Корпус известной в Киевской Руси переводной книжности являет удивительное многообразие русских читательских интересов, отражаемое, например, знаменитым «Изборником» Святослава Ярославича 1073 г. Особенно показательно, что этот энциклопедический сборник переписывали вплоть до XVIII в., в частности, в России его копии имелись в библиотеках Новгородского Софийского собора, Кирилло-Белозерского и Волоколамского монастырей, т. е. среди русских читателей были ценители, образованность которых позволяла им понимать весьма сложное содержание книги. К числу подобных ученых мужей, несомненно, принадлежали уже первые собственно русские писатели: митрополит Илларион, насельник Киево-Печерского монастыря Иаков, прп. Нестор Летописец, великий Киевский князь Владимир Мономах, свт. Кирилл Туровский, упомянутый уже Климент Смолятич, игумен Выдубицкого Михайловского монастыря Моисей, неизвестный составитель Галицко-Волынской летописи. Их литературная работа есть, бесспорно, результат по-настоящему просвещенного интеллекта и отточенного образованием мастерства. Надо полагать, среди русичей находились и светски образованные люди. Это, во всяком случае, подтверждается блистательными литературными памятниками — «Словом о полку Игореве» и «Молением Даниила Заточника», а также несколькими древнейшими законодательными актами — «Русской правдой», княжескими «Уставами» и «Уставными грамотами», новгородской и псковской «Судными грамотами». Да и по здравому смыслу понятно, что успешное развитие какого бы то ни было государства вряд ли возможно без разного рода мужей совета и дела.

Таким образом, что бы ни думать о деталях, бесспорным оказывается сам вывод, что важнейшим следствием христианизации восточного славянства стала возможность *учиться*, открывшаяся для желающих. При этом люди либо удовлетворяли свою потребность малым, либо — в исключительных случаях — стремились умножить свои знания, стать «презлиха насытившимися сладости книжныя». Об очевидной успешности этого процесса самообразования можно положительно судить по многочисленным сохранившимся рефлексам, причем являемым не только литературой, но и другими сферами древнерусской культурной деятельности (градостроительной, храмоздательской, иконописной). Весьма красноречив также факт наличия древнерусских книголюбов (новгородский посадник Остромир, ростовский князь Константин Всеволодович и др.) и, соответственно, библиотек (монастырских, приходских, владычных, княжеских, боярских, купеческих и т. д.). Между прочим, предпринятые подсчеты относительно вероятного общего числа книг, имевшихся в домонгольской Руси — как церковного обихода, так и внелитургической предназначенности, — привели к примерному итогу в 140000 томов<sup>8</sup>. Правда, в данном случае учитывались только церковнославянские тексты и совсем без внимания остались, несомненно, востребованные какой-то частью древнерусского общества произведения на греческом и даже латинском языках. Да и вообще означенная цифра весьма условна. Ибо — при лучшей сохранности собственно церковной литературы и при понятной логике выведения ее возможного объема (по предполагаемому числу храмов) — книг, появление и распространение которых не было предопределено Уставом Церкви, осталось (особенно от киевского периода древнерусской письменности) ничтожно мало и их бывшее количество даже гипотетически нельзя представить. Зато имеются данные (хоть и поздние) о ходе самообразования, в частности свидетельство Епифания Премудрого о свт. Стефане, епископе Пермском (конец XIV в.), побуждающее, по крайней мере, к двум выводам: лучшим местом на Руси для обретения книжной мудрости были, несомненно, монастыри, и здесь свое *высшее образование* — через чтение и собеседничество — получали все те, кто склонен был к умственному труду.

Что же касается начального уровня грамотности, то на эту тему вполне можно говорить более основательно. Учили и учились на Руси частным образом. Государственных школ не было. Были наставники из духовных (священнослужители, дьячки, монахи) и из мирян (вольные мастера или служилые — княжеские, владычные

<sup>7</sup> Зубов В. П. Примечание к «Наставлению, как человеку познать счисление лет» Кирика Новгородца // Историко-математические исследования. М., 1953. Вып. 4. С. 173—212.

<sup>8</sup> Сапунов Б. В. Книга в России в XI—XIII вв. Л., 1978. С. 82.



— люди), бравшиеся учить по договору за определенное вознаграждение. Обучение — групповое или индивидуальное — осуществлялось либо при дворе князя, архиерея, боярина, купца, либо непосредственно в доме учителя, но преобладающую образовательную роль играли, бесспорно, монастыри и приходские церкви. И в любом случае характер обучения был церковно-религиозным, направленным на укрепление христианской веры и воспитание нравственности. Об этом красноречиво свидетельствует созданная еще в кирилло-мефодиевскую эпоху толковая азбука, или «Азбучная молитва»<sup>9</sup>. Учиться начинали с детства, по достижении «возраста смысла», согласно, например, Житиям прп. Феодосия Печерского и Авраамия Смоленского, и учеба, в зависимости от конкретных задач, складывалась поэтапно. На порядок освоения букв, чтения, письма и счета указывают, в частности, берестяные грамоты второй четверти XIII и XIV в. (№ 46, 199—208, 287, 342) и цера XIV в. А вот тайну того, чем овладевали дальше, раскрывают только поздние известия. Так, об основе, характере, цели и уровне практиковавшегося на Руси обучения свидетельствует свт. Геннадий, архиепископ Новгородский (конец XV в.): вслед за азбукой усваивали богослужебные тексты, последования и правила, причем, видимо, вовсе не обязательно вместе с навыками письма. И, несомненно, такое направление — по Букварю, Часослову и Псалтири, — будучи установлено при самом начале русской образованности, сохранялось веками. Важно также отметить, что свт. Геннадий, явно неудовлетворенный плачевным состоянием школьного дела в его время, ратует за создание и более организованной, и более эффективной школы, рассчитывая при этом не на частную инициативу, а на волю и попечение со стороны либо государственной, либо церковной власти и заботясь все-таки не вообще о школе, а конкретно о школе на потребу Церкви.

<sup>9</sup> Каринский Н. Хрестоматия по древнецерковнославянскому и русскому языкам. СПб., 1904. Ч. I. С. 104.

О. Н. Киянова (Москва)

## О ЯЗЫКЕ ТАК НАЗЫВАЕМОЙ «РУКОПИСИ ФИЛАРЕТА» — ЛИТЕРАТУРНОГО ПАМЯТНИКА XVII в.

В эпоху позднего Средневековья «сниженный», гибридный церковнославянский язык явно определял «основное направление литературно-языкового развития в России»<sup>1</sup>. Среди текстов, написанных на этом языке, летописи являются наиболее интересными памятниками. Однако летописи, созданные в конце XVI — XVIII в., оказались вне поля зрения историков русского литературного языка в силу того, что поздние летописи до недавнего времени были практически неизвестны. Очевидно, что эти литературные памятники, имеющие богатую историю, требуют пристального внимания: изучение их языка поможет решить ряд теоретических проблем формирования русского литературного языка нового типа.

«Рукопись Филарета» (далее — ФР) — значимый литературный памятник XVII в., созданный в летописной традиции на пороге появления новых жанров исторического повествования и уже поэтому представляющий большой научный интерес, — никогда не являлся предметом лингвистического исследования. Кроме того, полагают, что материалы ФР были учтены составителем появившегося позже Нового летописца (далее — НЛ) — крупнейшего памятника позднего русского летописания, и выявление особенностей его языка (в аспекте грамматической нормы) поможет разрешить вопрос о языковой общности данных текстов.

Став во главе церкви, Филарет возглавил всю книжную деятельность в стране и объединил вокруг себя наиболее известных книжников, в их число вошли в основном светские лица: С. И. Шаховский, А. И. Хворостинин, И. М. Катырев-Ростовский, а также Киприан, сделавший духовную карьеру при Филарете. Перед книжниками стояла задача создания новых сочинений о Смутном времени, в которых события излагались бы исходя из взглядов Романовых. Новое сочинение для той же цели начали создавать в 1625—1626 г. в Посольском приказе — это была впоследствии названная Н. М. Карамзиным «Рукопись Филарета», дошедшая до нас в единственном черновом экземпляре и создававшаяся несколькими книжниками. Главной

<sup>1</sup> Хабургаев Г. А. Проблема диглоссии и южнославянских влияний в истории русского литературного языка // Вопросы языкознания. 1991. № 2. С. 124.



особенностью содержания ФР является прославление царя Василия, описание времени его правления и междоусобия (1606—1616). Текст обширен и богат фактами, насыщен именами государственных деятелей и полководцев, правильными датами исторических событий<sup>2</sup>.

Жанр этого исторического повествования в специальной литературе не определен. П. Муханов, впервые опубликовавший рукопись ФР и первым ее исследовавший, в предисловии к изданию<sup>3</sup> все время называет ФР «летописью». Особенностью формальной организации текста ФР является отсутствие погодных записей в начале произведения. Даты появляются позже, и там же начинается текст, структурированный, как в традиционной летописи. Зачастую в ФР просто сохраняется форма традиционной летописной погодной записи. Однако ФР отличается от традиционной летописи, в частности, тем, что в ней присутствуют своеобразные очень эмоциональные «лирические отступления». Сюжеты объемны и характеризуются большой изобразительностью. Совершенно очевидно, что автором текста был высокообразованный человек, обладавший незаурядным литературным талантом, — язык произведения отличается не только образностью, богатством лексики, но и обширным набором различных грамматических средств, позволяющими автору достигать большой художественности текста.

Исследование текста ФР в аспекте его грамматической нормы обнаруживает значительную ориентацию языка памятника на книжно-славянскую языковую традицию. Автор текста вполне сознательно насыщал свое произведение книжными формами: в нем присутствует система форм прош. времени, в которой представлены все ее составляющие, причем книжные формы — аорист, имперфект (и форма наст. исторического) — ведут себя гораздо активнее Л-формы; используются и такие яркие церковнославянизмы, как ДС и конструкция «да + презенс» (в целевом значении и в значении императива), книжные союзные средства, формы дв. ч. (значимость этих форм в сравнении с другими «признаками книжности» для автора текста, видимо, незначительна, поскольку в их использовании нет последовательности). При этом нельзя не высказать некоторого недоумения в связи с тем, что текст, который, судя по всему, создавался людьми высокообразованными, грешит ошибками: отмечены случаи нарушения согласования в числе и лице в глагольных формах, конструкциях, а также в контекстах двойственности; очевидна путаница в употреблении форм прош. времени. Временами создается впечатление, что автор безразличен к выбору конкретной формы в ряду аорист / имперфект / наст. историческое: эмоции настолько захлестывают его при описании исторических событий, что ему безразлично, какую из временных форм следует употребить (возможно, в его сознании эти формы сосуществуют как варианты, грамматические дублиеты).

Если же говорить о ФР как о памятнике, легшем в основу НЛ, то, опираясь на данные проведенного нами сопоставительного анализа языка этих двух текстов<sup>4</sup>, следует признать их определенное сходство. Продолжая традицию автора ФР, составитель НЛ активно использует книжно-славянские языковые средства. Особенно очевидны параллели между текстами в использовании форм, обозначающих прошедшее действие: автор НЛ вслед за ФР использует «набор» грамматических форм, способных образовывать синонимичные ряды: в них входят (в разной комбинации) аорист, имперфект, причастия, формы наст. исторического). Характерной чертой грамматической нормы обоих памятников является наличие форм наст. исторического, способных вступать в синонимичные отношения с простыми претеритами, а также использоваться в качестве универсальной формы прош. времени, и их активное употребление. Однако к отличиям следует отнести значительное проникновение Л-формы в язык в качестве формы прош. времени, способной обозначать все оттенки прошедшего действия в НЛ, с одной стороны, и спорадическое появление этой временной формы в ФР — с другой; преобладание восточнославянских союзных средств при оформлении синтаксических конструкций разных типов в НЛ и более активное использование книжных средств в ФР (при сосуществовании книжных и восточнославянских союзных средств в языке обоих памятников). К общим чертам, прослеживающимся в текстах НЛ и ФР, также следует отнести активное использование причастий в предикативной функции, оборота ДС, книжной конструкции «да + презенс», наличие форм дв. ч. в контекстах двойственности.

---

<sup>2</sup> В основу рукописи было положено какое-то историческое повествование о Смутном времени, использованное в произведениях Катывева-Ростовского и Шаховского, но в ФР расширенное и дополненное фактами из других источников, скорее всего, документальных, так как многие из них более нигде не встречаются.

<sup>3</sup> Рукопись патриарха Филарета / Изд. П. Муханова. М., 1837.

<sup>4</sup> Киянова О. Н. Язык памятников позднего русского летописания. М., 2006.

Таким образом, исследование ФР, входящей в «круг» памятников НЛ, с одной стороны, позволило установить, что данный текст (как и в целом поздние летописи<sup>5</sup>) создавался в книжно-славянской языковой традиции. С другой — выявить определенное сходство текстов в языковом плане, это может быть еще одним подтверждением того, что автор НЛ использовал ФР при создании своей летописи.

<sup>5</sup> См.: Там же.

Е. Л. Конявская (Москва)

## О КРАТКОМ НОВГОРОДСКОМ ЛЕТОПИСЦЕ

Наряду с Новгородской I летописью, новгородская летописная традиция отразилась в целом ряде летописных памятников, восходящих к некоему общему протографу, представляющему за XII—XIII в., как правило, более краткое изложение событий, описываемых в Синодальном и младших списках НЛ. Это Рогожский летописец (далее — Рог), Летопись Авраамки (далее — ЛА), Летописец епископа Павла (далее — ЛЕП), Летопись из Троицкого собр. № 805 (далее — Тр), Летопись по списку Н. К. Никольского (далее — ЛН), Новгородская Большаковская летопись (далее — НБЛ)<sup>1</sup>.

За первую половину XII в. эти летописи (или их «новгородские составляющие») весьма близки — как по составу (кроме ЛН), так и текстуально. В них читаются известия исключительно о новгородских событиях, причем по преимуществу церковных: главное внимание сосредоточено на смене архиепископов и церковном строительстве. Позже картина усложняется, и уже примерно со второго десятилетия XIII в. каждый из указанных сводов идет своим путем, продолжая, тем не менее, использовать общий новгородский источник в большей или меньшей степени.

Казалось бы, в наиболее «чистом» виде этот летописец представляют НБЛ, ЛЕП и Тр, сохраняя общие чтения вплоть до 10-х годов XV в. Однако со второй половины XIV в. в НБЛ появляются уникальные новгородские известия в рамках статей, которые по тексту целиком отличаются от читающихся в других сводах. Правомерно задать вопросом о возможности использования в летописи какого-то иного (но опять же новгородского!) источника. ЛЕП получает дополнения (по сравнению с НБЛ) в XV в.<sup>2</sup>, и они будут соответствовать тексту Тр, которая к этому времени начинает использовать только этот дополнительный источник, игнорируя общий для всех рассматриваемых летописей.

НБЛ же начиная со второго десятилетия XV в. имеет совпадения только с ЛА. Отличает ЛА здесь лишь наличие больших рассказов, которые, как показывает опыт изучения летописей, зачастую добавляются только при окончательном оформлении свода.

В отношении Тр следует отметить тенденцию к уточняющим добавлениям, порой ошибочным. Так, например, в сообщении о том, что Антоний Римлянин поставил церковь Богородицы, читающемся в НЛ под 6627 г., в Тр добавлено «в Родоговицах» (Л. 386 об.), что неверно, ибо монастырь в Родоговичах создает только архиепископ Моисей в 1357 г. Само же это известие читается в этой летописи под 6630 г.

Что же касается ЛН, то представление о ней как о некоей сокращенной редакции Новгородской IV летописи, по крайней мере, для статей, касающихся XII—XIII в., неверно. За первую половину XII в. — это

<sup>1</sup> А. А. Шахматов определил, что первые из них имели общий протограф — «краткое извлечение из Новгородского свода 1448 г.» (*Шахматов А. А. Обзорение русских летописных сводов XIV—XVI вв. // Шахматов А. А. Разыскания о русских летописях. М., 2001. С. 746—749, 814—815 и др.*). Позже А. Н. Насонов, а затем Б. М. Клосс указали на сходство с ними Тр, ЛН и ЛЕП (см.: *Насонов А. Н. Летописные памятники хранилищ Москвы (новые материалы) // Проблемы источниковедения. М., 1955. Т. 4. С. 255; Клосс Б. М. Новый памятник русского эпоса в записи XVI в. // История СССР. 1968. № 3. С. 155*).

<sup>2</sup> Тем не менее на этом сходство НБЛ и ЛЕП не заканчивается. Первая (чисто новгородская) часть НБЛ как свода (о составе свода см. *Конявская Е. Л. Новгородская летопись XVI в. из собрания Т. Ф. Большакова // Новгородский исторический сборник. СПб., 2005. Вып. 10 (20). С. 322—343*) и ЛЕП оканчиваются примерно одними и теми же годами. В НБЛ это 1458 г. — год смерти Евфимия II. Его кончине и поставлению Ионы посвящено последнее известие этой части летописного памятника. В ЛЕП к этим известиям в статье добавлены сообщения о пожаре «от святого Бориса и Глеба» «до Феодорова ручья» и приезде Юрия Семеновича из Литвы. Далее следуют статьи 6967—6969 г. (в более подробном варианте читающиеся и в Тр). Завершается летописец статьей 6989 г., как можно предположить, дописанной в его оригинале позже и содержащей хронологическую выкладку.

определенно сокращение НІ, о чем говорит текстуальное сходство двух летописей. Как правило, близка она к НІ и по составу. Часто в ЛН опускаются даты, имеющиеся в НІ, либо они даются в усеченном виде. Пространные известия НІ в ЛН повторяются в начальной части, дальнейшее же изложение сокращается. Отсутствуют в ЛН тексты, касающиеся деятельности и особенно столкновений соперничавших кланов новгородских посадников, и ряд других известий: о том, что Антоний «обложил» трапезницу (6635), о смерти Бориса Всеславича Полоцкого (6636), о том, что Всеволод Мстиславич ходил к отцу в Киев (6638), о поставлении митрополитом Нифонтом Антония Римлянина во игумены (6639), об отправке игумена Исаяи послом в Киев (6742), о ряде деяний митрополита Нифонта (6743) и др. Начиная со второй половины XII в. картина становится не столь очевидной: состав ряда статей оказывается совсем иным, чем в НІ, появляются текстуальные совпадения с Кратким новгородским летописцем, отразившимся в вышерассмотренных летописях, а также известия, свидетельствующие о наличии дополнительных источников.

Если же говорить в целом о соотношении текстов НІ и общего материала указанных летописей, то можно заметить, что тексты, восходящие к их общему источнику, в основном повторяют сюжеты, имеющиеся в НІ, но в еще более кратком изложении, чем в ЛН. Случай присутствия в них новгородского материала, которого нет в НІ, немногочисленны и по преимуществу сводятся к добавочным сведениям. Так, под 6638 г. в НІ читается: «отвържеса архиепископъ Иоанн Новагорода»<sup>3</sup>, в летописях, восходящих к Краткому новгородскому летописцу, добавляется, что Иоанн имел прозвище «Попьян», «сидел» на епископии 20 лет, что «сего не поминают». Эти добавления есть в статье, сопровождающей Комиссионный список НІ, «А се новгородский епископы», источник которой также пока не ясен.

Если предполагать, что Краткий новгородский летописец являлся непосредственным сокращением протографа НІ ст, то выбор сюжетов может указывать только на владычную кафедру, ибо нецерковные материалы в нем сведены к минимуму. Но тогда с иной новгородской летописной традицией придется связывать саму НІ ст. Разрешить проблему, возможно, удастся путем детального анализа более позднего материала — статей вышеназванных летописей, восходящих к Краткому летописцу, уже за XIV — первую половину XV в.

---

<sup>3</sup> Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М.; Л., 1950. С. 22.

С. В. Конявская (Москва)

## ФЕНОМЕН СИНГУЛЯТИВОВ В ИСТОРИИ РУССКОГО ЯЗЫКА

Вопрос о статусе сингулятивов, или «единичных» существительных, не является в науке дискуссионным, хотя сказать, что в нем присутствует хотя бы относительная терминологическая ясность, к сожалению, нельзя.

Более-менее однозначной является область определения этого понятия: производные слова, как правило, с суффиксом *-ин-* или *-к-* (или сочетанием этих суффиксов), обозначающие предмет, выделенный из массы однородных.

Невозможно, однако, не упомянуть, что иногда единичными называют также слова, обозначающие уникальные предметы (те, которые в действительности существуют в единственном экземпляре (что само по себе не очень последовательно, ведь тогда стоит считать какой-то отдельной группой и слова, называющие то, чего нет даже в единственном экземпляре, а ведь такого много))<sup>1</sup>, а слово «сингулятив» иногда употребляют как синоним к *singularia tantum*<sup>2</sup>.

Тем не менее в абсолютном большинстве работ, в которых упоминается термин «сингулятив», он все же называет именно слова типа «горошина» или «снежинка». О месте же этой группы в системе

---

<sup>1</sup> Шахматов А. А. Очерк современного русского литературного языка. М., 1941. С. 130–131.

<sup>2</sup> Хафизов Р. И. Стилистические особенности употребления существительных *singularia tantum* во множественном числе в татарском и русском языках (на материале художественных текстов) // III Международные Бодуэновские чтения: И. А. Бодуэн де Куртенэ и современные проблемы теоретического и прикладного языкознания (Казань, 23–25 мая 2006 г.): труды и материалы: в 2 т. Казань, 2006. Т. I. С. 133–135.

языка, как правило, не говорится вовсе ничего. Индуктивно, т. е. без специально прописанной классификации, по месту описания группы, можно выделить следующие типы позиционирования сингулятивов: разряд существительных по значению<sup>3</sup>, разновидность конкретных существительных<sup>4</sup>, словообразовательный тип внутри категории собирательности<sup>5</sup>, словообразовательная категория<sup>6</sup>, модель (группа? тип?) внутри категории «единичности — множественности»<sup>7</sup>.

При этом обращает на себя внимание, что эта сравнительно небольшая группа слов становится объектом исследования (пусть не основным) довольно часто и исследования эти зачастую интересны и конструктивны. Поэтому на критике и истории вопроса представляется возможным подробно не останавливаться, а присоединиться к тем исследователям, которые считают сингулятивы словообразовательным типом.

Однако с точки зрения моделирования словообразовательной системы существительных в истории русского языка важно определить также, словообразовательным типом какой категории является эта группа слов. Этот вопрос подробно разработан В. И. Дегтяревым, но как раз в этом аспекте, несмотря на общий высокий уровень и тщательность исследования, присоединиться к его выводам представляется совершенно невозможным.

Наиболее архаичный и по сей день самый распространенный формант, с помощью которого образуются сингулятивы, — это *-ин-*. В контексте определения статуса сингулятивов как феномена системы языка вопрос о том, следует ли считать его в чистом виде суффиксом или суффиксоидом, происходящим от слова *инъ*, представляется второстепенным, хотя и интересным. Думается, что при абсолютной идентичности значений выделяемого по сей день суффикса *-ин-* и слова *инъ* — «один, некий, определенный, другой», наряду с их формальной идентичностью, предположить их генетическую взаимосвязь вполне естественно. Достаточно наглядно наличие этого форманта, например, в словах «*одинъ*» или «*инюкъ*» (построение, абсолютно параллельное слову «*монахъ*»).

Более важным в данном случае является то, что привлечение исторического материала, как это и было ожидаемо, дало возможность говорить о том, что наблюдающаяся в современной словообразовательной системе омонимия суффиксов *-ин-* с различными словообразовательными значениями, судя по всему, так же, как и в случае с собирательными, является результатом процесса специализации значений (как лексических, так и словообразовательных), а восходят они к одному форманту, характеризующему более обобщенным значением, обратным тому, которое было предложено ранее для суффиксов *-j-*, *-ije-*, *-ств-* и их сочетаний. Если с помощью последних в слово привносилось общее значение отвлеченности с теми или иными нюансами, то формант *-ин-*, очевидно, привносил в производное слово общее значение конкретности, которое потом также специализировалось на несколько различных словообразовательных значений, каждое из которых, однако, продолжает характеризоваться наличием компонента «конкретность».

Таким образом, основной результат исследования заключается в том, что сингулятивы в современном русском языке имеет смысл считать суффиксальными словообразовательными типами (отсубстантивным,

<sup>3</sup> Валгина Н. С., Розенталь Д. Э., Фомина М. И. Современный русский язык: Учебник / Под ред. Н. С. Валгиной. 6-е изд. Москва, 2002.

<sup>4</sup> Клобуков Е. В. Лексико-грамматические группы имен существительных // Лекант П. А., Гольцова Н. Г., Жуков В. П. и др. Современный русский литературный язык: учебник для филологических специальностей пед. институтов / Под ред. П. А. Леканта. М., 1988. С. 181–182. В отдельный лексико-грамматический разряд сингулятивы в этом учебнике не выделяются, что представляется совершенно справедливым, поскольку никаких заслуживающих выделения в отдельную группу грамматических особенностей у них нет. В учебнике под редакцией Белошапковой (Современный русский язык / Под ред. В. А. Белошапковой. 3-е изд. М., 1997) о единичных существительных как об отдельной группе вообще ничего не говорится.

<sup>5</sup> Русская грамматика. М., 1980. Т. I. С. 207–208 (раздел «Словообразование»; в разделе «Морфология» среди лексико-грамматических разрядов единичные также не перечисляются); Азарх Ю. С. Словообразование и формообразование существительных в истории русского языка. М., 1984; Дегтярев В. И. Категория числа в славянских языках (историко-семантическое исследование). АКД. Л., 1984 (при этом категория собирательности позиционируется как архаичный этап развития категории числа, когда она была словообразовательной); Лингвистический энциклопедический словарь. М., 1990. С. 473 (при этом сама категория собирательности позиционируется как «понятийная категория», внутри которой деривация, как правило, происходит в направлении единичное → собирательное, но иногда и собирательное → единичное, т. е. «единичными» называются в таком контексте не только производные слова).

<sup>6</sup> Диссертация неизвестно кого.

<sup>7</sup> Шахматов А. А. Очерк современного русского литературного языка. М., 1941. С. 130–131. Категория здесь в принятом у Шахматова понимании термина — достаточно широком и не имеющем конкретной дефиниции — наравне с категорией «единичности — множественности» речь идет о категории «собирательности», «уменьшительности» и пр.

отадъективным и, реже, отглагольным) внутри словообразовательной категории «цельность — дискретность»<sup>8</sup>, а на этапе языка древнерусской письменности, видимо, классом производных (преимущественно отсубстантивных) существительных со словообразовательным значением конкретности, отдельности. Стоит ли считать их словообразовательными типами — неочевидно в силу нетвердости доказательной базы.

<sup>8</sup> Об этой категории см.: Конявская С. В. Семантическое словообразование в системе числа существительных: синхрония и диахрония. М., 2004.

А. Г. Коробейников (Санкт-Петербург)

## ТЕМПОРАТИВЫ ВО ВТОРОЙ ВЫБОРКЕ НОВГОРОДСКОЙ КАРАМЗИНСКОЙ ЛЕТОПИСИ

Несмотря на то, что в функционально-семантическом поле времени центральное место принадлежит соответствующей глагольной категории, лексические показатели темпоральности также играют важную роль. При этом лексика со значением времени достаточно редко подвергалась изучению, что особенно справедливо для древнерусского языка.

Еще менее исследован уникальный письменный памятник XV в. — Новгородская Карамзинская летопись, представляющая собой, согласно мнению А. Г. Боброва, черновик к позднейшим неосуществленным летописным сводам.

В нашу задачу входит комплексное исследование выражения категории времени в Новгородской Карамзинской летописи на фоне ее предшественницы — Новгородской I летописи старшего извода. Настоящая работа является одним из фрагментов данного исследования.

На основании составленного к источнику словника вся лексика, относимая нами к темпоральной, была разделена на несколько тематических групп:

1) Обозначения дней и месяцев:

а) обозначения дневных дат. А. А. Гиппиус выделил 9 способов обозначения дневных дат в Новгородской I летописи старшего извода:

- 1) мѣсяца марта въ 1 днь;
- 2) мѣсяца марта въ 1;
- 3) мѣсяца марта 1;
- 4) марта въ 1 днь;
- 5) въ 1 днь марта;
- 6) марта въ 1;
- 7) марта 1;
- 8) въ 1 марта;
- 9) 1 марта.

В первой выборке Новгородской Карамзинской летописи были обнаружены три новых способа датобозначения: 10) тип *март 1*; 11) тип *мѣсяца марта 1 днь*; 12) тип *1 днь марта мѣсяца*. Во второй выборке типы 10–12 встретились по разу; кроме того, были обнаружены три новых типа: 13) тип *марта 1 днь*; 14) тип *мѣсяца марта 1 днь*; 15) тип *мѣсяцу марту 1-и днь*.

б) уточнение дневных дат встречается в трех разновидностях: а) дня недели; б) церковного календаря; в) более точного времени, выраженного дробными единицами (часами).

в) помесячная датировка, используемая в цитатах и при необходимости упоминания хотя бы приблизительной даты и невозможности определения точной.

г) использование церковного календаря как единственного способа датировки.



2) Внутрисуточные единицы счета времени.

В тексте встретились названия всех четырех традиционно выделяемых частей суток. Показательно, что превалирует здесь *ночь* и коррелятивы этого слова — вероятно, основные события происходили к концу дня. Чаще всего внутрисуточные единицы играют уточняющую роль в датировке, а самостоятельными темпоральными показателями они могут являться либо при описании динамических действий, либо при назывании регулярно повторяющихся событий.

3) Присоединительные конструкции.

К ним мы относим темпоративные сочетания, которые служат для связи сообщений внутри летописной статьи. Они делятся на несколько основных категорий: а) традиционные формулы типа *того же лѣта, томъ же лѣтѣ*; б) формулы, уточняющие время года (здесь характерно преобладание конструкции со словом *зима* и почти полное отсутствие слова *лѣто* как времени года); в) присоединительные формулы со значением неопределенного промежутка времени — в основном подобные конструкции встречаются в недатированной части летописи.

4) Конструкции со значением срока.

Данные конструкции могут выражать значения характеристики сроков боевых действий (напр., *и стоя на Угри князь 8 днии — 6859 г.*), возведения церквей (*свершена бысть церкви Иерусалима въ 9 недѣль — 6844 г.*), правлений князей и владык (*и новгородци быша без владыки 8 мѣсяць — 6838 г.*), аномальных природных явлений и других нетипичных состояний.

5) Лексика временного порядка.

Здесь следует выделить показатели начала, окончания (отмечены случаи, когда эти показатели находятся рядом: *...начало и конецъ плач — грамота Григория Ростовского, 6914 г.*), внутреннего порядка действий (*и сразишася плъци половецстии первое с полком рускъмъ...и поступи Володимиръ с полкы своими — 6619 г.*) и верификации действия в прошлом (сообщение летописца о том, что изложенное им событие имеет какие-либо следы в настоящем, позволяющие подтвердить достоверность происшествия, напр.: *Пренесен бысть Феодосии в монастырь ис пещеры... идеже и нынѣ лежит — 6599 г.*).

Все эти большие группы во взаимодействии с глагольной системой древнерусского языка образуют единое функционально-семантическое поле времени.

Н. Ф. Котляр (Киев)

## ПОВЕСТЬ О РОСТИСЛАВЕ МСТИСЛАВИЧЕ (В СОСТАВЕ КИЕВСКОЙ ЛЕТОПИСИ XII в.)

Киевская летопись XII в. принадлежит к числу основных памятников южнорусского летописания домонгольского времени. Она представляет собой составную часть южнорусского свода, который обычно издают по Ипатьевскому списку XV в.<sup>1</sup> По своим литературно-художественным достоинствам, насыщенности информацией, носящей преимущественно уникальный характер, философским обобщениям, глубине и всесторонности характеристик событий, явлений и исторических личностей Киевская летопись, на мой взгляд, не имеет себе равных в древнерусской исторической литературе.

Едва ли не с самого начала научного изучения древнерусского летописания некоторые ученые пришли к мысли о существовании в составе Киевского извода многих повестей, главным образом воинских. Подобные повести существуют в составе и других летописей, в частности Повести временных лет и Лаврентьевского свода. Думается, изучение повестей Киевской летописи, исключительно информативных и обладающих высокими художественными свойствами, представляет одно из наиболее перспективных направлений современного летописеведения. Не так давно мной были исследованы большие и малые повести Галицко-Волынской летописи<sup>2</sup>. Нынешняя работа представляет своеобразное продолжение этого исследования. Вниманию читателя предлагается одна из небольших повестей в составе Киевского свода — Повесть о Ростиславе Михайловиче смоленском.

<sup>1</sup> Летопись по Ипатскому списку. СПб., 1871. С. 205–479. (Киевский свод).

<sup>2</sup> Галицко-Волынская летопись. Текст. Комментарий. Исследование / Под ред. Н. Ф. Котляра. СПб., 2005.

Внук Владимира Мономаха и сын Мстислава Владимировича, Ростислав был младшим братом главы большого клана Мстиславичей Изяслава. Повесть о Ростиславе вплетена в состав обширного повествования о семействе Мстиславичей, в котором первую роль играл Изяслав. Поэтому непросто вычленил из текста этого повествования страницы, посвященные Ростиславу Мстиславичу и складывающиеся в повесть о нем. Симпатии повествователя целиком отданы Мстиславичам, в частности Ростиславу. Древнерусский писатель с иронией описывает неудачную попытку главы черниговских Ольговичей вокняжиться в Киеве после кончины Изяслава Мстиславича, случившейся 14 октября 1154 г. А затем с сочувствием замечает, что сидевший в Киеве дядя Ростислава Вячеслав пригласил того разделить с ним соправительство в стольном граде Руси. Эти наблюдения позволяют в значительной мере отделить Повесть о Ростиславе от сопутствующих ей в Киевском своде рассказов о Давидовичах, Юрии Долгоруком и прочих государях. С этого эпизода в летописи и начинается Повесть о Ростиславе Мстиславиче, перебивающаяся вставками, повествующими о других персонажах политической сцены Руси 50–60-х годов XII в.

Ростислав садится в Киеве рядом с Вячеславом, но тот вскоре умирает после веселой пирушки со своей дружиной (зимой 1154/1155 г.). На Киев вновь претендует Изяслав Давидович. Последующие страницы Повести о Ростиславе наполнены драматическими событиями. После неудачной для него войны с Изяславом Давидовичем последний завладевает Киевом, и наш герой уходит в Смоленск. Там Ростислав основывает династию Ростиславичей, стоявшую на земельных владениях в Смоленской и ряде других земель и вассалитете зависимых от него князей. Он не препятствует Юрию Долгорукому вокняжиться в Киеве, напротив, вступает с ним в вассально-союзнические отношения (признав его «отцем») и способствует ему в овладении киевским столом.

Юрий, можно думать, учел положительный опыт предыдущих дуумвиратов князей, сидевших незадолго перед ним в Киеве (Изяслав — Вячеслав и Вячеслав — Ростислав), поэтому предложил Ростиславу совместное владение Русской землей. Однако Долгорукий не был способен делить власть на Руси с кем-либо, поэтому дуумвират оказался сугубо формальным. Постепенно напряглись отношения Юрия с черниговскими князьями Давидовичами и Ольговичами, которых решил поддержать, преследуя собственные цели, и Ростислав. Смерть Долгорукого (15 мая 1157 г.) позволила на время сесть в Киеве Изяславу Давидовичу. Но, поссорившись почти со всеми Мономашичами, потеряв поддержку Ярослава галицкого, Изяслав вскоре лишился киевского княжения.

После изгнания Изяслава Мономашичи, поддержанные Ярославом галицким, позвали на киевский стол Ростислава. Он так ответил им: «Оже мя въправду зовете с любовью, то я всяко иду Киеву на свою волю, яко вы имѣти мя отцемъ собѣ въ правду и въ моемъ вы послушаньи ходити»<sup>3</sup>. Следовательно, Ростислав желал не только верховной власти в государстве, а и старейшинства — по крайней мере, в Южной Руси. 12 апреля 1159 г. он сел на киевский престол и просидел на нем до 14 марта 1167 г. Его великое княжение ознаменовалось стабилизацией политического положения на Руси. Ростислав Мстиславич на страницах Повести о нем выступает мудрым государем, последовательно проводившим политику сосредоточения власти и заботившимся о сохранении ее в руках членов своего клана.

С кончиной Ростислава завершается посвященная ему Повесть в Киевском своде. Она будет продолжена большой по объему повестью о его сыновьях, заканчивающейся вместе с окончанием этого свода.

---

<sup>3</sup> Летопись по Ипатскому списку. С. 344–345.

*М. С. Крутова (Москва)*

## МЕТАФОРЫ И СИМВОЛЫ В НАЗВАНИЯХ РУКОПИСНЫХ КНИГ XIV–XIX в.

Слова в названиях рукописных книг XIV–XIX в. часто употреблены в переносном значении: «Звезда Пресветлая», «Венец веры», «Виноград Российский», «Драгоценный бисер», «Великое Зерцало», «Златая цепь», «Лествица духовная», «Цветник», «Пчела» и др. Среди них преобладают метафоры,



причем, по верному наблюдению Д. С. Лихачева, «в средневековых произведениях сама метафора очень часто оказывается и символом, имеет в виду то или иное богословское истолкование или соответствующую богословскую традицию, исходит из того «двойного» восприятия мира, которое характерно для символизирующего мировоззрения средневековья»<sup>1</sup>.

Большинство слов, входящих в названия рукописных книг, являются общеупотребительными, но все они встречаются еще в церковнославянских библейских текстах. Можно даже сказать, что название — это метафора, а книга под этим названием — это развернутая метафора. Часто метафора становится символом, ведь «...имя вещи, слово человеческого языка — это символ... Имена человека также суть символы... Символами являются и имена вещей; посредством имени человек постигает ее внутренний логос; не будь слова, мы не могли бы проникнуть в идеальную сущность вещей»<sup>2</sup>.

Взятое из текста Священного Писания слово становится темой всей книги и ее названием. Самые обычные, на первый взгляд, слова «часы», «обед» могли дать название рукописной книге — «Часовник», «Обед духовный».

В названиях рукописных книг хорошо представлена военная лексика, в частности лексика вооружения: броня, щит, меч, копье, стрела, лук. Все эти слова встречаются в текстах Священного Писания и являются духовными символами. Так, в названии «Меч духовный» слово «меч» является символом власти, правосудия, высшей справедливости, Божественной мудрости, разделения и смерти, кары Господней, а также святого апостола Павла, который называл Слово Господа «мечом духовным». В Апокалипсисе написано, что этот меч появляется из уст самого Христа (*Откровение. 1: 16*).

К этой же лексической группе примыкают и слова, символизирующие духовную власть: «бич», «жезл». Например, известны названия: «Жезл правления», «Бич яростный». Бич, кнут, жезл символизируют силу, заклинание, власть, особенно судебную. «Кнут, который использовал Христос, чтобы изгнать меня из храма, символизирует Его духовную власть. В искусстве кнут — также эмблема Страстей Христовых. Бичевание было популярным в Средневековье средством изгнания дьявола из ведьм и умерщвления плоти кающихся грешников»<sup>3</sup>.

Особую группу слов составляют слова «камень», «жемчуг», «золото», «измарагд», «бисер», имеющие значения «прочные минералы», а также «драгоценные камни, металлы, украшения»: «Камень веры», «Касень многоценный», «Жемчуг», «Измарагд», «Луцидариус», «Златый бисер», «Перло многоценное», «Бисерие» и др. Так, символичным является слово «камень», ведь ученики Иисуса Христа назывались «живыми камнями» (*1 Петр. 2: 5*) «для указания их духовного единения с Христом, как краеугольным камнем и источником жизни... Груды камней нередко набрасывались на землю для обозначения какого-либо особенного действия Божественного Промысла — наказания или спасения» (*Нав. 4: 5–7*). Весы у Евреев тоже назывались камнями<sup>4</sup>.

Духовную красоту мира символизируют названия книг: «Цветник», «Криница», «Виноград Российский». Например, виноградная лоза в Ветхом Завете — символом всего, что является сильным, красивым, полезным. Сам Бог был виноградарем и называл Себя виноградной лозой: «Я есмь истинная виноградная лоза, а Отец Мой виноградарь» (*Иоан. 15: 1–6*).

Путь духовного становления, испытания, искушения отражен в названиях, в которые входят слова «путешествие», «корабль», «колесница», «кормчий», «путь», «дорога», «врата», «лествица»: «Книга глаголемая Будильник, или Колесница», «Царский Путь Креста Господня», «Кормчая», «Лествица духовная» и др. Все эти слова символизировали восхождение к просветлению, тайному знанию или к небесам, «символизировали последовательные стадии восхождения от земного, естественного уровня бытия к небесному, сверхъестественному, медленный и сложный процесс духовного преобразования»<sup>5</sup>.

Выделяется лексическая группа со значением «свет», «источник света»: «Небеса», «Звезда Пресветлая», «Солнечник», «Лунник», «Громник», «Лампада» («Ламбада, сиречь собрание толковых книг и от разных Божественных Писаний»). Светильники, лампы «служат символом водительства

<sup>1</sup> Лихачев Д. С. Поэтика древнерусской литературы. М., 1979. С. 165.

<sup>2</sup> Камчатнов А. М. История русского языка: XI — первая половина XIX в. М., 2005. С. 62.

<sup>3</sup> Тресиддер Дж. Словарь символов. М., 1999. С. 147.

<sup>4</sup> Библийская энциклопедия. М., 1891. С. 379.

<sup>5</sup> Тресиддер Дж. Словарь символов. С. 361.



Божия. «Ты, Господи, светильник мой», — восклицает царепророк Давид (II Цар. 7: 29). И, по истинно прекрасной метафоре, слово Божие называется им светильником. «Слово, Твое, — говорит он в другом месте, — светильник ночи моей» (Пс. 118: 105). Св. Иоанн, креститель Господень, называется светильником горящим и светящим. Св. ап. Петр говорит о светильнике, сияющем в темном месте (II Петр. 1: 19). Кроме того, были в употреблении светильники для освещения в дверях»<sup>6</sup>.

Итак, метафоры и символы в названиях рукописных книг свидетельствуют об их глубокой связи с книгами Священного Писания. При рассмотрении названий как особого явления в русской письменности выявляются слова со значениями: «вооружение», «духовная власть», «прочные минералы», а также «драгоценные камни, металлы, украшения», «путь духовного становления, испытания, искушения», «свет», «источник света» и др.

<sup>6</sup> Библейская энциклопедия. С. 630.

А. А. Кузнецов (Нижний Новгород)

## ДВА ЭПИЗОДА ИЗ БИОГРАФИИ ЯРОСЛАВА ВЛАДИМИРОВИЧА

В Ипатьевской летописи (ИЛ) под 6690 г. (1183 г.<sup>1</sup>) сообщается о том, что Мстислав Святославич женился на ясыне, свояченице Всеволода Юрьевича<sup>2</sup>. Другая свояченица владимирского князя была выдана за Ярослава Владимировича<sup>3</sup>, относительно долго представлявшего владимирского князя в Новгороде.

Из княжений Ярослава в Новгороде интересно последнее (1197—1199/1200 г.). Ярослав прибыл в Новгород в конце 1197 г. (С. 43, 236—237). В следующем году Ярослав пережил личную драму: весной у него умерли два сына — Изяслав и Ростислав. Возможно, в связи с этим горем Ярослав в июле 1198 г. заложил каменную церковь Спаса Преображения на Нередице, законченную в сентябре (С. 44, 237—238) и расписанную в 1199 г. (С. 44, 238).

В ранних росписях храма есть изображение армянского святого Григория Просветителя, кладущее начало иконографической традиции этого армянского святого на Руси. Рядом с ним находятся изображения св. Нино и великомученицы Рипсиме. Это сочетание, по мнению В. А. Арутюновой-Фиданян, характерно для армяно-халкидонитских храмов. Образ Григория Просветителя напоминает «росписи армяно-халкидонитских храмов»<sup>4</sup> и свидетельствует о возможности «существования в Новгороде армяно-халкидонитской общины»<sup>5</sup>.

Со второй половины XI в. церковная организация армян-халкидонитов стала переходить под контроль Грузинского Католикоса<sup>6</sup>. Косвенным аргументом в пользу этого тезиса является то, что в церкви Спаса на Нередице рядом с изображением Григория Просветителя есть фрески великомученицы Рипсиме и Нино Грузинской<sup>7</sup>. Арутюнова-Фиданян, указывая на то, что каноны изображений грузинских святых не сложились в Грузии, предполагает, что носителями таких новаций были армяне-халкидониты. Но молчание русских источников об армянских носителях иконографических влияний Закавказья в Восточной Европе не позволяет принять это предположение. Имеется посредник более конкретный — ясы в окружении князей. Представления Арутюновой-Фиданян выглядят усложнением реальной картины, если вспомнить о жене-ясыне Ярослава Владимировича, заложившего храм. В XII—XIII в. Аланская епархия, центр христианства среди ясов (аланов), как и ранее армяне-халкидониты, испытывала культурное влияние со стороны Западной Грузии<sup>8</sup>. Наличие у Ярослава Владимировича жены-ясыни позволяет дать более

<sup>1</sup> Бережков Н. Г. Хронология русского летописания. М., 1963. С. 201.

<sup>2</sup> ПСРЛ. Т. II. М., 1998. Стб. 624—625.

<sup>3</sup> ПСРЛ. Т. III. М., 2000. С. 37, 227 (далее ссылки на изд. в тексте).

<sup>4</sup> Арутюнова-Фиданян В. А. Православные армяне в Северо-Восточной Руси // Древнейшие государства Восточной Европы. Материалы и исследования. 1992—1993 годы. М., 1995. С. 203.

<sup>5</sup> Там же. С. 204.

<sup>6</sup> Арутюнова-Фиданян В. А. Армяне-халкидониты // Православная энциклопедия. М., 2001. Т. III. С. 327.

<sup>7</sup> Арутюнова-Фиданян В. А. Православные армяне в Северо-Восточной Руси. С. 202.

<sup>8</sup> Перфильева Л. А. Аланская епархия // Православная энциклопедия. М., 2000. Т. I. С. 443.



конкретное объяснение появлению изображения закавказских фресок в новгородском храме конца XII в. Объяснение может проистекать из связей жены Ярослава Владимировича. Аланская христианская церковь, расположенная на Северном Кавказе, должна была иметь культурные связи с православными церквями Закавказья. Из этой среды и могли выйти мастера-изографы храма, заложенного князем.

Можно согласиться с Арутюновой-Фиданян, что Грузия, грузинская церковь в XII в. были источниками иконографических воздействий, вырабатываемых на Кавказе и в Закавказье схем. Но их носителями были не армяне-халкидониты. Более предпочтительной выглядит иная схема: ясы — носители иконографических влияний Закавказья на Русь. То, что при дворе царицы Тамар ярко был представлен культурный цвет армян-халкидонитов<sup>9</sup>, является контраргументом объяснениям Арутюновой-Фиданян: грузинский двор концентрировал христианские традиции Кавказа и Закавказья и влиял на Аланию.

Мнение С. Т. Еремяна о существовании в половецких степях армянских факторий<sup>10</sup> не имеет источникового обоснования. Более доказанной является версия о существовании аланских поселений в Подонье (откуда Ярополк Владимирович в 1117 г. привел себе жену<sup>11</sup>) и на степном юго-востоке Руси<sup>12</sup>. Можно предложить более соответствующую источникам версию кавказского культурного воздействия на Русь в конце XII в.: посредниками между ею и Грузией были ясы (аланы). Из их среды в окружении жены Ярослава Владимировича вышли мастера, внесшие лепту в создание икон храма Спаса на Нередице.

\*\*\*

В 1205 г. Ярослав Владимирович был изгнан из Вышгорода (Стб. 426), а в 1207 г. он безуспешно защищал Треполь от Всеволода Черного (Стб. 429). Треполь входил в число городов, полученных в 1195 г. Всеволодом Юрьевичем Большое Гнездо от Рюрика Ростиславича<sup>13</sup>. Треполь в 1195—1207 г., вероятно, контролировался владимирским князем.

После 1195 г. Всеволод Юрьевич утвердил в Вышгороде свояка. Ярослав Владимирович появился в Вышгороде после 1200 г. В декабре 1200 г. во Владимире скончалась жена Ярослава Владимировича (Стб. 416—417). Лишь после похорон Ярослав мог поехать в Вышгород. Вероятно, после изгнания Ярослава из Вышгорода в 1205 г. Всеволод Юрьевич отправляет его в Треполь на правах посадника. То, что Ярослав был в 1207 г. в Треполе — городе, переданном Всеволоду, — позволяет предположить, что и в Вышгороде он оказался по воле свояка. Появление Ярослава на юге Руси сопрягается с усилением там влияния Всеволода III.

В 1194 г. по указанию Всеволода III был возобновлен Остерский Городец. В 1197 г. Всеволод направил в Переяславль епископа Павла. Закрепляя за собой Переяславль, Всеволод Юрьевич в 1198 г. осуществил поход на половцев. В Переяславле находился племянник Всеволода Юрьевича — Ярослав Мстиславич (Стб. 414). В 1200 г., после смерти в 1198 г. Ярослава Мстиславича, Всеволод утвердил в Переяславле сына Ярослава (Стб. 416). В 1205 г. Всеволод женил сына на внучке Кончака — хана донских половцев, часто нападавших на Переяславль (Стб. 426). Появление после 1200 г. на юге Руси Ярослава Владимировича вплетается в общую канву мероприятий владимирского князя по усилению своих общерусских позиций.

<sup>9</sup> Арутюнова-Фиданян В. А. Православные армяне в Северо-Восточной Руси. С. 205.

<sup>10</sup> Еремян С. Т. Юрий Боголюбский по армянским и грузинским источникам // Труды Ереванского государственного университета. Ереван, 1946. С. 392—393; Арутюнова-Фиданян В. А. Православные армяне в Северо-Восточной Руси. С. 205.

<sup>11</sup> ПСРЛ. Т. I. М., 1997. Стб. 291 (далее ссылки на изд. в тексте); ПСРЛ. Т. II. Стб. 284.

<sup>12</sup> Перфильева Л. А. Аланская епархия. С. 442; Орлов Р. С., Моця А. П., Покас П. М. Исследования летописного Юрьева на Руси и его окрестностей // Земли Южной Руси в XI—XIV вв. Киев, 1985. С. 49—60.

<sup>13</sup> ПСРЛ. Т. II. Стб. 683, 685.

В. А. Кучкин (Москва)

## ТЫСЯЦКИЕ СРЕДНЕВЕКОВОЙ РУСИ

1. Тысяцкими в историографии занимались давно. Но если В. Н. Татищев только упоминал тысяцких, излагая события, в которых они принимали участие, и не объяснял, кого они представляли и какие функции исполняли, то уже Н. М. Карамзин дал четкую их характеристику. По его мнению, тысяцкие



вместе с сотскими и десятскими состояли под главенством князя и вместе с воеводами «начальствовали» над войском. Иерархически они занимали место ниже воевод. Соглашаясь с Н. М. Карамзиным в главном — тысяцкие возглавляли войско, С. М. Соловьев писал: «Сельчане приходили в поход со своими старостами; горожане, относительно военной службы, разделялись, как видно, на десятки, сотни: таково было обыкновенное военное дело у народов... Тысяцкий, по соображении всех известий об этом сале, был воеводою земских, гражданских полков, выбиравшийся князем из дружины». На такое объяснение историка наталкивала прежде всего летописная фраза об освящении Успенской церкви Киево-Печерского монастыря в 1089 г., когда «воеводство держащу Киевския тысяща Яневи».

2. Посеянное Н. М. Карамзиным и С. М. Соловьевым дало обильные всходы. Появилась масса работ, авторы которых стремились видеть в тысяцких носителей исключительно военной власти, а деление на тысячи, сотни и десятки объявляли догосударственным делением восточнославянского общества, организованного по военному образцу. Тысяцкий в таком случае становился главным военно-административным лицом докняжеского периода. Другие историки, говоря о догосударственном происхождении должности тысяцкого, полагали, что со временем занятие этой должности зависело уже не от рядового населения, а от князя. Третьи считали, что военное деление на тысячи, сотни и десятки имело место при Рюриковичах. Четвертые, признавая существование такого деления, полагали, что различные части данного деления не были связаны между собой и тысяцкие представляли собой отдельную от десятских и сотских организацию. Пятые отрицали военные функции тысяцких, признавая за ними функции административные, судебные, хозяйственные. Есть и такие исследователи, которые пытаются примирить противоположные точки зрения. Например, современные немецкие историки считают, что «в городах северо-восточной Руси должность тысяцкого замещалась по приказу князя, он ставил на нее своего доверенного боярина. В обязанности тысяцкого входили: руководство городским ополчением, содержание в порядке оборонительных сооружений, сбор налогов и некоторые судебные функции» (Э. Клюг).

3. Сведения о первых тысяцких на Руси сохранились в древнейших летописных сводах (Лаврентьевская, Ипатьевская и Новгородская I летописи), Русской Правде Пространной редакции («Устав Володимерь Всеволодича»), Киево-Печерском патерике. В послемонгольское время к летописным свидетельствам добавляются свидетельства законодательных памятников (Новгородской судной грамоты и княжеских уставов), списков новгородских должностных лиц, актов, родословных росписей и родословных книг. При этом определенные виды источников освещают преимущественно какие-то одни стороны деятельности тысяцких. Если летописи, много внимания уделяющие военным столкновениям Руси с внешними врагами и русских князей между собой, довольно часто говорят об участии тысяцких в военных действиях, то другие источники сообщают об их политической, дипломатической, юридической и хозяйственной деятельности, которой мало интересовались составители летописных сводов, и, в свою очередь, ничего не говорят об участии тысяцких в войнах.

4. В средневековой Руси тысяцкие впервые фиксируются в XII в. К 1108 г. может быть отнесено упоминание тысяцкого в Суздале, к 1113 г. — в Киеве, Белгороде под Киевом и Переяславле Южном. В 1127 г. назван тысяцкий во Владимире Вольнском и, возможно, в Турове. Под 1139 г. летопись сообщает о тысяцком в Новгороде, под 1164 г. — в Чернигове, под 1167 г. — в Вышгороде под Киевом, под 1185 г. — в Новгороде Северском, под 1195 г. — в Смоленске. В подавляющем большинстве это древние центры крупных княжений (Киев, Новгород, Чернигов, Переяславль, Смоленск, Суздаль, Владимир Вольнский), центр княжения в Черниговской земле (Новгород Северский) и княжеские резиденции в Киевской земле (Белгород, Вышгород, Туров). Во втором десятилетии XIII в. фиксируются тысяцкие в Галицком княжестве: в Галиче и Перемышле (1213 г.), Тихомле и Перемиле (1219 г.). Во всех указанных четырех городах Галицкого княжества были княжеские столы. В летописях вместе с тысяцкими называются и тысячи: Киевская (1089 и 1231 г.), Сновская (1149 г.) и Перемышльская (1213 г.).

5. В период после монгольского нашествия институт тысяцких не прекратил своего существования. Тысяцкие по-прежнему фиксируются в Новгороде Великом (с 1191 г. это республиканские тысяцкие), в Киеве (1240 г.), Галиче (1241 г.), Владимире Вольнском (1254 г.). Появляются новые центры, в которых действуют тысяцкие: Владимир на Клязьме (1252 г.), Холм (1268 г.), Тверь (начало XIV в.), Москва (1326 г.), Нижний Новгород (60–80-е годы XIV в.). Упоминаются Галицкая

(1241 г.) и Владимирская (Владимира на Клязьме) тысячи (1252 г.). Новые центры, за исключением, быть может, Холма, являются княжескими резиденциями и столицами крупных княжеств. Очевидно, что институт тысяцких был тесным образом связан с высшей княжеской властью. Однако развитие последней наряду с усложнением хозяйства приводит к ликвидации должности тысяцких. Это происходит во второй половине XIV в. Дольше всего институт тысяцких продержался в Новгороде Великом, но с установлением в 1477 г. над Новгородом власти московского великого князя должность тысяцкого ликвидируется и там.

6. Самые ранние свидетельства о тысяцких содержат данные об их гражданских, а не военных функциях. Киево-Печерский патерик рассказывает о боярине Владимира Мономаха Георгии Симоновиче, который был послан вместе с малолетним сыном Мономаха Юрием в Суздальскую землю. Очевидно, Георгий был кормильцем княжича и фактически правил вместо него. При повзрослевшем Юрии Долгоруком он стал суздальским тысяцким и заменял князя в его отсутствие. Под началом тысяцкого Георгия находились другие княжеские бояре. В 1113 г. во время восстания в Киеве были разгромлены дворы тысяцкого Путяты и сотских. Появившийся вскоре после восстания «Устав Володимерь Всеволодича» позволяет установить, что тысяцкий был причастен к выдаче кредитов-куп, взиманию долгов и определению правового статуса взявших ссуды закупов. Выработанные в «Уставе» новые положения по указанным вопросам были приняты при участии тысяцких, в частности сменившего Путяту киевского тысяцкого Ратибора, боярина Владимира Мономаха. По свидетельствам более позднего времени выясняется, что тысяцкие выполняли дипломатические функции, по приказу князя собирали население города для обсуждения важных вопросов, организовывали сотни, вершили торговый суд и суд, касавшийся подведомственных им людей. Согласно новгородским материалам XV в. тысяцкие получали поралье в виде беличьих шкур, зерна и хлебов.

7. Что касается участия тысяцких в войнах, то данных о командовании ими особыми земскими полками не обнаруживается. В битве на р. Супое в 1136 г. киевский тысяцкий Давыд возглавил лучшую дружину Мономашичей, разбил половцев, но затем попал в плен к черниговским князьям. Он назван среди других бояр, захваченных Ольговичами. В 1146 г. киевский тысяцкий Улеб вместе с Иваном Воитишичем и Лазарем Саковским возглавлял полк князя Игоря Ольговича. В полку противника Игоря князя Изяслава Мстиславича был свой тысяцкий, который выступал под княжеским стягом. В 1195 г. тысяцкий смоленского князя Давыда Ростиславича Михалка во главе смоленского полка был направлен против войска полоцких князей, помогавших черниговским Ольговичам. Очевидно, что тысяцкие возглавляли войско, в основном состоявшее из княжеских дружинников. Тысяцкие относились к «передним» княжеским «мужам», из числа которых и назначались княжеские воеводы.

8. Тысяцкие вместе с сотскими и десятскими составляли одну организацию. Судя по новгородскому «Уставу великого князя Всеволода», его тексту, восходящему в конце XII в. и упоминающему 10 сотских, последние были причастны к контролю над различными весовыми приборами, мерными образцами для определения длины продаваемых товаров и т. д. По более позднему установлению «Рукописания князя Всеволода» такие функции возлагались на тысяцкого. Очевидно, что тысяцкий стоял во главе той же организации, что и 10 сотских. Связь тысяцких с десятскими и десятками устанавливается документами кремлевской находки 1843 г. Это документы из архива последнего московского тысяцкого В. В. Вельяминова. В одном из них говорится, что «Семенкова десятка полтинѣ не дали», в другом содержался список десятка — ровно 10 человек. О совместной деятельности сотских и десятских свидетельствуют обельные постановления иммунитетных грамот XV в.: «Ни к соцким, ни к десяцким с черными людьми не тянут ни в какие проторы, ни в розметы, ни в ыные ни в которые пошлины».

9. Согласно договорам XIV в. московских князей между собой, родственники-Калитовичи обязывались «которые слуги потягли къ дворьскому, а черные люди к сотникомъ, тыхъ ны въ службу не примати, но блюсти ны ихъ с одного». Черные люди во главе с сотскими относились к «служным людям» всех князей, и этим вызывался запрет переводить их на службу к одному князю. Таким образом выясняется, что тысяцкие возглавляли децимальную организацию служных черных людей, созданную для удовлетворения хозяйственных потребностей князя и его окружения. Институт тысяцких появился в этой организации не сразу, спустя определенное время после формирования десятков и сотен, а был ликвидирован до разложения этой организации, будучи заменен институтом окольных бояр, дворецких и других лиц из княжеского окружения.

Ю. А. Лабынцев, Л. Л. Щавинская (Москва)

## КНИЖНОЕ НАСЛЕДИЕ ДРЕВНЕЙ РУСИ В ПРАКТИКЕ УНИАТСКОЙ ЦЕРКВИ НА БРЕСТЧИНЕ (ПЕРВАЯ ТРЕТЬ XVIII в.)

Проблема внутренней жизни белорусской и украинской греко-католической церкви за всю ее историю остается одной из самых острых и малоизученных. В немалой степени причиной тому является отсутствие надежной источниковой базы и адекватных научных методов анализа. В своем исследовании мы основывались преимущественно на материалах многочисленных церковных визитаций — уникальном комплексном источнике, малоизвестном у нас. Особый интерес среди этих материалов представляет огромный, сберегающийся в нескольких странах комплекс документов, отражающих жизнь греко-католической церкви преимущественно в XVII—XIX в. Все они составлены на польском языке со множеством специфических латиноязычных вставок.

Для наглядности мы отобрали материалы по одному из наиболее интересных для наших исследований греко-католических деканатов (благочиний) на белорусско-украинско-польском пограничье — брестскому, который во всем является показательным и для остальных деканатов греко-католической церкви, преимущественно в ее западных регионах. Еще более конкретизируя задачу, в целях наглядности решения и представления итогов исследования, в качестве своего рода почти идеально формализованного и в то же время универсального по признакам своей комплексной сущности маркера мы избрали книжность приходского храма — центра всей местной церковной и иной жизни.

К началу XVIII в. из-за спутанности и неустойчивости богослужебного обряда в униатской церкви назрела насущная необходимость проведения специального собора для унификации богослужения и утверждения канона униатской обрядности. Замостский собор 1720 г. стал важнейшим событием в истории униатской церкви и, в частности, утвердил порядок проведения визитаций. В 1727—1728 г. была проведена комплексная визитация парафиальных униатских церквей, отчет о результатах которой дает исчерпывающее представление об их материальном состоянии. В нашем распоряжении имелись отчеты о визитации 12 церквей брестского деканата, в которых были отражены сведения об имеющихся там книгах. Результаты визитации каждой церкви изложены в основном по следующей схеме: название церкви и имя ее настоятеля; описание физического состояния церковных построек, иконостаса, крестов; подробное описание имеющихся в наличии церковной утвари, облачений церковнослужителей; далее следует список церковных книг; обстоятельное описание фундушевых (вкладных) записей, разных бумаг, касающихся церковных земель; перечисление населенных пунктов, относящихся к данному церковному приходу. Заканчивается отчет о визитации замечаниями и рекомендациями визитаторов и указанием даты ее проведения.

Согласно проанализированным отчетам о визитации 12 церквей брестского деканата всего на тот период в них имелось 147 церковных книг. В среднем в каждой церкви имелось около 11 книг. Наибольшее число их было зафиксировано в Брестском кафедральном соборе св. Николая — 38 книг, что неудивительно, учитывая статус этого храма, наименьшее — 1 книга — было отмечено в Непельской церкви (рукописное Евангелие).

Из имевшихся 147 книг рукописными были 26, т. е. практически пятая часть. Список богослужебных книг в отчетах о визитации в большинстве проинспектированных брестских церквей возглавляет Евангелие — в 11 церквях из 12. В церкви св. Михаила в Бресте список книг открывает «Служебник Виленский рукописный». Здесь хотелось бы отметить такую интересную местную особенность, как продолжение традиции переписки рукописей на этих землях, ибо речь идет о переписке знаменитого в истории греко-католической церкви виленско-супрасльского печатного Служебника конца XVII в. Всего в описях числится 13 Служебников, 2 из которых рукописные, в том числе вышеупомянутый.

Самую многочисленную часть церковных книг брестского деканата составляли Евангелия, их было 21, в том числе 9 — рукописных. 3 Евангелия были отмечены как «Евангелийки польские». Далее по численности идут Триоди, которых насчитывалось 16, в том числе 3 — рукописные. Из 13 имевшихся на тот период в 12 брестских церквях Требников 2 были полностью рукописными, а один означен как частично печатный, частично рукописный. Скорее всего, к печатному Требнику была прилетена рукопись с описанием каких-то местных треб, местных особенностей. Один Требник описан как «Требник Львовский».



Из 12 Псалтырей и 11 Октоихов по одному означены как рукописные. Практически в каждой церкви имелись «Казусы Замойские» — они числились в 9 церквях из 12. Апостолов было 8, все они описаны как печатные. Имелись также 7 Трефолоев, 1 — рукописный; 5 Полуставов, 1 — рукописный; 5 Ирломоев, 2 — рукописные; 3 печатные Минеи; в 3 церквях имелись книги Иоанникия Галятовского. По одному экземпляру числилось книг, означенных как «Казусы русские рукописные», Лексикон, Субботник, «Чудо Холмской Богоматери», Понтификал (Брестский кафедральный собор св. Николая), Ключ на Пасхалию (Велимовицкая церковь), Постилла (в Брестской церкви св. Троицы). Имелись также 7 книг неизвестного содержания, 2 из которых описаны как «старинные печатные».

Анализ всех этих материалов позволяет сделать несколько важных выводов. По меньшей мере треть или даже более указанных книг относилась по времени своего появления еще к доуниатскому периоду, и именно они фактически пролонгировали существование своего рода некоего местного традиционно-исторического книжного контекста, связанного с общим восточнославянским литературным и письменно-графическим пространством, сугубо православным в своей основе. Собственно православными по содержанию и происхождению были не только книги доуниатского времени, но и многие, изданные в XVII столетии, например, сочинения Иоанникия Галятовского и, скорее всего, большинство львовских изданий. Таким образом, число церковных книг православной редакции составляло в брестских униатских церквях рассматриваемого времени около половины.

Издания римско-католической редакции, как ни странно, единичны. Собственно, речь идет лишь о Понтификале, Постилле и, возможно, «Евангелиях польских». Весьма заметен пласт первых униатских Службеников, прежде всего многочисленные экземпляры знаменитого виленско-супрасльского Службеника 1692–1695 г., а затем пласт новых аналогичных книжных пополнений — после Замостского собора 1720 г. Все они — свидетельства формирования новой фазы в развитии книжной культуры этих земель в XVIII в., формирования постепенного, начавшегося лишь в самом конце XVII столетия. При этом весь XVIII в. православная книжная основа в брестских униатских церквях, зафиксированная визитаторами 1727–1728 г., почти не меняется и, сохраняясь, во многом переходит и в XIX столетие. Наши экспедиционные наблюдения на этих землях свидетельствуют о сохранности до сего дня в здешних православных храмах некоторых церковных книг, помеченных в проанализированных визитациях первой трети XVIII в.

Л. В. Левшун (Минск)

## ПРИНЦИПЫ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ СИСТЕМЫ МЕТОДОВ, СТИЛЕЙ, ЖАНРОВ В СРЕДНЕВЕКОВОЙ ВОСТОЧНОСЛАВЯНСКОЙ КНИЖНОСТИ. ЗАКОН РИТОРИЧЕСКОЙ ИМИТАЦИИ

На основании каких критериев можно различать в произведениях традиционалистской культуры, с одной стороны, жанрово-стилевые модификации в пределах одного и того же художественного метода, с другой — модификации самих методов при внешнем сходстве жанрово-стилевых характеристик? Поставленная задача вынуждает исследовать ситуацию, когда «читатель», пытаясь постичь смысл «читаемого», бывает вынужден «создавать» правила построения данного произведения, извлекая их из «текста» на основании своего, «в свою меру», восприятия и самочинно приписывая эти правила как генерирующие «произведению» и, следовательно, его автору. Принимая принципы мышления/познания, свойственные каноническому искусству, за риторические фигуры и тропы, «читатель» иного модуса восприятия самочинно подменяет творческий метод «автора»: способ выявления смысла отождествляет со способом создания текста.

Так, довольно часто способы «думания» книжника, диктуемые гносеологическими принципами его «модуса бытия», воспринимаются читателями иных модусов как именно *риторические фигуры* («технические» приемы оформления смысла), востребуемые этикетно-эстетическими и/или идеологическими принципами. Между тем, к примеру, *параллельная композиция* в творчестве книжников, работающих в «символическом реализме», очевидно востребуется зафиксированным в христианской теории образа основным гносеологическим принципом «истинного искусства» — изображать «метафизическую

схему» вещи/события во всей возможной полноте его сущностных характеристик. Но доступная «писателю» («в его меру») полнота Божественного замысла может быть передана в эмпирии лишь как некая совокупность отдельных временных состояний данного предмета. Поэтому книжник и *вынужден* передавать эту превечную полноту вещи/события путем членения-амплификации на несколько ее хронологических «сбываний». Почти всегда сопутствующая параллельной композиции *символическая амплификация* также вызывается гносеологическими, а не этикетно-эстетическими принципами: невозможность адекватно выразить в словах и понятиях «метафизическую схему» объекта изображения принуждает художника ставить рядом с данным денотатом и/или его характерным (с точки зрения аутентичной культуры) признаком несколько других денотатов и/или их признаков, «взаимоналожение» которых как раз и позволяет каждому читателю «в свою меру» индуктивно вывести идею (логос) данного конкретного объекта/события. При этом, когда одна индивидуальность «прочитывает» другую, возникает, скажем так, *эффект наложения канонов*. Если таковые оказываются тождественными или хотя бы адекватными друг другу, то формы художественного языка читающего и читаемого (метод, стиль, жанр) взаимопоглощаются, высвобождая чистый смысл. И этот смысл в таком случае воспринимается как грамотно построенное высказывание на естественном языке — буквально и адекватно.

Если же канон читающей индивидуальности не находит себе соответствия в каноне читаемой, то возникает, так сказать, *эффект смыслового зияния*: нюансы выражения «прочитываются» формально, как изобразительные структуры, и воспринимаются как самодостаточное художественное содержание, которое непроницаемо заключает в себе некий непостижимый, а значит, и как бы несуществующий для реципиента смысл. В подобном случае произведение воспринимается читателем как высказывание на незнакомом ему языке — фигурально. Напряжение между «прочитанным» содержанием (изображением) и непроницаемым для читателя смыслом чужого высказывания (выражением) *закономерно* создает риторическую фигуру. Совершенно то же происходит и при взаимодействии жанров, стилей, творческих методов, целых культур.

Таким образом, всякая попытка возродить или продолжить традицию творческих методов одного модуса бытия в художественном каноне другого модуса закономерно принимает формы имитации, причем имитации метафорической, то есть по сути — риторической. И вызвано это, по-видимому, тем, что любая определенная в своих изобразительно-языковых формах культура в принципе не может воспринимать другую (иного модуса бытия и, значит, иного «эстетического кода») никак иначе кроме как метафорически, или, собственно говоря, риторически. Вместе с тем для «читателя», чей модус восприятия совпадает с «авторским», изобразительно-языковые формы художественного существуют лишь как прозрачные и *не* единственно возможные покровы, сквозь которые просвечивает собственно смысл произведения.

Замеченная закономерность выявляет и позволяет сформулировать закон риторической имитации. Он заключается в том, что всякий раз, когда тот или иной культурно-исторический феномен попадает в онтологически и генетически чуждый ему модус бытия, он подвергается имитации во всех мыслимых ее формах. Разные (в разных модусах) восприятия одних и тех же метода, стиля, жанра дают нам не историю развития методо-стиле-жанровой системы, а историю ее восприятия разными «чинами» читателей/исследователей.

А. Ф. Литвина, Ф. Б. Успенский (Москва)

## ИЗ НАЧАЛЬНОЙ ИСТОРИИ МОНАСТЫРЯ СВ. СИМЕОНА В КИЕВЕ

Под 1147 г., годом убийства в Киеве князя-чернеца Игоря Ольговича, мы находим сообщение о том, что первоначально он был погребен в монастыре св. Симеона: «...и везе на конець града в манастырь святому Семеону, *бе бо манастырь отца его и деда его Святослава* тамо положиша».

В этом сообщении особо выделен и назван по имени дед князя Игоря, Святослав Ярославич, что заставляет предположить, что именно он и основал Симеоновский монастырь. Храмовое строительство князей, не будучи обогатительно связано в ту эпоху с крестильным именем ктитора, чаще всего было как-то связано с христианским антропонимиком его семьи. Ниже нам предстоит определить, почему,

не будучи в крещении *Симеоном*, Святослав Ярославич возвел монастырь во имя св. Симеона. Кроме того, было бы интересно если не выяснить наверняка, то хотя бы подступиться к решению проблемы, кому именно из свв. Симеонов мог быть монастырь посвящен.

В поисках ответов на эти вопросы обратимся к истории немецкого посольства 1075 г. на Русь. Как мы знаем из «Анналов» Ламперта Херсфельдского, посольство это возглавил некий Бурхард. «Этот [Бурхард], — говорит хрониста, — потому оказался подходящим для такого посольства, что тот, к кому он отправлялся, был женат на его сестре, да и сам Бурхард по этой причине настоятельнейшими просьбами добивался от короля, чтобы против того пока не предпринималось никаких более суровых мер».

Действительно, Святослав Ярославич был женат на Оде, дочери графа Лютпольда и Иды из Эльсдорфа. Бурхард приходился Оде единоутробным братом, а Святославу Ярославичу, таким образом, шурином. Совершенно очевидно, что это свойству ни для него, ни для князя отнюдь не было пустым звуком: оно продолжало играть важную роль в той политической игре, которую Святославу приходилось вести в соперничестве с братом Изяславом.

Кем же был глава немецкого посольства, шурина Святослава Ярославича? Ламперт, современник описываемых событий, характеризует Бурхарда как «настоятеля Трирской церкви», а в Штаденских анналах, источнике XIII в., о нем уже напрямую говорится так: «главный настоятель в Трире, который впоследствии был избран архиепископом». В историографии закрепилось именование Бурхарда архиепископом, против чего справедливо возражал А. В. Назаренко, указывавший, что Бурхард не был ни главным настоятелем, ни, тем более, архиепископом Трира, а лишь настоятелем соборного храма в трирском монастыре св. Симеона.

Что же это за монастырь и чем он нам интересен в связи со строительством монастыря св. Симеона в Киеве?

Св. Симеона Трирского (или младшего Симеона Столпника) можно назвать одной из любопытнейших фигур греко-латинского мира накануне схизмы. Он родился в Сиракузах, получил образование в Константинополе и в течение семи лет был проводником паломников в Святые земли. Спустя некоторое время он стал монахом, сперва в Вифлееме, а потом на Синае. Настоятель синайского монастыря св. Екатерины посылает его в Нормандию, к герцогу Ричарду II. Волей обстоятельств путешествие это затянулось, с определенного момента к Симеону присоединяется трирский иерарх Эбервин. Симеон был представлен трирскому архиепископу Поппону и сделался его личным проводником в двухгодичном паломничестве по Святым землям. Вернувшись из этого путешествия в Трир, Симеон избрал путь отшельничества и поселился в замурованной келье в башне римских городских ворот *Porta Nigra*.

После его кончины 1 июня 1035 г. архиепископ Поппон добился необычайно скорого признания его святости римским престолом: уже в декабре 1035 г. папа Бенедикт IX канонизировал младшего Симеона Столпника. В 1041 г. архиепископ Поппон переоборудовал римские городские ворота *Porta Nigra* в церковь, а к 1050 г. здесь образовался целый монастырь св. Симеона.

Итак, важность для Бурхарда и его сестры фигуры новопрославленного Симеона Трирского представляется неоспоримой. Подчеркнем, что в этой перспективе не имеет особого значения гипотетичность многих наших сведений об их семье. Если Бурхард был настоятелем этой самой церкви св. Симеона, если он был родственником того самого трирского архиепископа Поппона, который лично сделал так много для становления культа, если в Трире в 1043 г. был погребен отец Оды, граф Лютпольд, то, условно говоря, св. Симеон Трирский мог играть для Оды почти такую же роль, как свв. Борис и Глеб для Рюриковичей. Но его культ, несомненно, был важен для нее даже и в том случае, если ее брат Бурхард в это время был просто настоятелем в Трире, в чем как будто бы не сомневаются ни средневековые хронисты, ни современные исследователи.

Весьма вероятно, таким образом, что строительство храма в Киеве было спровоцировано родством князя Святослава, приобретенным по браку. Жены князей, княжеские свойственники и свойственницы нередко играли важную роль в выборе святых патронов для церквей и монастырей. Мы не рискнули бы настаивать на том, что киевский монастырь св. Симеона был возведен непосредственно в честь Симеона Трирского. Пожалуй, более правдоподобным выглядит предположение, что киевский монастырь был посвящен тому древнему святому, чей подвиг мог служить образцом для Симеона, — св. Симеону Столпнику.

П. В. Лукин (Москва)

ПРЕДСТАВЛЕНИЯ О СОЦИАЛЬНОЙ СТРУКТУРЕ В ДРЕВНЕРУССКОЙ  
«ПОВЕСТИ О ВЗЯТИИ КРЕСТОНОСЦАМИ КОНСТАНТИНОПОЛЯ В 1204 г.»\*

1. Социальная структура древнерусского общества домонгольского периода является одной из очень сложных историографических проблем. Дело в том, что основными источниками здесь являются нарративные памятники, терминология которых, во-первых, далека от определенности и постоянства, а во-вторых, часто неотделима от литературных интенций летописцев, не стремившихся к точности юридических дефиниций. В этом смысле большой интерес представляет древнерусская «Повесть о взятии крестоносцами Константинополя в 1204 г.», терминология которой, в целом близкая к летописной, может быть сопоставлена с известными по другим источникам константинопольскими реалиями начала XIII в.<sup>1</sup>

2. В «Повести», в частности, излагаются события, произошедшие в Константинополе после смерти императора Исаака Ангела, и говорится: «...и събрачеся чернь, и волочаху добрые мужи, думающе с ними, кого цесаря поставять... Потомъ же яша человекъ, именемъ Николу воина, и на того възложиша вѣнць бес патриарха, и ту быша с нимъ въ святѣи Софии 6 днии и 6 ноции. Цесарь же Исаковиць бяшетъ въ Влахернѣ, и хотяше въвести Фрягы отаи бояръ въ град; бояре же, увѣдавъше, утолиша цесаря, не даша ему напустити Фрягъ... Тъгда бояре, убоявъшеся вѣвѣдения Фрягъ, съдумавъше съ Мюрчюфломъ (будущий император Алексей V Дука. — П. Л.), яша цесаря Исаковиця...»<sup>2</sup>. Н. А. Мещерский предложил свое толкование терминологии автора «Повести». Исследователь справедливо отметил, что «в поле зрения автора “Повести” отчетливо проступают три социальные прослойки населения византийской столицы и, в соответствии с этим, три политические группировки». По мнению Н. А. Мещерского, эти прослойки таковы: «бояре» («придворно-военная аристократия, императорская гвардия»); «добрые мужи»/«добрые люди»/«людие» («несомненно, средние слои более или менее зажиточных горожан»); «чернь» («демократические слои населения», в том числе ремесленники и люмпен-пролетариат)<sup>3</sup>. Другую точку зрения высказал Ю. Г. Алексеев. По его мнению, «люди» противопоставляются «боярам», а внутри самих «людей» намечаются группировки «добрых» и «черных». Однако и «добрые» и «черные» думают и действуют совместно. «Чернь» известия 1204 г. — это свободные граждане Константинополя<sup>4</sup>. В отношении «бояр» и «черни» исследователи, думается, правы. Вопросы возникают с промежуточной «прослойкой». «Все люди» автором «Повести» явно отождествляются не с «добрыми», а с «чернью»: «Мюрчюфль же посла къ Николѣ и къ людъмъ въ святую Софию: “язь яль ворога вашего Исаковиця, язь вашъ цесарь; а Николѣ даю пьрвыи въ боярехъ, сложи съ себе вѣнць”. И вси людие не даша ему сложити вѣнць, нъ боле заклъшася: кто отступитъ от Николы, да будетъ проклять»<sup>5</sup>. «Добрые мужи/люди», которых «чернь» силой заставляет принять участие в поставлении «своего» цесаря, могли быть не только высшим слоем

\* Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ (проект № 05-01-01074а); Фонда Герды Хенкель (Gerda Henkel Stiftung) и Фонда содействия отечественной науке. Благодарю за советы и рекомендации С. И. Луцицкую.

<sup>1</sup> См. некоторые интересные, но отнюдь не исчерпывающие проблему наблюдения: Бицилли П. М. Новгородское сказание о IV Крестовом походе // Бицилли П. М. Избранные труды. Россия и Запад. М., 2006. С. 606; Мещерский Н. А. Древнерусская повесть о взятии Царьграда фрягами в 1204 г. // ТОДРА. Л., 1954. Т. 10; Он же. Древнерусская повесть о взятии Царьграда фрягами как источник по истории Византии // Византийский временник. М., 1956. Т. 9; Freydank D. Die altrussische Erzählung über die Eroberung Konstantinopels 1204 (Chronista Novgorodensis) // Byzantinoslavica. 1968. R. XXIX. № 2; Алексеев Ю. Г. «Черные люди» Новгорода и Пскова (к вопросу о социальной эволюции древнерусской городской общины) // Исторические записки. М., 1979. Т. 103. С. 251. Примеч.; Луцицкая С. И. Четвертый крестовый поход глазами русского современника // Византийский временник. М., 2006. Т. 64 (89). Высказывавшаяся Т. Л. Вилкул точка зрения о вторичности «Повести», восходящей якобы к неким письменным «греческим источникам» (Вилкул Т. Л. Летописные «бояре» и «чернь» на вече (XII–XIII в.) // Средневековая Русь. М., 2004. Вып. 6. С. 62. Примеч.), ошибочна. См. о возможном устном источнике «Повести»: Мещерский Н. А. Древнерусская повесть о взятии Царьграда фрягами в 1204 г. С. 130; Freydank D. Die altrussische Erzählung. S. 347–348; Andrea A. J. Essay on primary sources // Queller D. E., Madden Th. F. The Fourth Crusade. The Conquest of Constantinople (2<sup>nd</sup> ed.). Philadelphia, 1997. P. 311.

<sup>2</sup> ПСРЛ. М., 2000. Т. III. С. 47.

<sup>3</sup> Мещерский Н. А. Древнерусская повесть о взятии Царьграда фрягами как источник по истории Византии. С. 177. См. также: Алексеев Ю. Г. «Черные люди» Новгорода и Пскова. С. 246.

<sup>4</sup> Алексеев Ю. Г. «Черные люди» Новгорода и Пскова. С. 251. Примеч.

<sup>5</sup> НПА. С. 47.



«всех людей», но и частью «бояр». Кроме того, Н. А. Мещерский не обратил внимания на особую позицию императора («цесаря») и его родственников, которая отнюдь не совпадает с политической линией «бояр». Русский автор «Повести» представляет, очевидно, себе дело так, что население Константинополя состоит из следующих трех категорий: «цесарь» (император) и его родственники; «бояре»; «чернь», которая ниже называется также «все люди».

3. Справедливость такой интерпретации подтверждается, если мы обратимся к главному византийскому источнику о захвате Константинополя крестоносцами — «Истории» Никиты Хониата. Там о собрании в Софийском соборе, в котором «вынудили» (ἤναγκα ἕζετο) участвовать сенаторов и высшее духовенство, рассказывается так: «...народ (константинопольский. — П. Л.), будучи поистине простым и легко воспламеняющимся, и полным своеволия, ничего не понимал, начал говорить, что он не хочет, чтобы им управляли Ангелы и что это их собрание не иначе разойдется, как получит власть тот, кто им по душе... Между тем они (т. е. народ. — П. Л.) начали тщательно подыскивать будущего правителя и необдуманно выкликали в императоры то одного, то другого из благородных отраслей. Наконец, отвергнув всю (знать. — П. Л.), стали вожakov толпы и демагогов, некоторых и из нашего сословия (т. е. сенаторов. — П. Л.), убеждать венчаться на царство... И с трудом, когда прошел третий день, они, схватив одного молодого человека, по имени Николай, по прозвищу Каннав, помазали его против его воли в цари. Когда это дошло до сведения царствовавшего Алексея... был вызван маркиз Бонифатий (Монферратский, один из руководителей крестоносцев. — П. Л.), и, подумав вдвоем о насущнейших нуждах, решили, что необходимо, чтобы латинские войска вошли во дворцы, с помощью чего народный избранник будет низвергнут, как и избравший его народ»<sup>6</sup>.

Несмотря на очевидные стилистические и риторические различия между древнерусской повестью и византийским историческим сочинением, суть дела они описывают очень похоже. Выясняется, что «добрые мужи», которых «волочила» константинопольская «чернь» (οἰλαοί), — это отнюдь не «средние слои», а представители византийской знати, их Никита Хониат называет ἐπίοι δὲ καὶ τοῦ καθ' ἡμᾶς τάγματος, причисляя себя к этому кругу. «Бояре», которых привлекает на свою сторону Алексей Дука Мурдуфл, также принадлежат к числу высших сановников. Из этих «бояр» Никита Хониат конкретно упоминает одного — «евнуха, управлявшего царской казной»<sup>7</sup>. Нет никаких оснований сомневаться в том, что «знать», которую «чернь» вынуждала принять участие в своем собрании, и приближенные претендента на престол принадлежали к одной и той же высшей социальной категории.

4. Для нас, однако, важна не реальная социальная структура населения византийской столицы в начале XIII в., а значение древнерусских «социальных» терминов, для понимания которых параллельные древнерусский и византийский источники дают уникальный материал. Именно: то, что автор «Повести», описывавший константинопольское общество в свойственных собственной культуре понятиях, понимал под «боярами» представителей знати, находившейся на службе у верховной власти; под «добрыми мужами» — не какую-то особую категорию населения, а тех же «бояр», знать; под «чернью» — не просто низшие слои населения, а непривилегированные группы свободных горожан, жителей Константинополя, принявших в кризисной ситуации активное участие в политической жизни и даже организовавших избрание и помазание своего претендента на императорский престол. В этом смысле догадка автора Комиссионного списка НПЛ о «снем» в Софии Константинопольской (индивидуальное чтение Ком. «бысть снемъ» соответствует «быша с нимъ» всех остальных списков), возможно, вполне правомерна. Никита Хониат называет помазавшую Николая Каннава на царство «чернь» ὁ τοῦτον ἀρχαιρεσίᾳσας λεώς. Первое же значение глагола ἀρχαιρεσίᾳζω — не что иное, как «to hold an assembly for the election of magistrates» или «to elect a magistrate in the assembly», т. е. избирать должностное лицо, руководителя на *собрании*<sup>8</sup>.

<sup>6</sup> *Nicetae Choniatae Historia* / Rec. I.A. Van Dieten. Berolini; Novi Eboraci, 1975 (Corpus fontium historiae Byzantinae. Vol. XI/1. Series Berolinenses / ed. H.-G. Beck, A. Kambylis, R. Keydell). P. I. P. 561–563. Существующий русский перевод неточен, ср.: *Никита Хониат. История со времени царствования Иоанна Комнина*. Рязань, 2003. Т. 2 (1186–1206). С. 240–241.

<sup>7</sup> *Nicetae Choniatae Historia*. P. 563.

<sup>8</sup> *A Greeko-English Lexicon*, compiled by H. G. Liddell and R. Scott, revised and augmented throughout by sir H. Stuart Jones with the assistance of R. McKenzie and with the cooperation of many scholars, with a revised supplement. Oxford, 1996. P. 251.

Е. А. Ляховицкий (Санкт-Петербург)

## К ВОПРОСУ О СООТНОШЕНИИ СТОГЛАВА И НАКАЗНЫХ ГРАМОТ

К настоящему моменту существуют две точки зрения на соотношение текстов Стоглава и наказных грамот. Согласно первой, Стоглав явился для них источником. Данная точка зрения принималась как очевидно верная большинством дореволюционных исследователей (работы И. В. Беляева, А. С. Павлова, И. М. Добротворского, В. А. Бочкарева, А. Я. Шпакова, И. М. Громогласова и др). Согласно второй, напротив, наказные грамоты послужили источником для Стоглава (работы Н. Кононова, Е. Б. Емченко). Как представляется, обе точки зрения недооценивают того обстоятельства, что, по всей видимости, и Стоглав и наказные грамоты есть компилятивные документы, в основании которых лежат некие предшествующие им материалы.

Значение этого обстоятельства показывает изучение структуры текста наказных грамот второго типа (т. е. грамоты во Владимир, Каргополь, Вязьму и Хлепен). Важный материал для этого изучения представляют два фрагмента, содержащие текст, соответствующий началу и главам 5–7, 17, 18 наказных грамот второго типа, при той разнице, что в них соответствующий текст идет от лица царя<sup>1</sup>. При этом 8-я глава, озаглавленная «Також вам царев указ и соборной ответ о вѣчной пошлине», судя по всему, открывает вставной текст, а окончание 18-й главы выглядит как окончание самостоятельного документа<sup>2</sup>, притом что начало 19-й главы напоминает начало самостоятельного документа<sup>3</sup>. Все эти обстоятельства позволили предположить, что помимо традиционно обсуждаемых наказных грамот имелась также царская наказная грамота, которая содержала решения по проблемам суда и местной церковной администрации и легла в основу первой части текста наказных грамот, до 18-й главы, исключая главы 8–16. Что касается второй части, от 19-й до 57-й главы, то ее источником, по-видимому, являлась некая учительная митрополичья грамота, обращенная к белому духовенству, чьим естественным завершением является фраза в 57-й главе «И сѧ убо до здѣ священству вашему написахомъ»<sup>4</sup>. Эта завершающая наказные грамоты фраза является основным аргументом в пользу мнения о вторичности Стоглава по отношению к наказным грамотам, поскольку в Стоглаве она располагается в 28-й главе, далеко не заключительной. Но если это не столько заключение наказной грамоты, сколько заключение ее источника, то в Стоглаве она могла появиться и независимо от наказных грамот<sup>5</sup>.

Интересные результаты дает также сопоставление близких текстов начала Смоленской наказной грамоты, 20-й главы наказных грамот второго типа и 6-й главы Стоглава. В начале фрагментов большее сходство обнаруживают тексты Стоглава и Владимирской грамоты, где содержится одинаковое определение области действия предписания, в Смоленской грамоте это определение существенно более кратко; формулировка адресации сближает уже Владимирскую и Смоленскую грамоты, в Стоглаве она не включает протопопов и размещена в начале фрагмента<sup>6</sup>:

<sup>1</sup> Фрагмент, содержащий тексты, соответствующие главам 5–7, 17–18, содержится в списке ИРИ РАН. Собрание актов П. М. Строева. 12.6.2. (он был дважды издан: в ААЭ и в «Архиве П. М. Строева»). Другой фрагмент, содержащий текст, соответствующий началу грамот второго типа, содержится в сборнике РНБ. Погод. 1571. Л. 1–1 об.

<sup>2</sup> *Д н(ы)нѣ по ц(а)ревѣ совѣтѣ и по соборному ѹложению во всем во том писали есма к вам как им тѣ наши дела с(ва)тительские вѣдати и дѣлати оти(ы)нѣ и вперед(ь) во всем подлинно* (РНБ. Погод. 1569. Л. 11 об.).

<sup>3</sup> *Такожъ есмя нынѣ послали к вамъ, по царевѣ совѣтѣ и по повелѣнїю и по его царевымъ воспросомъ, сие соборное посланїе, вкратцѣ написавъ о многоразличныхъ церковныхъ чинѣхъ* (Там же).

<sup>4</sup> *Беляев И.* Наказные списки соборного уложения 1551 г. или Стоглава. М., 1863. С. 35.

<sup>5</sup> Подробнее о наказных грамотах второго типа см.: *Ляховицкий Е. А.* Наказные грамоты по соборному уложению 1551 г. во Владимир, в Каргополь и в Вязьму и в Хлепен. К изучению структуры текстов / Украинский исторический сборник. Киев, 2007. Вып. 10.

<sup>6</sup> Текст, сближающий Стоглав и Владимирскую грамоту, подчеркнут; текст, сближающий Владимирскую и Смоленскую грамоты, выделен жирным шрифтом.

Стоглав (по изд. Емченко)	Владимирская грамота (Погод. 1569. Л. 14)	Смоленская грамота (по изд. Емченко)
И тем священником — старостам и священником десятским в царствующем граде Москве и по всем градом <u>Российскаго царствия</u> , в митрополи и в <u>архиепископьяхъ</u> , и в <u>епископьяхъ</u> кийждо в своих <u>пределехъ дозирати по вся дни по всемъ святымъ Божиимъ церквамъ</u>	И тог(о) ради, въ <b>ц(а)рствующем градѣ Москвѣ и по всам градом Російскаг(о) ц(а)рства</b> , в митропол(ь)и, і въ архіеп(и)с(ко)пьяхъ и <b>Ѣп(и)с(ко)пьяхъ</b> кійждо в своих предѣлахъ, повелѣхом <b>соборне уставити и дозирати вам протопопом и поповским старостам и десатцким св(а)щенникомъ, по вса дни, по всѣм св(а)тым ц(е)рквам</b>	В царствующем граде Москве и по всем градом о церковном чину по соборным Божиим церквам священным <b>протопопом, старостам и десятским священником</b> по всемъ церквамъ дозирати почасту

Далее, при изложении сути постановления, можно видеть текстологическое сходство в текстах Стоглава и Смоленской грамоты от слов «чтобы у них было по всем святым церквам...» до «...по церковному уставу сполна, чинно и немятежно...». Владимирская грамота существенно отличается от них. Затем тексты всех трех документов очень схожи, но во Владимирской и Смоленской грамотах имеется перечисление видов молитв, отсутствующее в Стоглаве. С другой стороны, в Стоглаве и Владимирской грамоте имеется перечисление подлежащих чтению книг, отсутствующее в Смоленской грамоте. Далее в документах следует многолетие царю и его семье.

Итак, при соотнесении трех фрагментов выясняется, что имеют место элементы, общие для Смоленской грамоты и Стоглава, но отсутствующие во Владимирской грамоте; элементы, общие для Стоглава и Владимирской грамоты, отсутствующие в Смоленской; наконец, элементы, общие для двух грамот, но отсутствующие в Стоглаве. Таким образом, соотношение текстов памятников оказывается более сложным, чем представлялось ранее, и работа по установлению их взаимоотношений должна быть продолжена.

*А. В. Майоров (Санкт-Петербург)*

### КТО ПРЕДОСТАВИЛ В. Н. ТАТИЩЕВУ СВЕДЕНИЯ О ПРОЕКТЕ РОМАНА МСТИСЛАВИЧА?\*

В ходе работы над сообщением о проекте «добраго порядка» галицко-волинского князя Романа Мстиславича, помещенным в «Истории Российской» под 1203 г., В. Н. Татищев произвел замену источника своих сведений. Если в первой редакции историк указывал на П. М. Еропкина, представившего соответствующую выписку из «древняго летописца», то во второй редакции в этом качестве фигурирует А. Ф. Хрущев:

<i>Первая редакция:</i>	<i>Вторая редакция:</i>
Сие Романово предложение ни в одном манускрипте, которые я в руках имел, не находится, а сообщил мне Еропкин выписанное и сказал, выписано в Новгороде из древняго летописца <sup>1</sup> .	Сие Романово предложение ни в одном манускрипте, которые я в руках моих имел, не находится, а сообщил мне Хрущев выписанное и сказал, что выписано в Новеграде из древняго летописца и писано было древним наречием, которое мы с ним преложили как здесь <sup>2</sup> .

\* Работа выполнена при поддержке гранта Президента РФ (проект МД-1665.2006.6).

<sup>1</sup> Татищев В. Н. Собрание сочинений: В 8-ми т. М., 1995. Т. IV. С. 457. Примеч. 429.

<sup>2</sup> Там же. Т. II–III. С. 257. Примеч. 569.



Как видим, помимо изменения имени своего информатора Татищев сообщает новые данные, характеризующие состояние и последующее использование источника, содержащего сведения о проекте. В примечании к тексту второй редакции историк говорит, что первоначальное известие «писано было древним наречием», которое в дальнейшем «мы с ним (Хрущевым. — А. М.) преложили как здесь». По сути дела, слова Татищева означают, что ко времени работы над второй редакцией в его распоряжении оказались некие новые документы, отражавшие текст проекта, а именно: писанная «древним наречием» выдержка из новгородского летописца и выполненный совместно с Хрущевым ее перевод, включенный во вторую редакцию.

Легко заметить, что при составлении первой редакции Татищев использовал иной по своему характеру источник. Приписывая его Еропкину, историк сомневался насчет достоверности содержащегося в нем известия («мне оно неколико сумнительно было») и решился воспользоваться им, «видя слог онаго древний, которого он (Еропкин. — А. М.) сам сочинить не мог». В работе над второй редакцией Татищев уже не только видел «древний слог» выписки из новгородского летописца, но и отметил также, что сама эта выписка составлена «древним наречием».

Насколько можно судить, выражения *слог* и *наречие* в русском языке XVIII в. имели различный смысл. Встречающееся уже в письменных памятниках Древней Руси слово *слогъ* (*сьлогъ*) начиная с XVII в. употребляется в значении, аналогичном татищевскому, — «способ, манера словесного изложения, слог, стиль»<sup>3</sup>. Слово *наречие* в языке XVIII в. употреблялось прежде всего в значении «язык как средство общения», а также «слово, выражение»<sup>4</sup>.

Как видим, разница между употребляемыми Татищевым выражениями соответствует разнице современных понятий «стиль», «манера изложения», с одной стороны, и «язык», «словарный состав» — с другой. Иными словами, когда Татищев характеризовал источник, положенный им в основу первой редакции сообщения о проекте Романа, то имел лишь общее представление о стилевых особенностях полученной им выписки, напоминающих манеру древнего летописца. К моменту составления второй редакции историк говорил о том, что ему пришлось иметь дело с документом, составленным на древнем языке, нуждавшимся в специальном переводе.

Чем же были вызваны указанные перемены? Как считает А. П. Толочко, все это «не могло быть продиктовано новыми внезапно полученными данными и, следовательно, связано исключительно с авторской активностью самого Татищева»<sup>5</sup>. «Авторской активностью» Татищева исследователь в смягченной форме именуется, надо думать, прямую фальсификацию историком всего известия о проекте. На наш взгляд, замена имени информатора (Еропкина на Хрущева) в примечании и появление некоторых новых смысловых деталей в основном тексте Романова проекта во второй редакции «Истории Российской» имеют более надежное объяснение, данное к тому же самим Татищевым.

По собственному признанию историка, ускользнувшему от внимания новейших критиков, в процессе работы над второй редакцией в его распоряжении оказались некоторые утраченные прежде и заново обретенные материалы, полученные в свое время от А. Ф. Хрущева. Это были выписки из принадлежавшей ему Смоленской летописи и не связанные с ней выписки из других источников, также сделанные Хрущевым.

Основанием для данного заключения служит признание Татищева, сделанное им, правда, вне прямой связи с проектом Романа, но непосредственно по поводу еще одного уникального известия, почерпнутого из «манускрипта Хрущева». Говоря под 1237 г. о борьбе Литвы с немцами, Татищев дает интересное для нас пояснение: «В манускрипте Хрущева сия битва с великой хитростью Литвы пространно описана, но у меня в то время выписка утратилась, а внесено из Хрущева согласуя с другими»<sup>6</sup>.

Эта запись читается уже в Воронцовском списке примечаний второй редакции<sup>7</sup>. Данный список, отражающий начальный этап работы над второй редакцией второй части, «имеет большое значение для определения достоверности известий, встречаемых только у Татищева, и особенно для проверок ссылок на источники»<sup>8</sup>. В этом же списке последний раз имя Еропкина фигурировало еще в двух случаях:

---

<sup>3</sup> Словарь русского языка XI–XVII вв. М., 2000. Вып. 25. С. 108.

<sup>4</sup> Словарь русского языка XVIII в. СПб., 2004. Вып. 14. С. 14–15.

<sup>5</sup> Толочко А. П. «История Российская» Василия Татищева: источники и известия. М.; Киев, 2005. С. 304.

<sup>6</sup> Татищев В. Н. Собр. соч. Т. II–III. С. 270. Примеч. 644.

<sup>7</sup> Там же. С. 307. Вар. 9–9.

<sup>8</sup> Пештич С. Л. Русская историография XVIII века. Л., 1961. Ч. 1. С. 268.



в примечании к Романову проекту 1203 г. и в примечании к сообщению о борьбе за Берестье в 1182 г.<sup>9</sup>, причем в случае с проектом рукой Татищева имя «Еропкин» уже переправлено на «Хрущев»<sup>10</sup>.

Замена Еропкина на Хрущева в примечании к Романову проекту находится в непосредственной связи с записью об обретении утраченных прежде выписок Хрущева, поскольку обе правки — одна в виде исправления, другая в виде приписки — внесены собственной рукой Татищева в одном и том же списке. В этом же списке рукой Татищева сделана приписка о совместном с Хрущевым переводе Романова проекта с «древнего наречия» на современный язык: «...и писано было древним наречием, которое мы с ним (Хрущевым. — А. М.) преложили как здесь»<sup>11</sup>.

Следовательно, одновременно с другими выписками из «манускрипта Хрущева» в процессе работы над второй редакцией «Истории Российской» Татищевым среди бывших у него бумаг покойного Хрущева были обнаружены, во-первых, какой-то новый вариант выписки из «древнего летописца» с текстом проекта Романа и, во-вторых, перевод этого текста на современный язык, очевидно, записанный рукой Хрущева. Все это и заставило историка внести правку в текст примечания (изменить прежде всего имя своего информатора), а также несколько скорректировать основной текст сообщения о проекте.

---

<sup>9</sup> Татищев В. Н. Собр. соч. Т. II—III. С. 300—301. Вар. 9—9.

<sup>10</sup> Там же. С. 304. Вар. 65.

<sup>11</sup> Там же. С. 303. Вар. 42—42

К. А. Максимович (Москва)

## ЗАПАДНОСЛАВЯНСКИЕ ЭЛЕМЕНТЫ В РУССКОМ КНИЖНО-ПИСЬМЕННОМ ЯЗЫКЕ РАННЕГО ПЕРИОДА

Этапы, особенности и основные пути южнославянских влияний на русский книжно-письменный язык Средневековья давно и плодотворно изучаются славистической наукой. Известно, что в древнейший период (XI—XII в.) русский литературный язык испытывал влияние со стороны древнеболгарского языка, поскольку культурные связи Руси и Болгарии были чрезвычайно тесными.

Вместе с тем вплоть до середины XIII в. существовали интенсивные торговые, политические (и матримониальные — как вид политических) связи между восточными и западными славянами. Поскольку Киевская Русь имела в то время непосредственные границы с Чехией и Польшей, между ними происходил интенсивный культурно-конфессиональный обмен.

Западное влияние на древнерусский книжно-письменный язык происходило тремя путями. Первый, опосредованный — это архаичные западно-славянские языковые элементы, попавшие из моравских кирилло-мефодиевских переводов библейских текстов в болгарские книжные памятники и уже вместе с последними ставшие известными на Руси. Второй путь, непосредственный — это проникновение западнославянизмов в древнерусский язык из западнославянских памятников, имеющих только русскую традицию. Существует также третий путь — проникновение западнославянских лексем в русские памятники из разговорного языка, в котором благодаря русско-западнославянским культурным и торговым связям такие слова имели локальное распространение.

Предлагаемый доклад посвящен описанию методики исследования и предварительных результатов, достигнутых в рамках данного научного направления, определению лексических западнославянизмов в древнерусских книжных памятниках, анализу возможных путей проникновения западных языковых элементов в древнерусский книжный язык с иллюстрацией обширным материалом древнерусских, западнославянских и южнославянских памятников.

А. Г. Мельник (Ростов)

### «РОСТОВСКИЕ ПАТЕРИКИ» КОНЦА XV–XVI в.

Сборники, составленные из житий или из житий и служб ростовским святым, еще не становились предметом специального рассмотрения. Эти сборники можно назвать «Ростовскими патериками». В недавнее время обнаружилось восемь подобных рукописей. Наиболее ранние варианты такого патерика имеются в сборнике-конволюте, в котором объединены две разные рукописи конца XV в. Первая из них состоит из житий ростовских святителей Исаии, Леонтия и Игнатия, а также небольшого фрагмента произведения «О Ираклии царе и о милости». Важно, что ростовские жития написаны одним почерком и явно одновременно, а последнее произведение — другим почерком. Ростовские жития расположены по календарному принципу. Напомню, что память Исаии празднуется 15 мая, Леонтия — 23 мая, Игнатия — 28 мая. Вторую рукопись конволюта составляют жития ростовских же святых Исаии, Игнатия, Исидора и Авраамия. В данном случае произведения расположены по иерархическому принципу, т. е. от жития наиболее значимого святого к житию наименее значимого из них.

Остальные выявленные патерики относятся к XVI в. Пожалуй, наиболее характерным из них является сборник первой четверти XVI в., включающий в себя службы и жития ростовских святых Леонтия, Исаии, Игнатия, Исидора и Авраамия. Именно в таком порядке, по иерархическому принципу, расположены указанные произведения в сборнике. Кроме того, последний имеет специальное предисловие (часть его утрачена), посвященное истории начала утверждения христианства на Руси, и в Ростовской земле в том числе. Сборник написан одновременно и по единому замыслу. В нем, в отличие от упомянутых патериков конца XV в., кроме житий ростовских святых представлены и посвященные им службы. Последние имеются еще в трех патериках XVI в. Этим отчетливо выражена одна из функций патерика, имевшая культовый характер. В середине — второй половине XVI в. патерик пополнился произведениями, посвященными еще двум ростовским святым, — службой епископу Иакову, а также житием и службой преподобному Петру царевичу.

Нельзя не отметить, что в четырех из шести указанных сборников XVI в. к житиям и службам ростовским святым присоединены произведения, не имеющие прямого отношения к Ростову. Некоторые из них оказались в сборниках в силу каких-то случайных обстоятельств. Таковы, например, житие мученицы Евдокии, книга аввы Дорофея, службы Богородице, святым Петру и Павлу, Варлааму Хутынскому и др. Исключение в данном отношении составляют житие князя Феодора Смоленского и Ярославского и сыновей его Давида и Константина и служба им. Ведь это святые ближайшего к Ростову города Ярославля, входившего в Ростовскую епархию. Поэтому, наверное, служба им и их житие были добавлены к двум «Ростовским патерикам». По той же причине к одному из указанных патериков в позднейшее время присоединили службу князю Роману, святому города Углича, входившего в Ростовскую епархию.

Эволюция состава рассматриваемых патериков отражает основные этапы формирования собора ростовских святых. Идея такого патерика, очевидно, возникла вскоре после образования первого собора ростовских святых в 1474 г. Поэтому в первоначальный вариант патерика вошли жития лишь трех официально признанных тогда ростовских подвижников — Исаии, Леонтия и Игнатия. Возможно, эта идея принадлежала ростовскому архиепископу Вассиану Рыло (1467–1481) или кому-то из его окружения. Надо полагать, одним из основных образцов для «Ростовского патерика» послужил «Киево-Печерский патерик», ведь в Ростове того времени последний был хорошо известен, о чем прямо свидетельствует житие св. Исаии, составленное в 1474 г. или вскоре после того. Важно подчеркнуть, что после упомянутого «Киево-Печерского патерика» «Ростовский патерик» стал первым на Руси подобным сборником. К концу XV в. в собор ростовских святых включили Исидора с Авраамием, и, соответственно, патерики пополнились их житиями, а также в некоторых случаях службами всем пяти названным подвижникам. Наконец, когда в середине XVI в. в собор вошли святитель Иаков и преподобный Петр царевич, патерики стали включать в себя посвященные им произведения.

Как видим, житие св. Иакова отсутствует в рассматриваемых патериках. Их составителям, которые явно стремились к полноте представления агиобиографий всех признанных ростовских святых, в случае с Иаковым приходилось довольствоваться лишь службой ему. Это еще раз свидетельствует о том, что житие Иакова так и не было составлено даже в период наивысшего признания его культа в середине — второй половине XVI в.

Рассматриваемые патерики свидетельствуют о существовании в конце XV–XVI в. устойчивого представления о ростовских святых как об особой общности и о почитании этой общности. Очевидно, в значительной степени потребностями практики такого почитания названные патерики и были порождены.

В. В. Мильков (Москва)

## ИДЕЙНОЕ СВОЕОБРАЗИЕ РЕЛИГИОЗНЫХ И НРАВСТВЕННЫХ ВОЗЗРЕНИЙ КИРИЛЛА ТУРОВСКОГО<sup>1</sup>

1. Кирилл Туровский был писателем высокого нравственного чувства, глубоким мыслителем и полемистом. Наиболее философичны и богаты содержанием «Притча о душе и теле», «Повесть о белоризце и о мнишестве», «Сказание о черноризцем чине». Для оценки мировоззрения писателя это произведения программные. В них воплощен высокодуховный синтез, в котором неразрывно сплавлены между собой доктринально-установочные, полемически-обличительные и нравственно-назидательные суждения автора. Они позволяют реконструировать идейно-религиозные предпочтения автора и соотнести их с насущными задачами религиозной жизни эпохи.

2. Для Туровского характерна апология монашества в наиболее суровых формах затворничества и молчальничества. Уход в монастырь рассматривался им как первый шаг на пути духовного самосовершенствования. Нравственный аскетический идеал Кирилл увязывал с заботой о душе и пренебрежением к благам земной жизни. Ему соответствовали установки должного поведения (слезы, пост, воздержание, чистая молитва, чистое житие, милостыни, смирение, воздыхание, покаяние, послушание, смирение, трудолюбие), отличавшиеся от нравственной программы «малых дел», пропагандировавшейся в XI–XII в. Пренебрегающий телесными потребностями инок уподоблялся ангелу, а условием развоплощения объявлялось нестяжательство и сосредоточенная устремленность к Богу, которая открывает для очищенного молитвами телесного сосуда горение света внутреннего. Апология освящающего плоть света предвосхищала исихастскую концепцию фаворского света, так же как идеалы уединения и молчальничества — практику последователей умной безмолвной молитвы. Развиваемый Кириллом метод символического аллегоризма находился в русле христианизированной неоплатонической манеры приближения к сокровенным смыслам через символические знаки посюстороннего. Аналогичные идейные особенности имела критика антропоморфизма (ср. «Ареопагитики»).

3. В «Притче о слепце и хромце» (ок. 1169–1171) рассматривается взаимоотношение духовного и телесного в человеке и параллельно оценивается взаимодействие высшей светской и духовной властей, соотносимых соответственно с плотским и духовным началами. Под именем Хромца выведен Андрей Боголюбский (действительно хромой), а Слепцу уподоблен самозванный владыка Федорец, слепота которого символически знаменовала духовную слепоту ересиарха. «Притча» — реакция Туровского епископа на ересь, связанную с введением автокефалии (ок. 1164). Кирилл связал отступления от правоверия с сомнением в божественности Христа, что подтверждается обвинениями Луки Хрисоверга<sup>2</sup> и летописными данными о возведении хулы на Богородицу<sup>3</sup>. За рассуждениями о плотской и духовной сущностях в природе человека кроются представления о взаимодействии церковных и светских властей. Действие властных механизмов соотносится с антропоморфной моделью, символизирующей деятельность институтов общества. Функции княжеского управления соотносились со сферой плоти, тогда как роль Церкви и духовенства сравнивалась с действиями души (ср.: «Послание о посте» Никифора). В такой аллегорической форме Кирилл призывал к взаимодействию Священства и Царства.

4. Отдельным сюжетом развивается тема Суда и воздаяния. Изгнание Хромца и Слепца аллегорически символизирует будущий Суд. Характерно, что Туровский епископ категорическим образом отрицает саму возможность наказания грешника при жизни. В «Повести о белоризце» подчеркивается,

---

<sup>1</sup> Работа выполнена при поддержке РГНФ (проект № 06-03-92463 а/л).

<sup>2</sup> РИБ. СПб., 1908. Т. 6. Стб. 74.

<sup>3</sup> ПСРЛ. Л., 1926 — 1928. Т. 1. Вып. 1—3. С. 356; ПСРЛ. М., 1965. Т. 30. С. 70.

что Христос к покаянию силой (т. е. угрозой кары) не влечет. Мыслитель считал, что до второго пришествия Христа душа не может быть ни осуждена, ни мучима, а следовательно, не принимал малую эсхатологию и распространенные представления о «Божием батоге», карающем грешников прижизненно. Летописный рассказ о суровой расправе над Федорцом отражает иную, нежели у Кирилла Туровского, точку зрения: настаивает на безжалостном суде над еретиком, постулирует необходимость его мучений, предвещающих конечную муку<sup>4</sup>. Кирилл полемизировал со сторонниками скорой и суровой расправы над Федорцом и выступил за строгое соблюдение канонических установлений как при осуждении ереси, так и в оценке действий высших церковных властей, нарушивших закон кровавой расправой над ересиархом. Как впоследствии нестяжатели, он не был сторонником физического устранения еретиков и делал ставку на убеждение и раскаяние заблудших, полагая, что более важное значение имеет спасение души. С позиций последовательного христианского человеколюбия он прибег к увещанию ересеотступников и их судей.

5. Особая тема аллегорических повествований Кирилла — это исследование механизма познания. Знания отождествлялись им с мудростью, которая приравнивалась к добродетели и ставилась в зависимость от сердца и ума. Мыслитель считал, что волевое начало души управляет помыслами. Аналогичную формулировку об устремлении волевого начала души в страстном желании Бога, совмещенную с призывом облечься добродетелью, выражал Никифор, который руководствовался христианизированной переработкой платонического учения о трехчастной душе<sup>5</sup>. Можно полагать, что Кирилл также исходил из представлений о взаимодействии разумного, яростного и желанного начал души, но привнес в трактовку их взаимодействия аскетическую интерпретацию.

6. Из-под пера Кирилла Туровского вышли сочинения, в которых традиционная система православных понятий облакалась в индивидуальную сюжетно-повествовательную форму, а многие трактовки религиозно-мировоззренческих проблем отличались от распространенных в ту эпоху. Кирилла Туровского можно назвать одним из наиболее ярких идеологов монашеской аскезы, последовательно развивавшим киево-печерскую аскетическую традицию. Базовые принципы воззрений мыслителя из Турова обоснованы образно-аллегорическими, а следовательно, рациональными средствами, которые выводили монашеско-аскетическую традицию на новую ступень, значительно повысив уровень ее философичности. Этизация суждений мыслителя дает основание считать Кирилла Туровского представителем деятельной (практической) философии.

---

<sup>4</sup> ПСРЛ. Т. 1. Стб. 356.

<sup>5</sup> Творения митрополита Никифора. М., 2006. С. 114, 115, 120.

*И. Е. Марголина (Киев)*

## КТИТОРСКАЯ КОМПОЗИЦИЯ XII В. КИЕВО-КИРИЛЛОВСКОЙ ЦЕРКВИ В КОНТЕКСТЕ ПРОБЛЕМЫ ОСНОВАНИЯ ХРАМА

В истории исследования киевской Кирилловской церкви-крепости — фамильной усыпальницы князей Ольговичей, основанной в XII в., одной из неразрешенных окончательно проблем остается проблема определения имени ее основателя.

Киевская летопись указывает на трех возможных ее основателей: Марию Казимировну, дочь польского короля Казимира II Справедливого, жену Всеволода Святославича Черного, Марию Мстиславовну, жену Всеволода Ольговича, и самого Всеволода Ольговича. Под 1179 г. летопись сообщает: «Того же лѣт престависѣ княгини Всеволожата, приемши на сѣ чернечкоюу скимоу. И положена бѣ въ Киевѣ оу стго Кюрила юже бѣ сама создала»<sup>1</sup>. Из этой записи следует, что покойная княгиня, жена князя Всеволода, основала церковь и монастырь святого Кирилла, где по смерти и была

---

<sup>1</sup> ПСРЛ. СПб., 1908. Т. II. Стб. 612.



похоронена. В той же летописи несколькими строками выше говорится: «Въ то же лѣтъ приведе Стославъ за Всеволода за середнего сна женоу из Ляховъ Казимѣрною во Филипово говѣнье»<sup>2</sup>. Эта информация как бы накладывалась на сведения об умершей в том же году супруге Всеволода. И именно это обстоятельство запутало исследователей, которые не смогли разобраться с двумя Всеволодами и двумя их женами, носившими вдобавок одно имя — Мария.

Е. Крыжановский отмечал, что Мария Казимировна приехала в Киев «в Филипов пост», т. е. в ноябре. Год тогда начинался с марта, до конца 1179 г. оставалось всего три месяца. За это короткое время невозможно было построить большую каменную церковь<sup>3</sup>. Кроме того, Мария Мстиславовна, погребенная в Кирилловском монастыре, умерла в августе 1179 г., когда дочь польского короля еще не приехала в Киев. Киевская летопись указывает на существование Кирилловского монастыря уже в 1167—1169 г., и через десять лет не было необходимости его практически заново «строить».

М. Максимович доказал, что в первом летописном отрывке речь действительно идет о Марии Казимировне, дочери польского короля. Вместе с тем второе упоминание рассказывает о другом лице — Марии Мстиславовне, жене князя Всеволода Ольговича, умершей также в 1179 г. и погребенной в церкви святого Кирилла, «юже бе сама создала»<sup>4</sup>.

Однако название «Всеволожий»<sup>5</sup>, предложенное летописцем, обозначает основателя монастыря. Если же предположить, что монастырь был основан и полностью построен Марией, то для киевлян и самого летописца он был бы «Мариин». Не меньше сомнений вызывает и создание княгиней Марией не просто церкви и монастыря, а церкви-крепости. Такое сооружение не отвечало образу княгини-вдовы, оно ей просто было не нужно. «Суровая» и «аскетичная» архитектура храма противоречит определению женщины как его основательницы. Сложно допустить, чтобы княгиня Мария стала расходовать свои вдовьи сбережения на строительство храма и монастыря, посвященного Кириллу Александрийскому, патрону ее мужа. Она скорее основала бы женский монастырь в честь своей патронессы — Св. Агафьи<sup>6</sup>.

Подсказку относительно роли Марии Мстиславовны в создании Кирилловской церкви предлагает сама церковь. Эту «подсказку» видел еще А. Прахов — один из первых исследователей живописи Кирилловской церкви, но почему-то не прокомментировал ее. В составленной им тетради с копиями кирилловских орнаментов есть карандашная пометка «Под Мар. Мст.»<sup>7</sup>. Этот орнамент написан в XIX в. на ребре южного опорного столба нартекса Кирилловской церкви в соответствии с эскизом Прахова. Ныне в верхней части этого столба из-под масляной живописи XIX в. открыт фрагмент фрески XII в. На этом фрагменте имитация архитектурного сооружения, на фоне которого видно погрудное изображение женщины, выглядывающей из-за занавеса. Именно это изображение Прахов определил как «Мар. Мст.», т. е. Мария Мстиславовна.

Обратимся еще к одному фресковому изображению в средней клети южного нефа, на южной стене. Здесь можно видеть фрагменты фресковой композиции XII в. В центре — фрагмент огромной фигуры, от которой сохранилось изображение головы с крещатым нимбом и распростертыми над кем-то руками. Крещатый нимб подсказывает, что здесь изображен Иисус Христос. Под Его распростертыми руками, по правую сторону, сохранился лишь фрагмент нимба и верхняя часть головы, по левую сторону — часть нимба, плечо и фрагмент руки, которая что-то подает Иисусу Христу. Логично допустить, что предстоящий протягивал Господу макет Кирилловской церкви. Именно так изображались ктиторийские композиции, которые традиционно размещались в южном «княжеском» нефе.

Расшифровка этого сюжета могла бы окончательно определить имя основателя Кирилловского храма, но плохая сохранность не дает возможности полного выяснения содержания всей сцены.

Сложно судить о том, кого благословляет Иисус Христос и кто подносит ему макет собора. Единственное, что можно утверждать, — во фреске выполнено изображение двух святых, имеющих отношение к построению храма. На кирилловской фреске перед Спасителем могли быть изображены патроны Всеволода Ольговича парные святые Кирилл и Афанасий.

<sup>2</sup> Там же.

<sup>3</sup> Крыжановский Е. М. Киево-Кирилловский упраздненный монастырь // Киевские Епархиальные Ведомости. 1863. № 22. С. 668.

<sup>4</sup> ПСРЛ. Т. II. Стб. 612; Максимович М. А. О создании киевской церкви св. Кирилла // Максимович М. А. Собр. соч. К., 1877. Т. II. С. 171.

<sup>5</sup> ПСРЛ. Т. II. Стб. 534.

<sup>6</sup> Зотов Р. В. О черниговских князьях по Любечкому синодику и в черниговских княжествах в татарское время. СПб., 1892. С. 262.



В этой композиции присутствует фрагмент, на удивление, оставшийся без внимания большинства исследователей памятника. При внимательном рассмотрении в правом углу композиции можно увидеть деталь, имитирующую архитектурное сооружение, внутри которого, как и на вышеупомянутом фрагменте фрески в нартексе, где была изображена Мария Мстиславовна, написана женская голова, также выглядывающая из-за занавеса. Перед нами два практически идентичных изображения «женщины за занавесом». Итак, в композиции, которую мы атрибутировали как ктиторскую, также присутствует Мария Мстиславовна. Однако ее роль — «женщины за занавесом» — полностью противоречит месту ктитора в подобных живописных сюжетах. Если бы княгиня была ктитором, то именно она должна была подавать макет церкви Христу, а не выглядывать из-за занавеса.

Чуть заметно выглядывающая из-за занавеса преклоненная женская голова скорее всего говорит о том, что Мария претендовала на относительно скромную второстепенную роль продолжательницы строительства, финансирующей завершение росписей. Вот почему на стенах храма появились два ее скромных портрета.

Под 1169 г. Киевская летопись уже называла обитель Всеволожею. Это сразу указывает на князя Всеволода Ольговича. Летописное упоминание с названием Кирилловского храма Всеволожим повествует о смерти Святослава, сына Всеволода: «положеъ быс(ть) в монастыри въ цркви стаг(о) Кирила юже бѣ создалъ щѣъ юго»<sup>8</sup>. Это упоминание однозначно привязывает основание Кирилловского монастыря к имени Всеволода Ольговича, т. е. подтверждает его ктиторство.

Нами собрано достаточно фактического материала, подтверждающего фундаторство Кирилловского храма киевским князем Всеволодом Ольговичем<sup>9</sup>. Учитывая тот факт, что ни до, ни после Всеволода Ольговича этого тезоименита не имел никто из известных в Киевской Руси князей, возникает необходимость проследить, какими путями культ Кирилла Александрийского проникает на Русь. Почитание культа Кирилла и его парного святого Афанасия связано с князем Всеволодом, а вернее, с его отцом Олегом Святославичем.

Известно, что князь Олег с 1078 г. четыре года провел как пленник в Византии на острове Родос. Игумен Даниил отметил, что на Родосе — два лета и две зимы — жил русский князь Олег<sup>10</sup>. Там Олег вступил в брак с представительницей знатного рода Феофанией Музалон, особо чтившей Кирилла Александрийского, культ которого был популярен на Родосе.

Если основателем Кирилловского храма, а соответственно, и заказчиком росписей был князь Всеволод, целиком уместным воспринимается его желание увековечить себя как ктитора через своих патронов.

Все это подтверждает нашу версию об основании, построении и выполнении росписей в памятнике в течение 1139–1146 г. — периода княжения Всеволода Ольговича, который был основателем храма и заказчиком росписей<sup>11</sup>.

<sup>8</sup> ПСРЛ. М., 1997. Т. I. Стб. 412.

<sup>9</sup> Марголіна І. Є. Кирилівська церква в історії середньовічного Києва. К., 2001. С. 33–145.

<sup>10</sup> Путешествие игумена Даниила по святой земле. СПб., 1864. С. 7.

<sup>11</sup> Марголіна І. Є. Кирилівська церква в історії середньовічного Києва.

Л. В. Мошкова (Москва)

## ПРОБЛЕМЫ ПАЛЕОГРАФИЧЕСКОГО И КОДИКОЛОГИЧЕСКОГО АНАЛИЗА ДРЕВНЕЙШЕЙ ПИСЦОВОЙ КНИГИ КОНЦА XV – НАЧАЛА XVI в.<sup>1</sup>

Древнейшей писцовой книгой в исследовательской литературе считается кодекс, содержащий описание новгородской Деревской пятины<sup>2</sup>. Однако при широчайшем использовании исследователями содержащихся в ней данных специального археографического изучения она не удостоилась<sup>3</sup>. Нельзя сказать, что

<sup>7</sup> Открытие фресок Киево-Кирилловской церкви XII века, исполненное в 1881 и 1882 г. А. В. Праховым. СПб., 1883.

<sup>1</sup> Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ (грант № 07-01-00287а).

<sup>2</sup> РГАДА. Ф. 137 (Боярские и городовые книги). Новгород. № 1. Ч. 1–2.



исследователей не интересовали данные вопросы: известны их заметки (в том числе на листах, вложенных в книгу), касающиеся утраты листов, определения их правильной последовательности и т. п.<sup>4</sup> Однако надо отметить следующую закономерность, которая явно прослеживается в отечественной историографии: публикация памятника препятствует его палеографическому и кодикологическому изучению.

Изучение книги началось с подробного описания ее современного состояния<sup>5</sup>. Особое внимание обращалось на архивную нумерацию листов, поскольку часть их в начале XX в. поменяла свое местоположение. Помимо этого отмечались пометы и записи исследователей на листах, вложенных в рукопись (в настоящее время приплетены в конце).

Кодикологический анализ писцовой книги, при котором за единицу измерения бралась тетрадь, включал определение: водяных знаков, схемы их чередования («формулы тетради»), утрат листов, нумерации тетрадей<sup>6</sup> и др. Основными вопросами, которые решались на данном этапе, были выделение «полных» и «неполных» тетрадей, рассмотрение причин неполноты (механические утраты, зависимость от объема текста и т. п.). Интересно отметить, что два писца оставили свои имена на первом листе первой переписанной ими тетради.

При палеографическом анализе выделялись почерки и определялось количество писцов, участвовавших в создании книги. Особое внимание обращалось на «устойчивость» почерка, цвет чернил, стабильность написания сокращений, используемые «знаки препинания», величину инициалов, наличие лигатур, вязь, смену ритма и плотности письма. Отдельно учитывались пометы и добавления к тексту.

Проделанная работа не являлась для автора, который рассматривает палеографию и кодикологию как вспомогательные исторические дисциплины, самоцелью. Задача исследования — постараться понять, как создавалась книга, выявить приемы компоновки текста, состав и происхождение включенных в книгу данных и др.

Писцовая книга Деревской пятины прекрасно оформлена: принципы расположения сведений и рубрикация призваны облегчить восприятие текста и поиск нужных сведений. Вязь и декоративное письмо, которые встречаются достаточно часто, явно сделаны с целью не только рубрицировать и украсить книгу, но и продемонстрировать свое умение (самопрезентация писца как каллиграфа)<sup>7</sup>. Можно утверждать, что полученные в результате изучения писцовой книги данные свидетельствуют о высокой делопроизводственной культуре конца XV — начала XVI в.

---

не подвергаются. Невнимание к вопросам источниковедения отмечают сами исследователи, занимающиеся историей российского земельного кадастра (см.: Каталог писцовых книг Русского государства. М., 2004. Вып. 2: Писцовые книги Новгородской земли. С. 4).

<sup>4</sup> См., например: Андрияшев А. М. О необходимости предварительного изучения текстов писцовых книг // Русский исторический журнал. 1917. Кн. 1. С. 103–110; Аграрная история Северо-Запада России XVI века. Новгородские пятины. Л., 1974. Т. II. С. 5–28.

<sup>5</sup> Книга пережила реставрацию, листы были подклеены и, вероятно, промыты и выпрямлены под прессом. Бумага, использованная для оклейки некоторых листов, пожелтела, что затрудняет чтение содержащегося на них текста. Возможно, именно в результате реставрации стала плохо видна разлиновка тетрадей.

<sup>6</sup> Первоначальная нумерация тетрадей, сделанная писцами на своих частях, в большинстве случаев срезана. Общая нумерация тетрадей, выполненная после того, как книга была сформирована, сохранилась значительно лучше.

<sup>7</sup> За этим хорошо видна личность писца, которая проступает намного ярче, чем в «рукописных книгах».

А. В. Назаренко (Москва)

## КИЕВСКИЙ МИТРОПОЛИТ ИОАНН I

1. В древнейших агиографических памятниках, посвященных свв. Борису и Глебу (и в Сказании чудес свв. Романа и Давида, и в Несторовом Чтении о свв. Борисе и Глебе), обретение мощей святых, а затем перенесение их в новую церковь и установление праздника их памяти приурочиваются ко времени Ярослава Мудрого и митрополита Иоанна. Пока в науке имела широкое хождение гипотеза А. А. Шахматова — М. Д. Приселкова, что учреждение митрополии в Киеве состоялось якобы только в конце 30-х годов XI в., в Иоанне видели охридского архиепископа, в юрисдикции которого, по М. Д. Приселкову, находилась молодая Русская церковь до того, как получила собственную митрополию. Коль скоро эта гипотеза в настоящее время оставлена и факт рождения Киевской митрополии в конце X в., практически одновременно с крещением Руси, не подлежит сомнению, упомянутые свидетельства приходится принимать как указания на существование киевского митрополита Иоанна, святительство которого приходится на время киевского княжения Ярослава Владимировича (1019–1054).

2. В таком случае естественно отождествить именно с этим митрополитом Иоанном автора древнейшей службы свв. Борису и Глебу, которую рукописная традиция единодушно приписывает «Иоану, митрополиту русьскому». Такая идентификация стала основанием для единственной пока попытки установить время святительства этого Иоанна, вошедшего в литературу в качестве Иоанна I. Исходя из предположений, что, во-первых, обретение мощей произошло вскоре после погребения Глеба (которое Чтение датирует примерно 1020 г.) и что, во-вторых, перенесение релiquий в новую церковь, сопровождавшееся установлением памяти 24 июля, должно было иметь место в тот год, когда 24 июля приходилось на воскресенье, А. А. Шахматов (1908) пришел к заключению о 1026 г. как дате канонизации; эту точку зрения принял и М. Д. Приселков (1913). Такая датировка выглядит неприемлемо ранней в силу целого ряда причин: массового появления имен Борис, Глеб, Роман, Давид в княжеском антропономастиконе только с 50-х годов XI в., молчания о новоявленных святых в Повхале Владимиру митрополита Илариона и др. Немудрено поэтому, что возник соблазн атрибутировать службу митрополиту Иоанну II (не позднее 1077/1078–1089), а как следствие, упозднить и саму канонизацию, связав ее с перенесением мощей 20 мая 1072 г. (Н. Н. Ильин (1957), А. Поппэ (1969, 1973, 1995) и др.). Попытка модифицировать традиционную точку зрения, максимально сдвигая обретение мощей и канонизацию при Ярославе к концу 30-х годов (в 1039 г. засвидетельствован уже митрополит Феопемпт), принадлежит Л. Мюллеру (1963, 1995). Однако и она не преодолевает всех трудностей, главнейшей из которых остается *argumentum ex silentio* Илариона.

3. Удивительным образом, резонно отвергая датировку А. А. Шахматова обретения мощей 1026 г., исследователи оставались при датировке святительства Иоанна I, словно забыв, что вторая является всего лишь следствием первой. Между тем, как нам уже приходилось указывать (2003), всякая нужда сомневаться в свидетельстве Сказания чудес и Несторова Чтения о канонизации свв. Бориса и Глеба при Ярославе отпадает в предположении, что митрополит Иоанн I был не предшественником, а преемником Феопемпта и занимал кафедру во второй половине 40-х годов XI в. (к такому выводу в последнее время пришла и Н. И. Милютенко (2006)). О том, что Иларион в 1051 г. сменил на кафедре именно того митрополита, при котором был построен первый храм в честь свв. Бориса и Глеба, прямо сообщает Сказание чудес, говоря о 20-летнем сроке, истекшем с момента этого построения к моменту закладки Изяславом Ярославичем той церкви, куда мощи свв. страстотерпцев были перенесены в мае 1072 г. (следуя Н. И. Милютенко, признаем неверным нашу интерпретацию этого хронологического указания в работе 2003 г., в которой мы предполагали, что речь идет о времени, истекшем со смерти Ярослава). Если церковь Изяслава была заложена ок. 1069/1070 г., после его вторичного вокняжения в Киеве (что могло быть вызвано стремлением Изяслава укрепить свой пошатнувшийся статус киевского сениора), то освящение Иоанном I церкви, построенной Ярославом, должно было состояться 24 мая 1050/1051 г. В таком случае не было бы ничего удивительного и в молчании Илариона о святых сыновьях Владимира, так как даже при датировке Иларионова Слова Н. Н. Розовым Пасхой 1049 г. (которая, впрочем,



является, по нашему суждению, слишком поздней) его создание оказывается предшествующим канонизации свв. Бориса и Глеба. Новая хронология святительства митрополита Иоанна I (после 1039–1050/1051) значительно лучше согласуется с иконографической датировкой печати «Иоанна, митрополита Руси» (№ 50 по корпусу В. Л. Янина) от середины XI в. (Э. С. Смирнова, А. Поппэ (1995)) и делает ее принадлежность Иоанну I наиболее вероятной, поскольку по сигиллографическим признакам она ближе к моливдовулам начала XI в., а не комниновской эпохи (V. Laurent (1963)).

Н. Н. Никитенко (Киев)

## КНЯЖЕСКИЙ ПОРТРЕТ В СОФИИ КИЕВСКОЙ В СВЕТЕ НОВЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ ФРЕСКИ

В центральном нефе Софии Киевской сохранились фрагменты большого светского портрета, представляющего торжественный церемониальный выход в храм семьи киевского князя. В древности композиция, имевшая П-образную форму, располагалась на трех стенах нефа: на центральной, западной стене, разобранной на рубеже XVII–XVIII в., были изображены князь с моделью церкви и княгиня; на боковых — северной и южной — шествующие за ними их дети. От центрального звена композиции сохранились фрагменты фигур князя и княгини на остатках западной стены, оформленной при перестройке в виде пилонов столбов. Лучше уцелели портреты княжичей и княжон: четыре фигуры на южной стене и две на северной.

Фреска широко известна как портрет семьи Ярослава Мудрого, хотя никаких данных для такой атрибуции не существует. По общему мнению, фреска представляет собой ктиторский портрет основателя Софии, на котором князь подносил ее модель Христу (фигура Христа определяется гипотетически). Следовательно, атрибуция фрески основывается на летописном свидетельстве об основании Софии Ярославом. В Новгородской летописи это событие датировано 1017 г., в Повести временных лет — 1037 г.

Но на фресковой росписи в соборе обнаружены две надписи-графити, которые содержат дату 1032 г., фиксирующую верхний возможный рубеж появления Софии, следовательно, и портрета. Достоверность столь ранней даты подтверждает недавно обнаруженная в Софии греческая надпись с датой 1038/1039 г. Между тем на фреске старшие дети князя изображены взрослыми, причем старшая дочь фигурирует в головном уборе замужней женщины. Старшему сыну Ярослава, Владимиру, в 1032 г. было 12 лет, а старшие дочери Елизавета и Анна родились около 1030 г. Стало быть, на фреске запечатлен портрет не семьи Ярослава.

Модель храма в руке князя не соответствует древнему облику Софии: князь держит не тринадцатикупольный, а пятикупольный храм, который в отличие от Софии не имеет лестничных башен и внешних одноярусных открытых галерей. Узнается архитектурный облик Десятинной церкви, реконструируемый исследователями по остаткам ее фундаментов.

Князь и княгиня отмечены царскими инсигниями, что перекликается с царским орнаментом Владимира на его монетах и царским титулом его жены Анны в письменных источниках, а также изображением ее в короне на миниатюрах Радзивилловской летописи. Портрет Анны на этой фреске идентичен ее изображению в северной башне собора, где, согласно моим исследованиям, представлен ее коронационный выход во время помолвки с Владимиром.

Вопреки существующей в науке традиционной трактовке княжеского портрета, эта фреска может пониматься в иной иконографической и смысловой интерпретации. Нужно отказаться от общепринятой схемы данной композиции: Христос, фланкируемый княжеской семьей. Невозможно видеть в центре фрески тронную фигуру Христа, поскольку Царь Небесный не мог изображаться под ногами царя земного — князя, находившегося во время служб на западных хорах, как раз над центром портрета. Судя по особенностям зафиксированного фреской обряда и его участников, можно полагать, что здесь изображена церемония освящения Софийского собора семьей Владимира Святославича. Иллюстрируя реальное историческое событие, фреска, которая введена в подкупольный христологический цикл и завершает его, символизирует главную идею росписи — торжество христианства на Руси. Это соответствует главной концепции храмового комплекса, которая, как и древнерусская литература, утверждает торжество русского христианства в русле мировой истории. Фактически это сцена крещения Руси, прославляющая главное событие ее истории высоким языком сакрального искусства.

Судя по миниатюрам Радзивиловской летописи и по фреске Софии, в те времена тема крещения осмысливалась не как сцена крещения киевлян в водах Днепра (это «приземленное» восприятие нового времени), но как крещение Владимира и его дружины («всей Руси») в купели, имеющей форму церковного евхаристического сосуда — потира. Еще более торжественно это событие трактовалось как освящение Десятинной церкви и особенно Софии Киевской. Причем фреска Софии имела программный характер, прославляя в веках равноапостольное деяние первой христианской четы Рюриковичей. В соответствии с традицией того времени, Русская земля персонифицирована в образе династии Рюриковичей, составлявшей «тело» этой земли, а ее «главой» был киевский князь.

Портрет служит важным источником для определения времени создания собора вторым десятилетием XI в., т. е. рубежом правления Владимира и Ярослава. Это позволяет предполагать в обоих князьях заказчиков храма: креститель Руси начал создание св. Софии, а его сын Ярослав завершил данное начинание. Подобная тенденция отличает «Слово о Законе и Благодати» очевидца возникновения храма митрополита Илариона, который утверждает, что в этом деле Ярослав завершил начинание Владимира, как Соломон — Давида в создании Иерусалимского храма. Не зря немецкий хронист Титмар Мерзебургский (ум. 1018 г.) упоминает Софийский собор в Киеве как действующую резиденцию митрополита под 1017/1018 г.

Нужно обратить внимание на модификацию Киевом византийского образца. Обе даты освящения Софии, сохранившиеся в источниках (4 ноября и 11 мая), фактически совпадают с датами заложения и освящения Константином Великим (прообразом Владимира) столицы Византии: церемония заложения (посвящения) состоялась в воскресенье 8 ноября 324 г. и связывалась с победой Константина над Лицинием, а также с номинацией Константина в ранг цезаря; 11 мая имело место освящение (инаугурация) города. Если принять предложенную мной датировку заложения собора (воскресенье, 4 ноября 1011 г.) и его освящения (воскресенье, 11 мая 1018 г.), можно усмотреть почти полное совпадение, с киевской «поправкой» на воскресный день, который в 1011 г. выпал на 4 ноября.

Примечательно, что храм Соломона, Константинополь, Десятинную церковь и Софию Киевскую строили по 7 лет, что вовсе не случайно. Издревле семерка воспринимается как благословенное Богом число, символ полноты, поэтому в христианстве это — число Богородицы, Церкви. Вот почему Киевская София с древности ассоциируется с Богородицею Орантой, ее заглавным образом.

М. П. Одесский (Москва)

## ПОЭТИКА РАННЕЙ РУССКОЙ ДРАМЫ (БАРОККО. РИТОРИКА. АВАНГАРД)

1. Объем понятия «барокко» имеет слишком неопределенные границы<sup>1</sup>. Симптоматично, что И. А. Чернов считал барокко доминантой русской культуры XVII—XVIII в. именно в силу переходного (не определимого?) характера этой культуры: «По сути дела, барокко появилось в России не столько как направление в литературе и искусстве, сколько как определенный культурный тип. Борьба зарождающихся литературных направлений (барокко, “невыявившегося” маньеризма и рококо, классицизма) обусловила сложную историко-культурную ситуацию переходного периода»<sup>2</sup>.

2. Писателей, которых в течение XX столетия было принято называть барочными (в том числе авторов ранней драмы), ранее — в эпоху романтизма — именовали романтиками. Например, А. С. Пушкин советовал П. А. Катенину (сентябрь 1825 г.): «Послушайся, милый, запишись да примись за романтическую трагедию в 18-ти действиях (как трагедии Софьи Алексеевны). Ты сделаешь переворот в нашей Словесности, а никто более тебя того не достоин»<sup>3</sup>.

<sup>1</sup> См., например, о барочности Ф. И. Тютчева: Пумпянский Л. В. Поэзия Ф. И. Тютчева // Пумпянский Л. В. Классическая традиция: Собр. трудов по истории русской литературы. М., 2000.

<sup>2</sup> Чернов И. А. Из лекций по теоретическому литературоведению. Тарту, 1976. С. 159.

<sup>3</sup> Пушкин А. С. Полн. собр. соч.: В 17 т. М.; Л., 1937–1959. Т. 13. С. 225

3. Закономерно — по аналогии — предположить, что разработка концепции барокко и ее популярность на рубеже XIX—XX в. были обусловлены формированием экспериментальной литературы и искусства, связаны, так сказать, с вчитыванием в прошлое авангардных устремлений современности<sup>4</sup>.

4. Как представляется, при анализе ранней русской драмы более продуктивно использовать не «барочную» парадигму, а концепцию Э. Р. Курциуса, который полагал, что на протяжении двадцати пяти веков («от Гомера до Гете») развитие европейской культуры определялось доминированием риторики, допускающей чередование фаз «аттицизма/азианизма» или «классики/маньеризма», но сомневался в эффективности специального термина «барокко» для обозначения революционного периода в искусстве<sup>5</sup>.

<sup>4</sup> См. подробнее: *Одесский М. П.* Поэтика русской драмы: Последняя треть XVII — первая треть XVIII в. М., 2004. С. 288—332.

<sup>5</sup> *Curlius E. R.* Europäische Literatur und lateinisches Mittelalter. Bern, 1954. S. 78, 235; ср. также в отечественной филологии теорию об архаическом, риторическом, индивидуалистическом этапах мировой поэтики: *Историческая поэтика: Литературные эпохи и типы художественного сознания.* М., 1994. С. 3—38.

С. В. Панова (Москва)

## ДИАТАКСИС ПАТРИАРХА ФИЛОФЕЯ КОККИНА В СЛАВЯНСКОЙ КНИЖНОЙ ТРАДИЦИИ. ВОПРОС О ПРОИСХОЖДЕНИИ ОСОБОЙ РУССКОЙ РЕДАКЦИИ

Во второй половине XIII в. в результате литургических реформ в византийской Православной Церкви происходит замена действовавших уставов: основным богослужебным уставом в Константинополе и на Афоне становится Иерусалимский Устав. В то же время формируется соответствующий комплекс богослужебных книг, а также появляется текст, устанавливающий последование литургии —  $\Delta\acute{\iota}\alpha\tau\alpha\acute{\xi}\iota\varsigma\ \tau\eta\varsigma\ \Theta\epsilon\acute{\iota}\alpha\varsigma\ \Lambda\epsilon\iota\tau\upsilon\rho\upsilon\gamma\acute{\iota}\alpha\varsigma$ . Создание этого текста приписывается константинопольскому патриарху Филофею Коккину. Изменения в византийской литургической традиции, связанные с переходом на Иерусалимский Устав, оказали влияние на славянскую богослужебную традицию. Новый Устав получает широкое распространение на Афоне, где появляются первые его славянские переводы и составляется соответствующий комплекс богослужебных книг, включающий Устав Литургии. Следовательно, одной из первых славянских редакций Устава Литургии, вероятно, следует считать именно Афонскую редакцию. Крупные переводческие и редакторские работы ведутся южными славянами в книжных центрах в Константинополе, на Афоне, а вслед за тем в Сербии и Болгарии. Болгарский патриарх Евфимий Тырновский проводит богослужебную реформу в Болгарской церкви, за которой следует книжная справа и в соответствии с новым уставом формируется новый комплекс богослужебных книг. К трудам самого патриарха (или его круга) относится особая, болгарская, редакция Устава Литургии патриарха Филофея, содержащаяся в так называемом Зографском свитке XIV в.<sup>1</sup>

Под влиянием нововведений в Византии и на Балканах первой половины XIV в. изменения происходят и в богослужебной традиции Русской Православной Церкви, где литургическая реформа осуществляется во второй половине XIV в. Особая русская редакция Диатаксиса патриарха Филофея обнаруживается в русских служебниках конца XIV — начала XV в.

Таким образом, на данный момент на основании разночтений в текстах выделяется три редакции Диатаксиса патриарха Филофея: Афонская, Евфимиевская и особая русская. Все редакции самостоятельны и имеют свои лингвистические особенности. Так, наиболее «гречизированной» является Евфимиевская редакция, в которой использовано большое количество греческих заимствований как на лексическом, так и на синтаксическом уровнях. Евфимиевскую и Афонскую редакции сближает наличие некоторых специфических южнославянских средств, в то время как русская редакция отличается выбором стандартных, иногда архаических, общецерковнославянских лексем и синтаксических конструкций. Русская редакция

<sup>1</sup> *Сырку П.* К истории исправления книг в Болгарии в XIV веке. Литургические труды патриарха Евфимия Тырновского. СПб., 1890. Т. I. Ч. 2.

в наименьшей степени ориентирована на греческий оригинал, для нее характерна прежде всего установка на передачу смысла. Наиболее распространенной в славянской рукописной традиции является Афонская редакция, известная в рукописях разных изводов: сербского, болгарского, русского. На Руси широко известны были только эта редакция и собственно русская редакция, содержащаяся в большом количестве русских рукописей. Редакция Евфимия Тырновского не получила такого широкого распространения в славянском мире: она представлена небольшим количеством рукописей.

Существуют различные точки зрения относительно авторства особой русской редакции Диатаксиса патриарха Филофея. Представители этих позиций приписывают инициативу литургических реформ или митрополиту Киприану, или святителю Алексию. Согласно одной из них, митрополит Киприан, получивший религиозное и книжное воспитание на Афоне и имевший связи в Константинополе, перенес реформы патриарха Филофея на русскую почву, создав и свой, русский, перевод Диатаксиса<sup>2</sup>. Основанием для такого утверждения считается приписка в так называемом Служебнике Киприана (ГИМ. Син. 601, XIV в.), содержащем данную редакцию, которая свидетельствует о создании текста митрополитом<sup>3</sup>.

Сторонники другой точки зрения считают, что начало реформ в Русской Церкви следует связывать с именем святителя Алексия, при участии которого в конце 60-х годов XIV в. была составлена первая русская редакция нового Иерусалимского Устава, а также Устав Литургии патриарха Филофея. При этом основанием для такой гипотезы служит наличие в обоих текстах некоторых добавлений и разъяснений, как считается, русского ктитора-составителя, а также характерной московской памяти — митрополита Петра, нового чудотворца<sup>4</sup>.

Как показало лингвистическое исследование русской редакции Диатаксиса (Р), переводческая техника этого текста отличается от установки текста ранней русской редакции Иерусалимского Устава (ИУ-р)<sup>5</sup>. Так, в текстах используются различные лексемы для передачи одного понятия (въходъ Р и выходъ ИУ-р, настояи Р и предстои ИУ-р, лавита Р и ложка ИУ-р), в тексте русского Диатаксиса отсутствуют яркие русизмы, в то время как в ИУ-р они есть<sup>6</sup>. Различия присутствуют в текстах и на синтаксическом уровне: в русском Диатаксисе зачастую используются калькированные с греческого синтаксические конструкции, в то время как в ИУ-р предпочтение отдается старым, стандартным синтаксическим средствам. Из морфологических особенностей наиболее яркой является использование формы двойственного числа глаголов в ИУ-р и полное ее отсутствие в русской редакции Диатаксиса. Итак, лингвистический анализ показывает, что лексико-грамматическая норма русской редакции Диатаксиса является более «новой» по сравнению с нормой ИУ-р, в котором представлена, вероятно, локальная, более архаичная норма.

Таким образом, представляется ошибочным приписывать создание таких текстов, как русская редакция Диатаксиса и ранняя русская редакция Иерусалимского Устава, одному переводческому кругу, поэтому вызывает сомнение гипотеза о составлении русского Диатаксиса святителем Алексием. С другой стороны, авторство митрополита Киприана еще предстоит доказать.

---

<sup>2</sup> Мансветов И. Д. Митрополит Киприан в его литургической деятельности. М., 1882; Красносельцев Н. Ф. Материалы для истории чинопоследования литургии святого Иоанна Златоустого. Казань, 1889.

<sup>3</sup> Ульянов О. Г. Была ли литургическая реформа при митрополите Алексии в Русской православной церкви? // Восточная Европа в древности и средневековье. М., 2005. С. 268–271.

<sup>4</sup> Пентковский А. М. Из истории литургических преобразований в Русской Церкви в третьей четверти XIV столетия (литургические труды святителя Алексия, митрополита Киевского и всея Руси) // Символ. 1993. № 29. С. 217–238.

<sup>5</sup> Панова С. И. «Диатаксис» патриарха Филофея Коккина в кругу родственных текстов (характеристика переводческих принципов и лексико-синтаксической нормы). Дипломная работа. М., 2005.

<sup>6</sup> Пентковская Т. В. Ранняя русская редакция Иерусалимского устава, ее лингвистический характер и место в славянской переводной традиции // ТОДРАЛ (в печати).

А. А. Пауткин (Москва)

## «СТОЛПЫ КРАСНИ НЕСКАЗАННИ»: О НЕКОТОРЫХ ОСОБЕННОСТЯХ ДРЕВНЕРУССКИХ АРХИТЕКТУРНЫХ ОПИСАНИЙ

Среди лаконичных архитектурных описаний, созданных древнерусскими книжниками, особое место занимают образы колонн, обелисков и статуй. Экзотические, преимущественно чужеземные объекты фиксировались путешественниками в разные эпохи. Так, в начале XVIII в. В. Г. Григорович-Барский создал даже графические изображения «столпов». Памятные знаки нашли свое отражение не только в хождениях, но и в историческом повествовании. Схожая структура описаний соотносима с кратким ранневизантийским экфрасисом (например, Евсевий Памфил). А наличие повторяющихся элементов свидетельствует о существовании многовековой изобразительной традиции.

Уже в ранних текстах заметен интерес к колоннам. Строгие вертикальные формы обелисков и несущих элементов храмовых построек (например, «Хождение игумена Даниила») поражали русичей. Среди царьградских объектов («столпове мнози по граду стоять») отмечены колонны Змеиная и Константина, а также вознесенная над городом статуя императора Юстиниана. В XVII в. Арсений Суханов восторгался колоннами Александрии, указав высоту одной из них в сажнях. Точные обмеры «столпов» редки. Преобладают приблизительные характеристики (столп велик — тяжек — толст). Одним из первых реальные параметры колонны зафиксировал галицкий летописец середины XIII в. (Холмская колонна).

Древнерусские авторы внимательны к свойствам диковинных природных материалов. Особое отношение к камню, знаменующему богатство и незыблемую мощь. Для выходцев из «деревянной» Руси актуальна оппозиция «дерево — камень» (см. «Хождение Трифона Коробейникова»). Используется даже сравнение мраморной колонны с «бревенцем». Необычность признаков («железо камени того не иметь») побуждает к раскрытию способов обработки материалов («тесань», «точень», «изваянь», «разведенъ», «резанъ», «от целого камени», «позлащень», «вылить из меди»), к передаче цвета. Окрашивающие эпитеты фиксируют основные цвета, цветовые контрасты («прочернь»-«пробель»), пестроту («аки дятлень»), особенно восхищавшую человека Средневековья.

Важный компонент описания — объяснение происхождения объекта, его путь к месту установки («ту стоять» — «...принесе»). Эта модель известна уже по «Повести временных лет» (сообщение о «медяных конях» в Киеве). Так прославляется само деяние правителя, воздвигнувшего памятный знак.

При характеристике произведений трехмерной пластики используется сравнение «аки живъ». Наивно-бытовая формула многозначна: замена таких отсутствующих понятий, как *статуя*, *изваяние*, *скульптура*; выражение авторского отношения, а также указание на жизнеподобие скульптуры. Эстетические качества изваяний передаются топосами: «чудень», «пречуден», «чудень красотою», «вельми красен». Превосходная степень в оценке — несказанность («умъ не может сказать», «выше слова и разума»). Лишь в XVII в. заметны попытки сказать о мастерстве скульптора («хорошего мастерства», «предивной работы», «славной работы»). Но и здесь автор глух к аллегорическому смыслу скульптурных композиций («еще на горе девять девок лежат, у каждой флейта в руках и органы великие»).

Выявлению описательной традиции, раскрытию диахронического восприятия архитектурного объекта способствует сопоставление редких письменных свидетельств об одних и тех же памятниках (например, колонна Константина в текстах XIV, XV и XVI в. или четыре античные статуи коней венецианского собора святого Марка в хождениях XV и XVII в.). Использование Афанасием Никитиным в описании статуи Шивы сравнения ее со скульптурой императора Юстиниана свидетельствует о широкой известности на Руси константинопольского памятника. Вместе с тем характер описания индийского изваяния позволяет видеть в нем обращение к литературному источнику XIV в. («Хождение Стефана Новгородца»), а не к личному опыту бывалого путешественника. Лучшие описания подчеркивают значение жестов в средневековой культуре. В текстах XVII в. предпринимаются попытки запечатлеть многофигурные композиции (например, памятник Фердинанду I в Ливорно).

Архитектурные описания по-особому «метонимичны», «да от сего маловиднаго изображеннаго пишемаго... и прочая большая... навъцати и разумети». Их авторы не были тонкими ценителями «столпов»

и «кумиров», уединенными созерцателями неведомых в допетровской Руси скульптурных надгробий. Они испытывали эмоциональное потрясение от увиденного, пытаясь согласовать впечатления со своим духовным и эстетическим опытом. Возможно, поэтому тверской книжник Фома, сравнивавший своего господина со Львом Премудрым, задавался вопросом: «И о чем бо столпы ставя? И некий же успехъ человекам, но токмо на видение».

Т. В. Пентковская (Москва)

## ВИДЕНИЕ МОНАХА КОЗЬМЫ В СОСТАВЕ СТИШНОГО ПРОЛОГА

Видение монаха Козьмы (ВНГ 2084, 2085) принадлежит к числу эсхатологических текстов константинопольского происхождения и тесно связано с константинопольской агиографической продукцией X в., характеризующейся наличием апокалиптических элементов (видений), к которой относятся также Житие Василия Нового (ВНГ 263) и Житие Андрея Юродивого (ВНГ 115).

В византийской традиции известно по крайней мере две версии этого текста — пространная и краткая. Пространная версия, находящаяся в девяти рукописях, опубликована К. Ангелиди<sup>1</sup>. Краткая версия входит в состав византийского синаксаря<sup>2</sup>. В отличие от пространной, она не содержит пролог, эпилог, в ней опущено название монастыря Козьмы. Однако и краткая, и пространная версии упоминают название другого императорского монастыря, τοῦ Τραϊανοῦ, расположенного неподалеку от монастыря св. Богородицы<sup>3</sup>.

В славянской традиции Видение монаха Козьмы представлено в составе Стишного пролога под 5 октября и соответствует краткой версии византийской традиции. Он находится в составе рукописей Тырновской, Варлаамовой и Московской редакций (РГБ. Ф. 304/1 (ТСЛ) № 717 первой половины XV в. Л. 354 об. — 358) Стишного пролога<sup>4</sup>. Тырновская и Московская редакции СП восходят к переводу, осуществленному к середине XIV в. в тырновской книжной школе<sup>5</sup>. Что касается Варлаамовой редакции, то она принадлежит к иному, сербскому переводу СП, который отличается от тырновского как по составу (в нем отсутствуют проложные жития тырновского цикла), так и по лингвистическим особенностям<sup>6</sup>. В этой редакции СП содержится иная версия ВК (по всей вероятности, другой перевод).

Перевод ВК, представленный в СП тырновской редакции, характеризуется следующими особенностями. Для передачи названия должности кувикулария (императорского постельничего) используется гапак лежаположьць — εἰς ὧν τῶν ἐκ τοῦ βασιλικοῦ κοιτῶνος. Этому греческому выражению в ЖВН соответствует грецизм кнтѡнтъ (из ὁ κοιτωίτης).

В греческом тексте Видения описывались небесные жилища праведников, устройство которых с большей степенью точности повторяло устройство византийских дворцов, в особенности императорского Большого дворца в Константинополе. Славянский переводчик ВК обнаруживает незнание реалий, допуская ошибки при переводе соответствующего пассажа. Выражение μικρὸς κοχλίας 'маленькая винтовая лестница' переводчик ошибочно передает как мала чаша, возможно, спутав ὁ κοχλίας 'винтовая лестница' и τὸ καυχίον 'чаша'. В славянской традиции известен грецизм колхнн (ὁ κοχλίας), зафиксированный в древнеболгарском переводе Хроники Иоанна Малалы<sup>7</sup>. В древнейшем переводе Хроники Георгия Амартола имеется еще один вариант перевода: οὐγρῆνοβραζνῆν въсходъ (κοχλιοειδί)<sup>8</sup>.

<sup>1</sup> Angelidi C. La version longue de la vision du moine Cosmas // *Analecta bollandiana. Revue critique d'hagiographie*. Т. 101. Bruxelles, 1983. P. 73–99.

<sup>2</sup> Delhaye H. *Synaxarium Ecclesiae Constantinopolitanae*. Bruxelles, 1902. col. 107–112; Angelidi C. La version longue de la vision du moine Cosmas // *Analecta bollandiana. Revue critique d'hagiographie*. Т. 101. Bruxelles, 1983. P. 74.

<sup>3</sup> Angelidi C. La version longue de la vision du moine Cosmas. P. 74.

<sup>4</sup> Петков Г. Стишний пролог в старата българска, сръбска и руска литература (XIV–XV век). Археография, текстология и издание на проложни стихове. Пловдив, 2000. С. 472.

<sup>5</sup> Там же С. 38, 46, 57.

<sup>6</sup> Там же С. 36–37, 47–56.

<sup>7</sup> Чернышова М. И. Греческие слова, способы их адаптации и функционирование в славянском переводе «Хроники» Иоанна Малалы // В. М. Истрин. Хроника Иоанна Малалы в славянском переводе. Репринтное издание материалов В. М. Истрина. Подготовка издания, вступительная статья и примечания М. И. Чернышовой. М., 1994. С. 441–442.

<sup>8</sup> Срезневский И. И. *Материалы для словаря древнерусского языка*. Репринтное издание. Т. I–III. М., 1989. С. 1142.; *Словарь русского языка XI–XVII вв.* Вып. 3: 69.

Ошибся переводчик ВК и в значении греческого ἡλιακὸν ‘илиак, терраса’ — пауче слнца снѣающн (ср. ἡλιακός ‘солнечный’). В древнейшем переводе Хроники Георгия Амартола ὁ ἡλιακός ‘портик’ передается русизмом сѣнн<sup>9</sup>. В древнерусском переводе ЖАЮ τὸ ἡλιακόν ‘терраса’ передается как отродъ: вндаше же ѿтънзын епнфанъ на ѿродъхъ стоа свѣнмъ къ възтокъ ложннцн его· стго ѿца дшю — ἐν τῷ ἡλιακῷ ἐστῶς<sup>10</sup>. В ЖВН словом отродъ переводится греческое ἡ τροπικὴ ‘портик’<sup>11</sup>.

В переводе ВК в составе СП двойственное число при согласовании (координации) глагола-сказуемого с подлежащим, обозначающим двух лиц, употребляется нерегулярно, даже если подлежащее выражено количественным словосочетанием с числительным два или оба: ТСЛ 717 ... ѿ него же н каженнка два прнннкше ... н рекоша внѣмъ нже съ мною старцемъ — ἐξ οὗ φωτοειδεῖς εὐνοῦχοι δύο προσκύψαντες λέγουσιν ἐκείνοις τοῖς γηραιοῖ τοῖς κρατοῦσί με<sup>12</sup>. Подобная ситуация обнаруживается в новых переводах и так называемых новых (правленных) редакциях текстов, появляющихся в XIV в., таких, например, как второй болгарский перевод Иерусалимского Типикона, оба перевода Диатаксиста, правленные редакции Литургии Преждеосвященных Даров, южнославянский перевод ЖАЮ<sup>13</sup>.

Другой перевод краткой версии ВК находится в составе Сводного патерика<sup>14</sup>. На независимость этой версии от проложной указывает отсутствие ошибочного перевода греческого ὁ κοχλίας; слову ἡλιακόν здесь соответствует прнтворъ. В грамматической системе данного перевода следует отметить регулярное употребление так называемого конгруэнтного дв.ч., а также частое использование формы архаического сигматического аориста рѣша.

Из двух имеющихся переводов ВК в русской традиции большее распространение получил вариант СП, судя по количеству поздних русских списков этой версии<sup>15</sup>, появившийся на Руси в конце XIV в. вместе с новым в славянской традиции типом текста.

<sup>9</sup> Пичхадзе А. А. О происхождении славянского перевода Хроники Георгия Амартола // Лингвистическое источниковедение и история русского языка. М., 2002. С. 239.

<sup>10</sup> Молдован А. М. Жизнь Андрея Юродивого в славянской письменности. М., 2000. С. 101–102.

<sup>11</sup> Пентковская Т. В. Жизнь Василия Нового в Древней Руси: проблемы оригинала и перевода // Вестник Московского университета. Серия 9 (филология). 2004. № 1. С. 89.

<sup>12</sup> Delchaye H. Synaxarium Ecclesiae Constantinopolitanae. Bruxelles, 1902. P. 111–112.

<sup>13</sup> Пентковская Т. В. Иерусалимский Устав в рукописи из коллекции П. Фекулы (Fekula-VI) // Вереница литер. К 60-летию В. М. Живова. М., 2006. С. 164–167.

<sup>14</sup> Николова С. Патеричните разкази в българската средновековна литература. София, 1980. С. 234–237.

<sup>15</sup> Георгиевский В. Г. Рукописная повесть о видении Кузьмы игумена. Владимир, 1898.

М. В. Печников (Москва)

## К ИЗУЧЕНИЮ ЦЕРКОВНОГО СОБОРА 1273 г.

1. Редкую возможность проникнуть в проблемы русского церковного общества XIII в. предоставляет такой известный памятник, как «Кюрилово правило», или правила собора, состоявшегося при митр. Киевском и всея Руси Кирилле II (1246/1247–1281). Старший список относится уже к концу XIII в. (Новгородская кормчая 1285–1291 г., ГИМ. Синод. № 132). Ни в заголовке, ни в основном тексте о месте и времени проведения собора ничего не сообщается. Исходя из того, что архиереи сошлись на поставление владимирского епископа, а также из летописной даты сообщения о хиротонии киево-печерского архимандрита Серапиона (6782 г.), исследователи традиционно датировали собор 1274 г., а местом его проведения считали Владимир на Клязьме. По мнению Я. Н. Шапова (1978 г.), на самом деле собор состоялся в 1273 г. и, скорее всего, в Киеве. Но, согласно московским летописям XV в., Кирилл привел с собой из Киева во Владимир не епископа, а архимандрита, хиротония которого, а следовательно, и заседания собора, скорее всего, состоялись именно во Владимире.

2. В соборных постановлениях отражена программа обновления церкви на канонических началах. «Правило Кюрила» начинается со статьи, занимающей примерно половину всего текста, — о взимании ставленнических пошлин, которые ограничиваются 7 гривнами (что имеет параллели в византийском императорском законодательстве). Пр. 1-е начинается с утверждения, что, по полученным митрополитом сведениям, «неции от братия наша дързнуша продати священны сан». Имя обвиняемого не называется, но должен иметься в виду епископ или епископы (поскольку речь идет о поставлении священников). Статьи 4–7 «Правил» 1273 г. прямо указывают на церковные «неустроения», имеющие место быть в Новгородской епархии; вполне вероятно, что новгородско-псковские обычаи могли иметь в виду и пр. 2-е и 3-е. Это дает основание для предположения, что обвиняемой стороной на соборе был новгородский архиеп. Далмат (1251–1273 г.), что предполагал еще П. П. Соколов (1913 г.).

Данные соборного определения не позволяют принять гипотезу А. И. Клибанова (1960 г.), поддержанную Б. А. Рыбаковым (1993 г.), что собор был созван «в обстановке подъема антицерковного движения», носившего предреформационный характер и выступавшего за «демократизацию церковной организации». Если жалоба на архиепископа и была подана представителями некоего новгородского движения, то его гипотетическая программа (строгое соблюдение канонов, запрещение ставленнических пошлин, ограничение епископских податей и пошлин с зависимого населения, поставление в священники достойных и проверенных людей, прекращение беспорядков при совершении богослужения и, наконец, искоренение языческих пережитков в народной среде) позволяет определить это движение не как антицерковное, а как ревнительское.

3. Практика избрания в Новгороде кандидатов в архиепископы на вече имела одним из своих последствий и контроль веча за деятельностью владыки, вплоть до лишения его кафедры (1211, 1220, 1228 г.). Восстание новгородцев против князя Дмитрия Александровича и посадника Павши, вспыхнувшее зимой 1272/1273 г., могло быть направлено и против их сторонника Далмата (в то время как митр. Кирилл поддерживал великих князей — Ярослава и Василия Ярославичей). Спровоцировать недовольство Далматом могли отмечаемые НПЛ условия, схожие с событиями 1228 г., когда был изгнан архиеп. Арсений (угроза голода). Но прощение Павши Василием Ярославичем знаменовало собой примирение двух враждующих новгородских партий, что, возможно, сказалось и на принятии оправдательного решения по делу Далмата на соборе во Владимире. Этим и объясняется отсутствие прямого указания стороны обвинения в соборных определениях при преобладании в них новгородского материала. Довольно показательным фактом представляется назначение умирающим Далматом по просьбе «мужей старейших» кандидатов в преемники на кафедре с последующим благословением избранного по жребию Климента. Такое случилось впервые в практике избрания новгородских владык (обычно три, а не две, как в данном случае, кандидатуры определяло вече с участием белого и черного духовенства). Эта новация может свидетельствовать о недоверии архиепископа к какой-то активной части местного церковного общества.

*Игумен Тихон (Полянский) (Клин)*

## ЭТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ В АНТИЛАТИНСКИХ ПРОИЗВЕДЕНИЯХ МИТРОПОЛИТА НИКИФОРА<sup>1</sup>

Антилатинская полемика Киевского митрополита Никифора (1104–1121) в историографии вызывала интерес преимущественно с точки зрения православной традиции дискуссии с католическим Западом, а также в области текстологии. Этическая компонента произведений Никифора и их влияние на становление древнерусской религиозной ментальности пока научно не исследованы.

Для характеристики мы используем «Послание Владимиру Мономаху о вере латинской» (далее — ПВМ) и «Послание Ярославу Святополчичу» (далее — ПЯС).

Согласно ПВМ, «вина» латинян сводится к нескольким типам нарушений Божественного закона: историческим, конфессионально-догматическим, обрядово-ритуальным. Исторической виной является

---

<sup>1</sup> Исследование выполнено при поддержке РФНФ (проект № 06-03-92463 а/Л).



завоевание правоверного древнего Рима немцами. Немецкая прелесть и латинство далее в ПВМ выступают как равнозначные понятия. Еще одна историческая вина заключается в том, что «советов других Церквей оставить творимое ими зло слушать не захотели».

Конфессиональные обвинения изображают латинство смесью различных ересей и иудаизма. Присутствуют и обвинения в язычестве. Конфессиональные характеристики католицизма у Никифора расширены дополнительными чертами, т. е. ПВМ было направлено также против иудаизма и язычества.

Обрядово-ритуальные обвинения в ПВМ подразделяются на обычаи «иудейские» (но не всегда являющиеся таковыми на самом деле) и на те, «каких не соблюдали даже иудеи». Как ни парадоксально, в компаративном плане в системе религиозных ценностей латиняне предстают едва ли не большими нарушителями Божественных уставов, чем иудеи. «Хуже иудейства» оцениваются: употребление в пищу удавленины и мяса нечистых и запрещенных животных, пострижение бороды и головы бритвой. Христианским у латинян признается только Евангелие, но и оно читается для их обличения.

Характеристика католичества в ПВМ избирательна и далека от полноты: Никифор не ставил целью детальный разбор католического богословия. Судя по обилию неприглядных примеров из церковных, семейных и даже пищевых обычаев западных христиан, ПВМ было призвано вызвать неприятие латинства на бытовом уровне. Апелляция к привычным на Руси православным порядкам усиливала дистанцию с западным христианством. Поэтому Никифор и настаивал на прочтении своего «Послания» Мономахом и его сыновьями «не раз и не два, а множество раз». Повторение усиливало эффект психологической дистанции и убежденности в девиантном поведении латинян.

ПЯС по сравнению с ПВМ звучит более жестко. В нем расширен список ересей, с которыми у латинства обнаруживаются общие черты. В сравнении с ПВМ в ПЯС добавлены следующие обвинения: Богородицу латиняне называют только Марией, крестившимся дают звериные имена (что скорее актуально для язычества). Крестятся пятью перстами, Великим постом не поют «Аллилуйя». Предписывают хвалить Бога только на трех языках: еврейском, греческом, римском. Умершего епископа не хоронят до восьми дней, совершают несколько литургий в день на одном престоле.

В итоге Никифор в ПЯС заключает, что «по этим обвинениям и по многим другим, мы отвергли их от Святой Церкви». На основании уставов св. Отцов латиняне заслуживают проклятия: «Не принимает их Святая Соборная Церковь в общее Причастие, но, словно загнивший неизлечимый член, отвергли и отсекали их от себя святые апостолы и отцы». Православным христианам нельзя ни есть, ни пить с латинянами, нельзя приветствовать их. Если же придется есть с ними, то следует поставить отдельные стол и посуду. Это требование обусловлено представлением о «нечистоте» и «скверне» латинян, которая может коснуться и православных.

К эпистолярной части ПЯС присоединен трактат об опресноках. Он содержит резкие эпитеты в адрес латинян: они «явно ослепли», «обличаются апостолом Павлом», «никто из разумных не станет есть облатки», «облатки едят — словно псы падаль», они «впадают в ересь проклятого Аполинария», в «армянскую ересь» и прочее.

Итак, этические нормы, изложенные митрополитом Никифором, являлись производным средневековой системы ценностей. В его творчестве присутствуют сословные дифференциации моральных правил: элементы военно-рыцарской этики для князей, особая этика духовенства, требование нравственных поступков от состоятельных людей (вероятно, купцов) в сфере ведения финансовых дел и универсальное предписание соблюдения христианской нравственности всем людям.

Вместе с тем Никифором предписываются такие нравственные нормы по отношению к язычникам и иноверцам, как ограничение общения с ними, обличение их заблуждений и противостояние вплоть до мести «врагам Божьим» с оружием в руках. Но этот тезис не диктует безнравственного отношения к чужакам. Тем же латинянам, в случае необходимости, можно поставять стол и трапезу. Скорее, внушался императив дистанцироваться от тех религиозных, моральных и бытовых норм иноземцев, которые расцениваются как нечистые и аморальные, запрещенные святыми уставами.

Названные этические аспекты в творчестве Никифора влияли на формирование христианской системы средневековой восточнославянской этики.

В. Г. Пуцко (Калуга)

## О ЛОКАЛЬНЫХ ТРАДИЦИЯХ РУССКОЙ СРЕДНЕВЕКОВОЙ ИКОНОПИСИ

Реальное существование местных художественных центров Руси в эпоху Средневековья не подлежит сомнению, и, следовательно, деятельность различных иконописных мастерских в этот длительный период признается как вполне реальное историческое явление. Однако исследователь, стремящийся локализовать происхождение конкретных произведений или определенных групп, почти неизбежно встретит существующие в специальной литературе противоречивые взгляды, порой опирающиеся на авторитетные мнения, высказанные много лет назад. Некоторые из них явно нуждаются в пересмотре или, по крайней мере, в более основательной аргументации. Все это столь же закономерно, как и регулирование хронологической шкалы датировок, возможное лишь при условии привлечения широкого историко-художественного контекста.

Мы все многим обязаны В. Н. Лазареву, четко сформулировавшему основные принципы изучения древнерусской иконописи, а также показавшему ее органическую связь с Византией. Предостережение ученого от переоценки византийских влияний, думается, актуально преимущественно относительно процесса фольклоризации, и «посредственные греческие мастера» если и задержали процесс развития сербского искусства, то при этом помогли сохранить его профессиональную основу. На Руси она порой оказывалась существенно утраченной (например, в последней трети XIII в.). Византийские импульсы питали русскую иконопись вплоть до XVI в. в плане обогащения иконографии и ознакомления с классицизирующими тенденциями, характерными для творчества элитарных константинопольских мастеров, приглашаемых московской аристократией.

От эпохи Киевской Руси сохранились очень немногие произведения, часть которых по своим формальным признакам соответствует византийским, что допускает возможность принадлежности их кисти греческих мастеров. Если местные иконописцы столь основательно усвоили их манеру, то почему так быстро она подверглась деформации, приблизившись к примитиву? Как известно, свободное отношение к образцам может давать диаметрально противоположные результаты, от усиления утонченности до предельной упрощенности, граничащей с шаржем. Именно к этой грани подводят недавно получившие известность иконы, выдаваемые за новые открытия. Соединение практически не сочетаемых элементов не позволяет ввести их в научный оборот как подлинные произведения XIII–XIV в.

Понятие локальных художественных школ на русском материале не лишено некоторых условностей. В. Н. Лазарев отмечал, что «новгородская, псковская и московская школа приобрели теперь настолько четкие очертания, что уже не представляет особого труда опознавать их произведения». Будущее отчасти развеяло эту иллюзию, показав, что надо различать место выполнения произведения и его исторического бытования, что не всегда одно и то же. И в Новгороде, где существовали свои вековые художественные традиции и постоянно действовали местные иконописные мастерские, могли работать пришлые (в том числе и иноземные) художники, равно как и оседать отдельные привезенные издали произведения. Одно из них — «Земная жизнь Христа», совершенно выпадающее из канвы не только новгородского, но и русского иконописания в целом. Эволюция новгородской иконописи второй половины XV в. обычно находит объяснение в усилении московских воздействий, но последние иногда, в свою очередь, становились проводниками византийских, через привлекаемых критских мастеров. В частности, их присутствие явно опознается среди художников иконостаса Успенского собора Кирилло-Белозерского монастыря. Наиболее устойчивыми оказались локальные традиции псковской иконописи, хотя и они не раз испытали различные воздействия (палеологовское, новгородское, московское). Это позволило радикально адаптировать усвоенное извне, вплоть до целых иконографических схем. Московская школа, может быть, является самой сложной по своему пути развития, «корректируемому» творчеством выдающихся мастеров, оставляющим как бы в тени наследие остальных иконописцев, причем далеко не ремесленного художественного уровня.

Не приобрели четкие контуры такие школы, как нижегородская и тверская, находившиеся как бы под перекрестными воздействиями более сильных и устойчивых локальных традиций, преимущественно новгородской, и позже — московской. То же постигло и продукцию мастерских Ростова, оказавшуюся не в

состоянии конкурировать со столичной. Порой восприятию локального наследия городов Северо-Восточной Руси явно препятствуют ошибочно относимые к нему московские произведения, обязанные богатым вкладчиком. Элитарные столичные иконы оседали и на Русском Севере, преимущественно в наиболее крупных монастырях, оказывая при этом воздействие на творчество местных иконописцев, усваивавших все, что было в их силах. Преимущественно — иконографию и в очень незначительной мере — стиль.

Понятие художественной школы явно невозможно применять к продукции большинства иконописных центров, значение которых не выходит за пределы локального, ограниченного небольшим регионом. Не всегда прослеживается их становление, но зато они сопоставимы с продукцией крупных центров, учитывающих большей частью византийский опыт. Распространение элитарных образцов даже в фольклоризованной форме тоже представляет несомненный интерес как органическая часть общего процесса.

М. Е. Родина (Владимир)

## НАХОДКИ АКТОВЫХ ПЕЧАТЕЙ КНЯЗЯ СВЯТОСЛАВА ВСЕВОЛОДОВИЧА ВО ВЛАДИМИРЕ

В 2004–2005 г. экспедиция Владимиро-Суздальского музея-заповедника проводила археологические исследования в «Мономаховом городе» древнего Владимира, на участке между Дмитриевским собором и Рождественским монастырем, предположительно на месте княжьего двора.

Там были обнаружены очень редкие для Владимира сфрагистические находки: свинцовая пластина с 3 парами оттисков княжеской печати и другой вариант буллы того же князя.

Уникальна свернутая свинцовая пластина с оттисками княжеской печати. Пластина имеет неправильную дугообразную форму, неровно обрезанные края, один конец округлый, другой обломан. Сквозных отверстий для шнура в пластине нет. На внутренней стороне три оттиска с изображением архистратига Гавриила, на внешней стороне — три изображения Дмитрия Солунского. Изображения и надписи зеркальные.

Архангел показан в полный рост, в лоратных одеждах с жемчужной обнизью, с нимбом, с жезлом в левой руке и со сферой — в правой. Слева и справа — плохо видимая колончатая зеркальная надпись: **Ю** и **ХІ**. Св. Дмитрий изображен в полный рост, с нимбом, в проработанных выпуклыми точками воинских доспехах, в длинном плаще. В левой руке он держит копье, а правой рукой опирается на большой миндалевидный щит с крестом. По сторонам колончатые зеркальные надписи:

В  
М  
А  
Н  
Ф

В  
А  
Т  
О  
С

Оттиски сделаны небрежно: находят друг на друга, повернуты в разные стороны. Печати (№ 198 по В. Л. Янину) с изображениями, тождественными нашим оттискам, неоднократно находили в Новгороде, на Рюриковом городище. Сейчас известно 18 таких печатей. Подобная пластина найдена впервые.

Редкой находкой является и свинцовая булла с изображениями архистратига Гавриила и Дмитрия Солунского. Один экземпляр печати найден в 2004 г., другой — в 2005 г.

На лицевой стороне показан архангел в полный рост, в лоратных одеждах, с жезлом в правой руке и сферой — в левой. По сторонам зеркальные колончатые надписи:

В  
А  
Т  
О  
С

В  
М  
А  
Н  
Ф

На оборотной стороне в полный рост изображен св. Дмитрий с нимбом, в длинном пластинчатом доспехе. В правой руке он держит копье, а левой рукой опирается на щит, украшенный накладками. По сторонам расположены зеркальные колончатые надписи:

В  
М  
А  
Н  
Ф

В  
А  
Т  
О  
С



Изображения выполнены очень тщательно. У архангела проработаны перья на крыльях и складки на одеждах. У св. Дмитрия хорошо видны фигурные пластины доспеха, накладки щита, пальцы на руках. В подробностях показаны черты его лица. Слева сверху — часть контурного ободка. Подобные печати (№ 196 по В. Л. Янину) не раз находили в Новгороде. Наша является восьмым экземпляром данной печати. Ее можно отнести к лучшим образцам древнерусской сфрагистики.

Печати с изображениями святых на обеих сторонах принято считать княжеской принадлежностью. На наших находках изображены архангел Гавриил и св. Дмитрий. Сочетание на печати тезоименитых святых позволяет предположить ее принадлежность князю, чье христианское имя Гавриил Дмитриевич или Дмитрий Гавриилович. В истории Суздальской Руси есть князь с таким именем. Это — Святослав (Гавриил) Всеволодович (Дмитриевич) — сын Всеволода III. Лаврентьевская летопись сообщает о его рождении под 1196 г.

Все аналогии нашим печатям происходят из Новгорода Великого. Известно, что там по большей части находили печати князей, сидевших на столе в этом городе. Святослав тоже дважды был новгородским князем. Впервые отец отправил его княжить в Новгород совсем ребенком в январе 1200 г. (Святославу было около четырех лет). Он оставался новгородским князем до марта 1205 г. Второй раз Святослав занимал новгородский стол с февраля 1208 по 1210 г. В общей сложности его новгородское княжение продолжалось семь лет.

Очевидно, в начале XIII в. и были сделаны для юного Святослава матрицы двух вариантов его княжеской печати. Оба варианта буллы, как свидетельствуют новгородские находки, он активно использовал, будучи князем в Новгороде. Вероятно, матрицы княжеской печати были заблаговременно изготовлены во Владимире, до отъезда в Новгород. Владимирский мастер не имел нужного опыта данной работы и ошибся: на одной матрице изображения и надписи получились зеркальными. На найденной нами свинцовой пластине мастер пробовал матрицу: смотрел, какие она дает отпечатки. Работа получилась с ошибками. Пластину с пробными оттисками неправильной матрицы выбросили. Саму же матрицу оставили и потом многократно использовали в Новгороде, что подтверждается 18 находками. Вторая матрица получилась удачнее: изображения правильные, а надписи остались оборотными. Эта матрица применялась для скрепления княжеских документов не только в Новгороде, но и во Владимире.

Сфрагистические находки в столице Владимиро-Суздальского княжества очень редки: на данный момент найдено всего 6 булл (две из них наши) и свинцовая пластина с оттисками печати.

*А. А. Романова (Санкт-Петербург)*

## «МИР С БОГОМ ЧЕЛОВЕКУ» ИННОКЕНТИЯ ГИЗЕЛЯ: НЕСКОЛЬКО ШТРИХОВ К ИСТОРИИ ИЗДАНИЯ

Тема правки печатных изданий представляет особый интерес для истории книжности XVII в. Правка была одной из причин раскола Русской Православной церкви, справщики были образованнейшими людьми, оставившими глубокий след в книжном и культурном наследии славянских народов. Нам известны имена многих российских и украинских справщиков, но, к сожалению, корректурные экземпляры подготавливавшихся ими изданий по большей части не сохранились.

Мое сообщение посвящено корректурному изданию «Мира с Богом человеку» (Киев, 7177 (1669)) — сочинения архимандрита Киево-Печерской лавры Иннокентия Гизеля (ум. 1683). Иннокентий Гизель, активный сторонник объединения России и Украины, сам бывал в Москве, состоял в переписке с царем Алексеем Михайловичем, и его «Мир с Богом человеку» вышел в свет с посвящением царю. Содержание «Мира с Богом» достаточно подробно рассматривается в исследовании В. Н. Перетца<sup>1</sup>, если же попытаться сформулировать основную идею книги, можно сказать, что она состоит в объяснении сути греха и покаяния, обязанностей кающегося и духовника. Экземпляры издания,

---

<sup>1</sup> Перетц В. Н. Исследования и материалы по истории старинной украинской литературы XVI—XVIII в. М.; Л., 1962. С. 183—205.

несмотря на некоторые содержащиеся в сочинении Иннокентия Гизеля мнения, не вполне отвечающие православному учению, были весьма распространены в России, что можно заметить хотя бы по количеству экземпляров, хранящихся ныне в государственных библиотеках. В одной только Библиотеке Академии наук хранится одиннадцать экземпляров издания, часть книг поступила с частными собраниями (например, А. С. Ширяева), часть — из библиотек монастырей, в числе которых Антониево-Сийский, Соловецкий, Тихвинский и некоторые другие, менее значительные обители. По состоянию экземпляров можно говорить о том, что книги не просто стояли на полках, а именно читались, но возможные результаты этого чтения — тема для отдельного исследования.

Особый же интерес представляет экземпляр «Мира с Богом» из собрания старопечатных книг Н. М. Михайловского, приобретенного БАН у И. Н. Михайловского в 1908 г. Перед нами, несомненно, корректурный экземпляр — обильная правка, внесенная на его страницы, была если не полностью, то в основном учтена в других экземплярах «Мира с Богом». Состояние экземпляра не слишком хорошее: первые и последние листы подклеены, имеются пробы пера, позволяющие говорить о том, что книга вряд ли находилась в библиотеке какого-либо учреждения, а вероятно, вскоре после того как правка была внесена, была отдана кому-то из справщиков.

Интересно в рассматриваемом экземпляре наличие смысловых исправлений, в том числе и в адресованном царю Алексею Михайловичу предисловии, значительная часть правки в издании, как это обычно и бывает, носит технический характер.

В целом правка может быть разделена на несколько видов:

1) дополнения к оформлению — постранично вписан текст колонтитулов, на поля внесены ссылки на источники — преимущественно на Священное писание (в печатном тексте корректурного экземпляра эти ссылки отсутствуют);

2) исключительно корректорская, формальная: указаны места для абзацев, исправлены переносы слов, изменена пунктуация;

3) корректорская правка, которая может быть и смысловой: исправление используемых сокращений (особенно это касается *Nomina Sacra*), преобразование строчных букв в прописные и т. п.;

4) стилистическая правка (замена слов на близкие по значению).

Издание «Мира с Богом» хотя бы формально адресовалось московскому читателю. Следует отметить, что эта адресация могла сыграть определенную роль в том, что издание получило немалое распространение в России. Что же считалось нужным внести в текст киевского издания для того, чтобы его благосклонно приняли в Москве? Прежде всего — правильное написание слов *царь* и *царский* (обязательно под титлом) и обращение к царю с большой буквы (*Твой*, *Твоего*). С обнаружением корректурного экземпляра возникает и ряд вопросов: когда и кто вносил правку в пробный экземпляр? К сожалению, почерки, которыми вносилась правка, в настоящее время отождествить не удастся. Несмотря на это, рассмотренный нами экземпляр позволяет расширить наши представления о влиянии украинской книжности на российскую культуру и в целом — о российско-украинских связях.

*Д. А. Рыбаков (Киев)*

## ВРЕМЕННОК ИВАНА ТИМОФЕЕВА КАК «ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЙ АРХИВ»: ХРОНОЛОГИЯ СОСТАВЛЕНИЯ

«Временник Ивана Тимофеева» (далее — *Временник*) не представляет целостного повествования, написанного или отредактированного с определенной авторской целью. Памятник содержит, по меньшей мере, **четыре** различных повествовательных комплекса, каждый из которых составлялся под влиянием особой повествовательной концепции, в разное время и в своем историческом контексте. И. И. Полосину принадлежит идея сравнения этого нагромождения авторских записок и очерков с неким «историческим архивом», составление которого растянулось на два десятилетия — 1598–1619 г., хотя основная часть

писалась с 1611 г. Все компоненты этого «архива» объединяет лишь авторство, по общепринятой, хотя и не бесспорной версии — дьяка Ивана Тимофеева. В 30-е годы XVI в., уже после смерти автора, составителями было буквально переписано содержимое протографа, текст сюжетно выстроен — Временник стал произведением. Еще позднее было составлено оглавление, однако текстуальное наполнение тимофеевского «архива» так и осталось оригинальным.

**Первые опыты** автора по написанию своего труда, который он сам называет *сложением, составлением, всесложением*, относятся к концу XVI в. Не позднее времени преставления Федора Ивановича датируется небольшой фрагмент *Самодержавная вправду ц(а)рствія* (л. 12–13 об.), где род Калитичей еще назван «непроходным» *доздь льтъ* (РГБ. Ф. 178. № 10692. Л. 13–13 об.).

**Второй этап** составления имел место уже в годы Смуты и осуществлялся под влиянием концепции всеобщей гражданской и моральной ответственности за попустительство тиранам, за «безумное молчание». Бесперспективность усилий умирить страну в условиях многочисленных самозванцев и интервенции определила крайне пессимистический настрой большинства отрывков Временника. Рискнем предположить, что отправной точкой к написанию тимофеевских «мемуаров» была смерть кн. Михаила Скопина, на которого автор, как и многие современники, возлагал надежду на преодоление смуты (Л. 252–252 об.). Верхняя же граница этого этапа обозначена избранием на престол первого Романова, что открывало новую перспективу на гражданское примирение и прекращение интервенции.

**Третий этап** написания очерков, легших в основу Временника, был связан с судьбой Новгорода. Творческим толчком «новгородяны» было не обращение к автору *святительного Исидора* (Л. 277 об.), как часто указывается в литературе, а некая «мысль облакоподобная», возбудившая в авторе чувство необходимости «Щгчасти написати б(о)ѡгнаказания днешняя, иже в нашей земли бывшая» (Л. 212 об. — 213). Иными словами, есть «временник», появившийся благодаря некоей навязчивой мысли, завладевшей автором под впечатлением новгородского разорения 1614–1616 г., и «временник», чье появление непосредственно связано с волей новгородского митрополита Исидора, обратившегося к автору не ранее начала 1617 г. — во время Столбовских переговоров. Идентифицировать полный объем сюжетов, написанных в последние пару месяцев оккупации, вряд ли возможно. Определенно к ним относятся фрагменты, текстуально связанные с эпизодом, где святитель Исидор фигурирует как позитивный герой, «печальник» о Новгороде и его жителях (Л. 186–186 об.), в противоположность «иному» Исидору, упрекаемому автором за *нерадение* (Л. 258 об. — 259).

**Четвертый этап.** Автор продолжал делать свои заметки и после возвращения Новгорода в царскую юрисдикцию. С марта по август 1617 г. Тимофеев был привлечен к переписи «всяких дел», что в Новгороде «после немец осталось»<sup>1</sup>. Не исключено, что по окончании работы дьяк не сразу окунулся в гуцу приказной волокиты — на государевой службе он фигурирует лишь с мая 1618 г. Если данная лакуна объективна, то в период между окончанием переписи дел в Новгороде и новым назначением в Астрахань Тимофеев мог вновь обратиться к историческому творчеству. Но даже в этот период вряд ли состоялось редактирование или упорядочивание **всего** текста, как полагала О. А. Державина. Хотя дьяк и сознает, что его труд представляет собой лишь некий историографический «полуфабрикат» и обещает соответствующе оформить свое *писательство* в ближайшем будущем: «аще живи будемъ и ѡбрящемъ возможны, начнемъ ѡ исправленіи предварших своихъ писаніи» (Л. 220), судя по всему, исполнить это обещанное автору было не суждено. Едва ли не единственным свидетельством более позднего авторского вмешательства в текст является упоминание о Ксении Годуновой (†1622), в котором нетрудно усмотреть коннотации заупокойного поминовения: «уже вѣчно сподоби... будущую честь купити» (Л. 164).

События на рубеже XVI–XVII в., на которые приходится пик историографической активности Ивана Тимофеева, были ознаменованы сменой сразу нескольких историографических «конъюнктур». Неудивительно, что Временник мог «устареть» еще при жизни автора. По нашим наблюдениям, до конца своих дней дьяк (†1631) так и не вернулся к редактированию, синхронизированию и упорядочиванию своих разноэпохальных исторических записок, оставив ближайшим потомкам в прямом смысле свой «историографический архив».

<sup>1</sup> Опись Новгорода 1617 г. С. 27, 153.

В. М. Рычка (Киев)

## ХРИСТИАНСКИЕ ЧЕРТЫ КНЯЗЯ ВЛАДИМИРА-КРЕСТИТЕЛЯ

Осмысливая место Киевской Руси в христианском мире, древнерусские книжники полагали, что она является отнюдь не новоявленным субъектом Священной истории, а издавна прибывает под особым Божиим руководством. С принятием христианства она очистилась от скверны и из нестраны стала как бы страной и одновременно членом христианского Commonwealth (по Д. Оболенскому). Эта трансформация достаточно явно отразилась, к примеру, в византийских описаниях так называемого «первого» крещения Руси (60-е г. IX в.). Так, в одном из посланий греческого патриарха Фотия Киевская Русь, которая доселе была «народом не известным», с принятием христианства этот народ «обрел свое имя»<sup>1</sup>. Сопоставимым в этом отношении является и сообщение «Повести временных лет» под 852 г.: «Въ лѣто 6360, индикта 15 день, наченшо Михаилу царствовати, нача ся прозывати Руска земля»<sup>2</sup>. Этой статьей, напомним, и открывается датированная хроника событий цитируемой летописи. В какой-то степени это подтверждает справедливость мнения тех исследователей, которые отождествляют понятие «Русь» с византийской церковной провинцией, усматривая в ней крестильное имя «новорожденного» северного народа<sup>3</sup>. Христианизация Киевской Руси обозначала, таким образом, ее легитимацию на международной арене.

Проявлением такого «новорождения» стала деятельность князя Владимира Святославича, который, по словам митрополита Иллариона, «заповѣдавъ по всеи земли крѣтитися... и въ едино время вся земля наша въ славе Христа с Отцемъ и съ Святымъ Духомъ. Тогда начатъ мракъ идольской от нас отходити и зорѣ благовѣрїа явишася, тогда тма бѣсслужанїа погыбе и слово евангельское землю нашу осїа»<sup>4</sup>. Владимиру без преувеличения принадлежала решающая роль в деле введения христианства, храмостроительства и собирания реликвий. В своем мистическом опыте на пути к святости князь был озарен светом Славы Божьей, «...отрясе прахъ невѣрїа и вълѣзе в святую купѣль и породися от Духа и воды; в Христе крестився, въ Христа облѣчеся и изиде от купѣли бѣлообразуюся сынъ бывъ нетлѣнїа, сынъ воскресенїа, имя приемъ вѣчно именованъ роды и роды — Василїи, им же написася въ книги животныа въ Вышнїи градѣ и Нетлѣннїи Иерусалимѣ»<sup>5</sup>. Историческую содержательность этой метафоры раскрывают следующие слова Книги пророка Исаии: «...будут именоваться святыми, все вписанные в книгу для житїа в Иерусалиме» (Ис. 4: 3).

Не случайно киевские книжники середины XI в. прямо или косвенно возводят Владимира в ранг тринадцатого апостола. Иаков Мних, например, в своей «Памяти и похвале» князю называет его апостолом «в князих»<sup>6</sup>. Характерным в этом отношении является также сообщение Киево-Печерского Патерика: «видехом светъ вѣры апостоломъ нашимъ, посланнымъ от Бога, княземъ Владимиромъ: самъ Бога познавъ святымъ крещениемъ и намъ того показавъ»<sup>7</sup>. Едва ли не наиболее основательно и последовательно эта тема разработана митрополитом Илларионом. Блестящий теолог и эрудит, киевский мыслитель акцентировал внимание на том, что «хвалить же похвальными гласы Римская страна Петра и Павла има же вѣроваша въ Исуса Христа Сына Божїа; Асїа і Ефесъ и Патмъ — Иоанна Богословца; Индіа — Фому; Египетъ — Марка. Вся страны и гради и людїе чтятъ и славятъ коегождо ихъ оучителя иже наоучиша я православней вѣрѣ. Похвалимъ же и мы по силѣ нашей малыи похвалами великиа и дивнаа сътворышааго нашего оучителя и наставника, великааго кагана наша земли Володимера» (С. 91). Илларион уподоблял его, по мнению исследователей, самому младшему среди апостолов — Павлу, который был особенно почитаем в кирилло-мефодиевской богословской традиции<sup>8</sup>. Справедливость такого предположения

<sup>1</sup> The homilies of Photius patriarch of Constantinople / English Translation, Introduction and Commentary by Cyril Mango. Cambridge (Mass). 1958. P. 86–110.

<sup>2</sup> Повесть временных лет / Под ред. и с предис. В. П. Адриановой-Перетц. М.; Л., 1950. Ч. 1. С. 17 (далее — ПВЛ).

<sup>3</sup> Jazco Jan. «Rus» — «imie chrzcielne» narodow wshodnioeuropejskich // Teologia i kultura duchowa Starej Rusi. Lublin, 1993. S. 84.

<sup>4</sup> Здесь и дальше текст «Слова о законе и благодати» митрополита Иллариона цитируется по изд.: Молдован А. М. «Слово о законе и благодати» Иллариона. К., 1984. С. 93.

<sup>5</sup> Там же. С. 92–93.

<sup>6</sup> Цит. по изд.: Зимин А. А. Память и похвала Иакова Мниха и житие князя Владимира по древнейшему списку // Краткие сообщения Института славяноведения АН СССР. 1963. Вып. 37. С. 68.

<sup>7</sup> Киево-Печерский патерик / Під ред. Абрамовича Д. І. К., 1930. С. 87.

<sup>8</sup> Сендерович С. Св. Владимир: к мифопоэзису // ТОДРЛ. 1996. Т. 49. С. 309–310.



подтверждается, на мой взгляд, также летописным сообщением, согласно которому «словѣньску языку (здесь народу. — В. Р.) учитель есть Павель, от него же языка и мы есмо Русь, тѣмъ же и нам Руси учитель есть Павель»<sup>9</sup>.

В византийской агиографии титул тринадцатого апостола впервые был употреблен в отношении к Константину Великому. В христианском сознании византийские василевсы выступали продолжателями миссии, возложенной на апостолов<sup>10</sup>. В эпоху македонской династии в Византии наблюдается возросший интерес к константиновской традиции, в частности, василевс изображается наследником первого христианского властителя, который был идеальным образцом для средневековых монархов. Попутно замечу, что шурин Владимира Святославича император Василий II на константинопольском соборе 869 г. был провозглашен «Новым Константином» с вручением ему флага и лабарума. Очевидно, поэтому и киевский князь уподобляется в произведениях древнерусских книжников равноапостольному императору Константину Великому. Это подобие задекларировано прежде всего митрополитом Илларионом, который, обосновывая претензии тогдашней киевской церковной и политической элиты на канонизацию Владимира, называет последнего «подобниче великаго Коньстантина — равнооумче, равнохристолюбче, равночестителю слоужителемь его» (С. 96). В летописном некрологе на смерть князя, помещенном в «Повести временных лет» под 1015 г., находим вот эти весьма красноречивые строки: «Се есть новыи Константинъ великого Рима, иже крестивъся сам и люди своя: тако и сътвори подобно ему»<sup>11</sup>. Стремление древнерусских книжников подчеркнуть связь раннего киевского христианства с апостольской эпохой было определяющим в идейной программе самоопределения Руси как христианского государства.

Традиционной для идеального христианского монарха добродетелью является также милосердие. Уважая евангельские заповеди и следуя примеру библейских царей Давида и Соломона, Владимир «повеле всякому нищему и убогому приходити на дворъ княжь и взимати всяку потребу, питье и яденье, и от скотъницъ кунами. Устрой же и се, рек яко “Немощнии и болнии не могут долести двора моего”, повеле пристроити кола, и въскладше хлѣбы, мяса, рыбы, оwoць разноличный, медъ въ бчелках, а въ другихъ квась, возити по городу, въпрашающим: “Кде болнии и нищъ, не могы ходити?” Тѣмъ раздаваху на потребу»<sup>12</sup>.

В памятниках древнерусской письменности Владимир изображается таким же великим строителем, как и Соломон (III Цар. 7: 1–11; III Цар. 9: 11–19). При жизни Владимира Святославича была возведена и освящена монументальная церковь Богородицы Десятиной. Однако ему, как свидетельствуют современники, принадлежал и замысел построения «Дома мудрости» — храма св. Софии. В «Слове о законе и благодати» митрополита Иллариона Ярослав Владимирович предстает только исполнителем задуманной его отцом идеи храма: «иже недоконьчаная твоя наконьча акы Соломонъ Давыдова, иже Дом Божїи великыи святии его Премудрости създа на святость и освященїе граду» (С. 97). Средневековые киевские книжники видели во Владимире духовного наследника ветхозаветных царей. Особенно близок им был образ библейского Давида. Четыре основные достоинства последнего: мудрость, сострадание, воздержание и благоговение — воплощены в христианских чертах киевского властителя. Все это должно было продемонстрировать миру первого христианского князя и дать мощный толчок к формированию представлений о Киевской Руси как богоизбранном и богохранимом царстве.

---

<sup>9</sup> ПВЛ. Ч. 1. С. 23.

<sup>10</sup> См.: *Dvornik F.* The Idea of Apostolicity in Byzantium and the Legend of Apostle Andrew. Massachusetts, 1958. P. 3–105; *Christou P.* The Missionary Activity of the Byzantine Emperor // *Byzantina*, 1971. Т. III. P. 277–286.

<sup>11</sup> ПВЛ. Ч. 1. С. 89.

<sup>12</sup> ПВЛ. Ч. 1. С. 86. Ср.: *Зимин А. А.* Память и похвала Иакова Мниха и житие князя Владимира по древнейшему списку. С. 68.



Н. В. Савельева (Санкт-Петербург)

АПОКРИФИЧЕСКАЯ СТАТЬЯ «О ВСЕЙ ТВАРИ»  
(ПРОБЛЕМА ПРОИСХОЖДЕНИЯ, ИСТОЧНИКИ И ПАРАЛЛЕЛИ)

Статья с названием «О всей твари» была опубликована Н. С. Тихонравовым по единственному известному ему списку 1531 г. из библиотеки Троице-Сергиевой лавры (ныне РГБ. Ф. 304.1. № 774). Несмотря на то что после публикации прошло достаточно много времени, статью можно отнести к числу наименее исследованных памятников. Не существует определенного мнения о времени и месте ее создания, не изучена ее рукописная традиция. В разное время высказывались предположения как о русском (А. В. Горский и К. И. Невоструев; Г. М. Прохоров), так и о болгарском (А. Милтенова) происхождении памятника. Впрочем, этот вопрос не был предметом специального исследования, ученые обращались прежде всего к космологическим и апокрифическим реалиям статьи и их параллелям в известных древнерусским книжникам памятниках космологической тематики (А. А. Савельев, В. В. Мильков).

Вместе с тем статья «О всей твари» имеет значительные отличия от большинства известных в древнерусской традиции сюжетных апокрифов. Ее композиционной основой служит повествование о миротворении, аналогичное множеству текстов, переводных и оригинальных, в которых рассказ Книги Бытия дополняется рядом деталей, взятых из апокрифических источников. Сложность и многогранность статье «О всей твари» придают несколько самостоятельных эпизодов, которые отделяются от основного повествования своего рода «швами» — ремарками составителя («Но остану много глаголати, о немже первое начах, се и скажемъ...» и т. д.) и которые определяют компилятивную природу памятника. Можно выделить 3 таких эпизода: 1) двухчастный космологический фрагмент, основанный на древнейших апокрифических мотивах; 2) дидактический пассаж о природе человеческого разума, слова и души в человеке; 3) полемический фрагмент с опровержением утверждения о тварном основании Земли. Изучение параллелей и источников этих самостоятельных эпизодов позволяет составить представление о происхождении статьи «О всей твари».

Обособленностью и завершенностью обладает двухчастный космологический фрагмент, рассказ которого об ангелах, снимающих венец с солнца, о гигантском куру, провозглашающем начало нового дня, о рае и аде, об алмазном столпе, к которому привязан Сатана, собственно, и придает статье «О всей твари» характер апокрифического памятника. По своему строению он представляет собой компиляцию, отдельные части которой противоречат сами себе и противоречат представлениям создателя статьи «О всей твари» о строении Вселенной, высказанным за рамками этого фрагмента. Подобное смешение различных взглядов на строение Вселенной может быть объяснено только разнообразием источников данного текста, среди которых прежде всего следует назвать «Прение Панагиота с Азимитом», а также эротапокритический памятник «Вопросы Антиоха Афанасию Александрийскому», к одному из вопросов которого восходят сведения о бесплотности ангелов.

Вторая часть космологического эпизода статьи «О всей твари» описывает землю за океаном, на которой находятся рай и ад. Ближайшей параллелью к этой части служит соответствующее место одного из вариантов «Беседы трех святителей», включающей в себя сюжет с аллегорическим толкованием Евангельского текста (Иоанн. 20: 6–7). Здесь мы находим великое море, на котором плавают земля, огненную реку и стоящий в океане железный столп, к которому привязан Сатана, несомненно родственный алмазному (алмазному) столпу статьи «О всей твари». В то же время образ алмазанта в сочетании с топомосом «непоколебимый столп» находит себе параллель и в канонической агиографической традиции, обозначая крепость и непоколебимость святого<sup>1</sup>. Истоки этого томоса восходят к библейской «алмазантовой ограде» из видения пророка Амоса (Амос. 7: 7–8), этот томос имел широкое распространение в византийской традиции, откуда попал в памятники славянской агиографии. Алмазантов столп, «ему же глава до небеси», в этой части космологического фрагмента, несомненно, представляет собой параллель куру, «ему же глава до небесе, а море до колъна». Это наиболее архаичные элементы мифологической картины статьи «О всей твари», параллельность и архаичность этих образов, восходящих к древнейшей апокрифической традиции и не имеющих прямых аналогов в других славянских памятниках, позволяет предположить, что весь двухчастный космологический фрагмент мог сложиться из разных источников как самостоятельный текст еще на византийской почве и в своем цельном виде попал в древнерусскую

<sup>1</sup> Руди Т. Р. «Яко столп непоколебим» (об одном агиографическом томосе) // ТОДРЛ. СПб., 2004. Т. 55. С. 220–222.

книжность, возможно, через южнославянские списки. Хотя греческих списков подобного текста не известно, в пользу этого предположения свидетельствует отдельный список текста, идентичного космологическому фрагменту статьи «О всей твари», который читается в составе «Беседы трех святителей» в боснийском, со следами западно-болгарского протографа, апокрифическом сборнике 3-й четверти XVI в. (НБ—Белград, № 53).

Важное значение для представления о времени и месте происхождения статьи «О всей твари» имеют два дидактических фрагмента, каждый из которых находит себе параллели в памятниках, бытовавших в древнерусской традиции. Первый из них посвящен вопросу о воплощении в человеке троичного Божественного существа: ум от Бога Отца, слово от Слова Сына Божия, душа от Святого Духа. Центральную роль в этой триаде играет вопрос о прообразовании души в человеке, он представляется по-разному в канонической и апокрифической традициях при толковании библейского текста (Быт. 2: 7). Автор статьи «О всей твари» придерживается здесь канонической традиции, причем ее выражение в статье дословно совпадает с соответствующим пассажем текста под названием «Слово святых отец, истолковано притчею, о узком пути, ведущем в жизнь вечную, и о широком пути, ведущем в муку вечную». Памятник представляет собой аллегорическое толкование Св. Писания, изложенное в традиционном сюжете о построении царских палат, символически изображающем человеческую жизнь от сотворения первого человека Адама до кончины и загробной жизни каждого человека. Текст известен в древнерусских списках начиная с XV в. и может рассматриваться как одна из параллелей компилятивной статьи «О всей твари».

Во втором дидактическом отступлении составитель статьи полемизирует со сторонниками представления о тварном основании Земли. В текст вводится эмоциональное обличение противников, смысл которого — в утверждении бесполезности знаний человеку, не имеющему веры. Это обличение скомпилировано из нескольких подобных пассажей, почти дословно повторяющих друг друга. Известно 5 памятников, в которых совпадающий с нашим текстом обличительный пассаж читается с той или иной степенью близости: «Слово о твари и о дни, рекомом неделя», «Предисловие покаянию», «Некоего христороубца поучение к духовным братам», «Слово Иоанна Златоуста о лживых учителях», «Слово святого Ефрема о книжном учении». Все они относятся к раннему периоду русской книжности и связаны между собой бытованием в двух, близких по составу, рукописных сборниках — Паисиевском (РНБ. К—Б. № 4/1081, кон. XIV в.) и Софийском (РНБ. Соф. № 1285, 1-я четв. XV в.), причем более близкие чтения во всем объеме находятся именно в Софийском сборнике, особенности которого позволяют предполагать для него очень ранний, домонгольский период, протограф. Составитель статьи «О всей твари» позаимствовал текст о книжной мудрости не из какого-то одного сочинения, но знал его по нескольким памятникам. Это позволяет сделать предположение о том, что в руках компилятора находилась рукопись, близкая по составу протографу Софийского и Паисиевского сборников, а возможно, непосредственно Софийская рукопись, хранящаяся ныне в Публичной библиотеке. Подтверждением тому служит еще ряд чтений статьи «О всей твари», которые дословно совпадают с чтениями из разных текстов именно Софийского сборника.

Таким образом, статья «О всей твари» — это русская компиляция середины XV в. (самый ранний список памятника датируется 80-ми годами XV в.). Статья органично вписывается в круг подобных памятников XV в., среди которых прежде всего следует назвать вошедшее в состав Златоуста «Слово от Шестодневца о небесных силах» и космологическую компиляцию «Слово Григория Богослова и Иоанна Златоуста о Святой Троице», соседствовавшую со статьей «О всей твари» в сборнике «Жемчужная матица». Текстологическое изучение известных на сегодняшний день 18 списков статьи свидетельствует о типичных для бытования компилятивных памятников особенностях ее рукописной традиции, в которой под пером редакторов статья приобретает вид либо апокрифического памятника, либо дидактического сочинения о Троице-Творце.

*О. С. Сапожникова (Санкт-Петербург)*

## РАБОТА МИТРОПОЛИТА ДАНИИЛА НАД БОГОСЛОВИЕМ ИОАННА ДАМАСКИНА

О принадлежности сборника из собрания Волоколамского монастыря (РГБ. Волоч. 135/490) к творческому наследию митрополита Даниила было известно уже с XVI в., о чем сообщается в монастырской описи 1573 г.: «Книга в честь Иоанна Дамаскина, в начале писмо Даниила митрополита...» (РГБ. Собр.



Горского. № 37. Л. 48). О том, что данная рукопись содержит автограф Даниила, говорит и запись на л. 1 об. этого сборника: «Книга святаго Иоанна Дамаскина, писмо Даниила митрополита, о ѿ ѿ-мн частех». Здесь названо только одно сочинение — Грамматика (или «ѿ ѿ-мн частех», приписываемая в русской традиции с XV в. Иоанну Дамаскину), тем не менее исследователи едины во мнении, что весь корпус сочинений этого сборника, связанных с именем этого византийского автора, был полностью переписан самим Даниилом.

Волоколамская рукопись достаточно часто привлекалась исследователями начиная с XIX в. Именно по этой рукописи К. Калайдович издал Грамматику Псевдо-Дамаскина, а также главу из конвоя к Богословию «Приклады о восстании» (Калайдович. 1824. С. 129—133, 137, 167—173). В последнее время волоколамский автограф Даниила особенно часто привлекает внимание ученых: исследователи обнаружили, что тексты переводных сочинений представляют собой русские редакции. Н. К. Гаврюшин определил, что текст Диалектики здесь распространен дополнениями, некоторых из них находят точное текстуальное соответствие в сочинениях митрополита Даниила (Гаврюшин. 1988. С. 358. Примеч. 5). Гаврюшин также определил, что еще одно сочинение, находящееся в сборнике, — «Определение философии Константина-Кирилла» — митрополит Даниил распространил дополнительными определениями философии (Гаврюшин. 1988. С. 359—360). Х. Трендафилов в своей диссертации показал, как именно митрополит Даниил отредактировал Пролог Иоанна экзарха к Богословию (Трендафилов. 1994. С. 154).

Существует устойчивое мнение, что митрополит, так смело взявшийся за тексты философского и филологического характера — Диалектику, Пролог Иоанна экзарха, Определение философии Константина-Кирилла и Грамматику, т. е. за большинство сочинений в «дамаскинской» подборке, все же не решился вмешаться в текст столь авторитетного богословского сочинения Иоанна Дамаскина, как «Точное изложение православной веры», или Богословие. Известно, что при редактировании текста Диалектики протографами для митрополита Даниила были два списка XV в. этого же сочинения: РГБ. Тр.-Серг. 176 и Тр.-Серг. 177. Сопоставление списков Богословия показало, что митрополит Даниил и при работе над Богословием использовал тексты троицких сборников 176 и 177 в качестве главных подстрочников своей работы, но при этом сверялся еще с несколькими списками этого сочинения, сопоставляя чтения и выбирая нужные лексические варианты, а иногда — предлагая свои собственные, т. е. митрополит выполнял стилистическую правку текста. Но самым интересным и неожиданным фактом, выявленным при изучении Волоколамского списка Богословия, является следующий: митрополит Даниил внес в богословское сочинение последнего из отцов церкви свои собственные дополнения. Эти дополнения носят различный характер, наиболее частотные среди них — свойственные Даниилу риторические приемы его учительных слов: цепочки однородных членов, повторы, риторические обращения, императивные формы. Но самое главное, тексты очень многих глав распространены достаточно объемными и смелыми дополнениями и рассуждениями. Приведем примеры разного вида редактирования Даниилом текста Богословия Иоанна Дамаскина:

1) Замена лексики: «беси» заменены на «нечистии души»; «усопшим» — на «преставльшаася», «причастник» на «святых», в том числе замена устаревшей лексики: «стрѣмь» заменено на «праведно».

2) Даниил реконструирует библейские цитаты, которые в тексте Иоанна Дамаскина приведены, например, не полностью и, соответственно, также не полностью переведены Иоанном экзархом, — Даниил стремится к точному воспроизведению цитаты, см.: *Всѣко бо дааніе благо и всѣ даръ съвъръшенъ, съвише ѿ схода ѿ отца свѣтѣ · нже с вѣрою бесомнѣніа просѣцимъ* (Иак. 1:17).

3) Расширение текста с целью стилистического украшения и введения дополнительных сведений. Название главы 20 у Иоанна Дамаскина (в переводе Иоанна экзарха) — «О водах», в списке Даниила (выделены дополнения, отсутствующие в греческом оригинале и славянских списках) она называется «ѿ вода, ѿ морех, ѿ рѣкъ, ѿ рѣкъ, ѿ рѣкъ, ѿ рѣкъ, ѿ рѣкъ». См. здесь же распространение текста главы: «...ѿ составнста раздѣчнѣа пучинѣа, и горы, и островѣа, и нѣстѣннѣа, и потоки, и бѣла, и рѣкъ, и езера, и прѣстаннѣа, и мѣстѣа и лѣкън раздѣчнѣа». См. аналогичный прием в главе «О Рай»: *Єдемъ бо пнѣа сѣа съказатѣ сѣа*. В списке Даниила: *Єдемъ бо насладѣетѣ и рѣтъ и пнѣа сказатѣ сѣа*.

4) Принципиальный тип вмешательства в текст митрополита — это изъятие фрагментов, которые были непонятны, связь которых с контекстом уже была утеряна из-за ошибок переписчиков предшествующих веков, а также сложности конструкций самого оригинала. Даниил исключает, например,

в главе 40 слова: *ѡдѡ ѡгнанѡ сѣ, немощи(н)н лѣтсѡ*, и вписывает аналогичную по смыслу замену: *недоуныѡ, болѣзненѡ, и всѡкѡи немощныѡ нсцѣленїе прїемлю*. В этой же главе митрополит Даниил, видимо, не имея возможности восстановить по имевшимся у него спискам смысл фрагмента, исключил рассуждение о подражании святым, при этом изменив и весь контекст.

5) Некоторые сюжеты исторического или апокрифического характера в тексте Богословия были существенно переработаны Даниилом. Так, например, в главе 41 об «иконах», где Иоанн Дамаскин пересказывает историю появления Нерукотворного Образа Спасителя — посланнику царя Эдессы Христос передает свое изображение на гиматии, перед этим приложив ткань к лицу, — в Волоколамском списке читается текст, насыщенный дополнительной информацией. Митрополит вводит в главу еще одну версию появления Нерукотворного Образа, а также упоминает сюжеты о рукотворных образах, известные в уставных чтениях (в редакциях Прологов, Минеи и, возможно, даже в переводе Максима Грека).

Тр.-Серг. 177	Волок. 135/490. Л. 110 об. — 111
<p>Л. 238 Носит же са н некая повесть тако же гь авгеревн. едесьскаго града црюющею. зографа пославшюу. гню подвентъ възпсавшюу. нквноу. не мвоушюу зографюу вбанстанїа радн анунгв свѣтѣтельства. сѡ рнзоу къ свѣтому лицу бжественнѣ приложнѣ. възвразвва рнзою свое възвразвванїе. Н тако посла тн любашн авгарю.</p>	<p>носн же въ православнѣи некая пове, ѡ авгарю, едескѡ града цртвующему. на одрѣ в недоузе многа лѣта слежашю. Н слышашюу ѡ хѣ тако мнѡ юдеса ѡ не бываю н болнѣи нсцѣленїе. н помыслн обраѡ его напсати н к нему приложити н тако зрѡвїе получити. Н посла заграфа своего. снрѣ нконописца. да напсавъ гнѣ обраѡ прннесѣ к нему. не могушюу заграфу анунѡ рѡ блнстанїа свѣлостн напсати образа ѣ. самъ гь възѣ плащаннцю къ своему лицу бжтвенному приложнѣ. Н тако на плащаннцн възвразн прѣтѣ свои обраѡ. едннѣ тою прнкосновенїе. Н посла ѣ къ авгарю црю. Он же приложн. ему здравъ бѣ. н сн вндѣвшѣ бжѣствнїн чнщн ѣ н аплн. ѡко самовнщн сущѣ. Напсаша прѣчнстѣн ѣ обраѡ. ѡко вндѣша. Н въ древнаа родѣи прѣдаша псати н покланатн н почитати. Н мнѡ н нечреченна възша юдеса н знаменїа н болнѣнїи нсцѣленїа ѡ прѣтаго обраѡ нерукотворена даже н допнѣ възваю с вѣрою несумненноу прнходашн к нему. Н кѡ внѣгѡ хоташѣ гь бгъ нашъ їс хъ прнїтн на стѣтѣ волнцю. Н по плотн члѣкцюю немощь показуѡ башѣ вндн възвашѣ молѡ н пѡвнзасѡ. внѣгѡ н потове ѣ тако каплн кровавѣа каплаху. ѡко еѣльское слово сїа назнаменаѣ таково ею чнщнкъ свои възѣ убрѣу малъ н капла потовъ втеръ н възвразн на чрѣсѣ бговннѡ възчленїа лица ѣ обраѡ н прѣдаде ѣ чнщнко свои. Стнн аплн повѣлѣша блженому аплу н еѣлстѣу лѣцѣ напсати на нконѣ прѣтѣн ѣ обраѡ н покланатн на нконѣ обоженому ѣ члѣству. н на нбса вѡнесцѣ. потѡ же стѣн лѣка еѣлн напсѡ обраѡ на нконѣ.</p>

Итак, получается, что митрополитом Даниилом не просто был изменен перевод Богословия, выполненный в IX в. Иоанном экзархом, а было отредактировано сочинение Иоанна Дамаскина: перевод был дополнен, приспособлен, возможно, для гомилетических целей и адаптирован. Митрополит Даниил выступает в данном случае соавтором Иоанна Дамаскина, так как текст, который читается теперь в его автографе, трудно назвать сочинением Иоанна Дамаскина. Его возможно назвать древнерусской версией «Точного изложения православной веры».

А. В. Севальнев

БЫЛ ЛИ ГЕРМАН ВОЯТА ЛЕТОПИСЦЕМ?  
(ИЗ НАБЛЮДЕНИЙ НАД СИНОДАЛЬНЫМ СПИСКОМ НОВГОРОДСКОЙ  
ПЕРВОЙ ЛЕТОПИСИ)

Исследователям летописания приходится сталкиваться с дефицитом имен авторов летописных произведений — летописная работа традиционно считается анонимной, а имена книжников, принимавших участие в составлении или переписывании летописей, за редким исключением, остаются неизвестными.

Среди безусловно установленных авторов летописных текстов можно назвать Василия, игумена Сильвестра, Тимофея пономаря, Иоанна попа, монаха Лаврентия. Имя Нестора не содержат наиболее древние списки летописей, тем не менее традиция определяет Нестора летописцем. Известны опыты атрибуции летописей гипотетическим авторам — игумену Никону, игумену Ивану, иноку Илариону, боярину Петру Бориславичу, но, по большому счету, все это не более чем оригинальные догадки.

Однако имеется редкий пример на первый взгляд строго научной гипотезы атрибуции летописного памятника. Так, анализ ряда известий Новгородской первой летописи дал основание Д. И. Прозоровскому отождествить упоминаемого в статье 1188 г. иерея Германа Вояту с автором записи от первого лица в статье 1144 г. Эта гипотеза была позднее поддержана и развита А. А. Шахматовым, безоговорочно принята исследователями и никогда не вызывала возражений. Между тем вопрос не кажется решенным безупречно.

Так, Д. С. Лихачев в развитие рассматриваемой гипотезы отметил, что летописную работу Германа Вояты отличал особый интерес к городским делам и происшествиям, в частности его занимал вопрос о поломках и починках моста через Волхов. Действительно, сообщения о постройке нового моста присутствуют и в статье 1144 г., и в статье 1188 г. Характер этих сообщений может указывать на принадлежность обеих записей одному и тому же лицу, иначе придется допускать, что одна и та же «тема» одинаково волновала разных летописцев. Учитывая же то, что в статье 1188 г. содержится также и известие о смерти Германа Вояты, атрибуция ему самому записи о постройке нового моста становится маловероятной. Скорее она принадлежит как раз автору записи о смерти Германа Вояты, а это, в свою очередь, уменьшает вероятность принадлежности Герману Вояте и записи о постройке нового моста в статье 1144 г. и соответственно записи от первого лица в этой статье.

Также известно, что летописи практически не содержат сведений о самих летописцах либо эти сведения очень скупы и не относятся к собственно летописной работе, летописцы ничего не сообщают об обстоятельствах жизни и смерти своих предшественников. Исключением является запись о смерти Сильвестра, но это запись о смерти епископа, она не выделяется из череды подобных упоминаний и никак не связана с его «летописным» прошлым. Напротив, запись о смерти рядового священника приходской церкви выглядит некоторой аномалией и должна быть чем-то обусловлена. Конечно, можно вслед за Прозоровским и Шахматовым допустить, что некий последователь летописца Германа Вояты испытывал к нему почтение как к предшественнику. Но не меньше оснований предполагать, что составитель первой части Синодального списка был рукоположен в священники одновременно с Германом Воятой, возможно, они были хорошо знакомы и даже представляли один и тот же «выпуск» духовной школы архиепископа Нифонта. Быть может, именно такого рода близость и определила желание анонимного составителя Синодального списка отметить смерть «коллеги».

Кроме того, несмотря на высказываемое в последнее время А. А. Гиппиусом мнение, что первая часть Синодального списка написана одним почерком, имеются палеографические основания не соглашаться с этим мнением и считать, что древнейшая часть написана все-таки двумя почерками (так, начиная со статьи 1200 г. наблюдается систематическое отличие в написании «земли» — вертикальный стержень буквы имеет в своей нижней части характерное утолщение). При этом то обстоятельство, что первый почерк Синодального списка обрывается в тексте статьи 1200 г., указывает на возможность написания части рукописи именно около этого времени, что, в свою очередь, дает основание допустить атрибуцию этой части Синодального списка тому писцу, который и сделал запись от первого лица в статье 1144 г. Тем более что запись от первого лица в статье 1144 г. и запись о смерти Германа Вояты в 1188 г. имеют уникальный характер и содержатся только в Синодальном списке, и, скорее всего, этих записей не было в общем протографе Новгородской первой летописи. Никаких следов этих записей ни в Комиссионном, ни, что еще более важно, в Академическом списках не имеется.

Итак, мог ли Герман Воята быть автором летописи — да, достаточно ли данных для такого предположения — нет. Сегодня нет возможности ни доказать, ни опровергнуть причастность Германа Вояты к ведению летописания. В таких условиях атрибуция Герману Вояте, личность которого в целом остается совершенно неизвестной, хотя бы части текста Новгородской первой летописи может решительно исказить представление об истории создания одного из важнейших памятников древнерусской письменности.

Ю. В. Селезнев (Воронеж)

### «И ЖАЛОВАСЯ АЛЕКСАНДР НА БРАТА СВОЕГО...»: К ВОПРОСУ О ВОКНЯЖЕНИИ АЛЕКСАНДРА НЕВСКОГО В 1252 г.\*

Летом 1252 г. великий князь владимирский Андрей Ярославич был смещен со своего престола волей хана Орды Батыея. Могущественный сарайский правитель для осуществления этой цели направил на Северо-Восточную Русь карательный отряд во главе с эмиром Неврюем. Место владимирского князя занял его старший брат Александр.

Поездку в Орду Александра и решение великого хана о смещении Андрея исследователи объясняют разными причинами<sup>1</sup>.

Н. М. Карамзин полагал, что Андрей Ярославич не смог справиться с обязанностями великого князя, чем вызвал гнев Батыея. Александр отправился в Орду с целью смягчить гнев великого хана<sup>2</sup>.

В советской историографии установилось мнение, что в начале 50-х годов XIII в. сложился антитатарский союз. Данное предположение было сформулировано А. Н. Насоновым. Исследователь указывает, что перед событиями 1252 г. Андрей Владимирский «сделал как будто попытку войти в соглашение с Даниилом Галицким, рассчитывая, очевидно, на военную помощь от папы»<sup>3</sup>. Данное суждение во многом определялось высказыванием К. Маркса, который в своих «Хронологических выписках» писал, что «Андрей пытался противиться монголам»<sup>4</sup>.

Наиболее концентрированно данное суждение оформлено в работе В. В. Каргалова «Внешнеполитические факторы развития феодальной Руси». Ученый отмечает, что решение центрального монгольского правительства о передаче Владимирского стола младшему Андрею «в обход его старшего брата послужило в дальнейшем источником» политических осложнений<sup>5</sup>. Кроме того, «в начале 50-х годов XIII в. на Руси сложилась довольно сильная антитатарская группировка, готовая оказать сопротивление завоевателям»<sup>6</sup>. По мнению В. В. Каргалова, поскольку «...Андрей Ярославич опирался на антитатарские силы, то Александр, естественно, мог отнять у него великокняжеский стол только при помощи Орды»<sup>7</sup>.

Во многом данные суждения основываются на сведениях В. Н. Татищева, которому следует С. М. Соловьев. В частности, в «Истории Российской» отмечается, что в 1252 г. «иде князь великий Александр Ярославич во Орду к хану Сартаку, Батыеву сыну, и прият его хан с честью. И жаловася Александр на брата своего великого князя Андрея, яко сольстив хана, взя великое княжение над ним, яко старейшим, и грады отческие ему поймал, и выходы и тамги хану платит не сполна. Хан же разгневался на Андрея и повеле Неврюю салтану итти на Андрея»<sup>8</sup>.

К сожалению, источники данного уникального сообщения В. Н. Татищева нам не известны. Большинство летописных упоминаний о событиях 1252 г. осторожно отмечают предварительную перед «Неврюевой ратью» поездку Александра в Орду и его возвращение оттуда с «честью великою»: он

\* Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ (грант 07-0156101 а/ц).

<sup>1</sup> Более подробно мнения исследователей см.: Соколов Р. А. Александр Невский: панорама новейших мнений // Клепинин Н. А. Святой благоверный и великий князь Александр Невский. СПб., 2004. С. 267–269.

<sup>2</sup> Карамзин Н. М. История государства Российского. М., 1993. Т. III, IV. С. 195.

<sup>3</sup> Насонов А. Н. Монголы и Русь // «Арабески» истории. Вып. 3–4. Русский разлив. М., 1994. Т. I. С. 97.

<sup>4</sup> Архив Маркса и Энгельса. М., 1946. Т. VIII. С. 145.

<sup>5</sup> Каргалов В. В. Внешнеполитические факторы развития феодальной Руси. М., 1967. С. 140.

<sup>6</sup> Там же. С. 142.

<sup>7</sup> Там же. С. 145.

<sup>8</sup> Татищев В. Н. История Российская. М., 1965. Т. V. С. 40; Соловьев С. М. История России. М., 1960. Т. III. С. 157.

получает «старейшинство во всей братии его»<sup>9</sup>. Причем данное обстоятельство летописец подчеркивает до описания похода татар на русские княжества. К примеру, Лаврентьевская летопись никак не связывает поездку князя Александра в Орду и «Неврюеву рать».

Данные обстоятельства позволили А. А. Горскому сделать аргументированный вывод о недостоверности известия В. Н. Татищева. Поход ордынского воеводы Неврюя не являлся результатом усилий Александра. Он был «запланированной акцией хана в рамках действий против не подчинившихся ему князей». Бату-хан, выйдя фактически победителем во внутривосточной борьбе в Монгольской империи, вызвал к себе братьев-Ярославичей для перераспределения княжеских столов<sup>10</sup>.

Надо полагать, что А. А. Горский верно подметил связь и последовательность событий. Братья Александр и Андрей в 1249 г. получили свои владения из рук центрального монгольского правительства в Каракоруме<sup>11</sup>. Тогда делами государства управляла вдова монгольского каана Гуюка Огул-Каймиш<sup>12</sup>, которая и выдала ярлыки на княжества. Однако в результате политической борьбы на престоле Монгольской империи оказывается Менгу, которого активно, в том числе военной силой, поддерживал глава Джучиева улуса Бату-хан. Официальная интронизация была осуществлена в месяц зу-ль-када 648 г. х., который соответствует 25.01–23.02. 1251 г.<sup>13</sup>

Для традиционной монгольской политической практики была характерна необходимость подтверждения существующих владительных прав при смене главы государства. Причем эти права должны были быть обеспечены личной явкой владельца в ставку правителя. И действительно, армянские источники фиксируют вызов в степь армянских правителей в связи со сменой главы Монгольской империи. В частности, Киракос Гандзакецци описывает данные обстоятельства следующими словами: «...когда воцарился Мангу-хан, великий военачальник Батый... послал [людей] к царю Хетуму с [приглашением] приехать повидать его и Мангу-хана»<sup>14</sup>. Смбат Спарпет относит начало поездки царя Хетума к 1253 г.<sup>15</sup>

Единственными русскими князьями, получившими инвеституру в Каракоруме, являлись на тот момент Александр и Андрей Ярославичи. Именно они обязаны были явиться в ставку правителя, который занимался делами «Русского улуса». С большой долей вероятности можно предполагать, что функции управления русскими землями были переданы Менгу-кааном своему надежному союзнику и завоевателю Руси Батюю.

Именно к нему в 1252 г. и отправляется Александр Невский. Вероятно, его поездка была напрямую связана с необходимостью подтверждения своих владительных прав, хотя источники этого не фиксируют. Бату-хан подтвердил ярлык 1249 г. «давшее ему старейшинство во всей братии его».

Андрей Ярославич не предстал перед ордынским тронem. Как отмечено в Лаврентьевской летописи, **здума с своими бояры бегати нежели цесарем служити**<sup>16</sup>. Именно после этого Батый, не дождавшись приезда Андрея, посылает на Русь военную экспедицию, результатом которой становится изгнание князя в «неведому землю». Александр же после этих событий получает ярлык и на Владимирское княжество, объединяя тем самым общерусский киевский стол с владимирским.

Таким образом, вокняжение Александра Ярославича во Владимире в 1252 г. было напрямую связано с монгольской политической традицией. Известие В. Н. Татищева о том, что Невский якобы «жаловася... на брата своего великого князя Андрея, яко сольстив хана, взя великое княжение над ним», на котором основываются мнения о захвате власти Александром в обход своего брата, необходимо признать домыслом автора. Андрей, решив не соблюдать правила монголо-татар, естественно, был смещен. Александр же, прибыв ко двору Батия при смене императора, наряду с тем, что подтвердил свой статус верховного правителя, стал и владимирским князем.

<sup>9</sup> ПСРЛ. М., 2001. Т. I. Стб. 473.

<sup>10</sup> Горский А. А. Два «неудобных» факта из биографии Александра Невского // Александр Невский и история России. Новгород, 1996. С. 71–72.

<sup>11</sup> См.: ПСРЛ. Т. I. Стб. 472.

<sup>12</sup> Рашид-ад-Дин. Сборник летописей. М.; Л., 1952. Т. II. С. 128.

<sup>13</sup> Там же. С. 132.

<sup>14</sup> Киракос Гандзакецци. История Армении. М., 1976. С. 222.

<sup>15</sup> Галстян А. Г. Армянские источники о монголах. Извлечения из рукописей XIII–XIV вв. М., 1962. С. 47.

<sup>16</sup> ПСРЛ. Т. I. Стб. 473.



Р. А. Симонов (Москва)

## МАГИЧЕСКОЕ ВРЕМЯ НА РУССКОЙ МИНИАТЮРЕ XVII в.

Недавно И. М. Грицевская обнаружила неизвестный ранее вариант аллегии времени в древнерусском лицевом синодическом рукописном сборнике конца XVII в. В верхней части миниатюры изображено магическое «Колесо Фортуны». В нижней символически представлено чередование (смена) в сутках дня и ночи в виде двух зверей, разделенных сужающимся кверху столбом, который служит основанием или опорой «Колеса». Рядом со зверями имеются надписи. Над левым зверем: «В нощи зверь чернь грызушь столпъ». Над правым: «Во дни зверь белъ грызушь столпъ».

И. М. Грицевская установила, что источником древнерусской миниатюры мог быть вариант западноевропейского изображения «Колеса». Он представлял собой круг с пятью фигурами, главной из которых была Фортуна: именно она двигала «Колесо». Остальные четыре фигуры находились на его ободе, цепляясь за него. На вершине «Колеса» царил коронованный юноша. Справа помещалась падающая фигура. Внизу находился поверженный человек. Слева карабкалась вверх по ободу «Колеса» четвертая фигура.

Древнерусский рисунок «Колеса Фортуны» (верхняя часть) как бы редактировал западноевропейский. Вместо пяти здесь имелись четыре фигуры, отсутствует — Фортуна. На ободе «Колеса» помещались, как и в западноевропейском случае, четыре человека: сверху — коронованный юноша; справа — падающий человек; внизу — поверженный человек; слева — устремленная вверх фигура. Сопоставление образцов «Колеса Фортуны» показывает, что в древнерусском случае исчезает само изображение Фортуны. Вместе с тем появляется отсутствующий в западноевропейской традиции временной — в виде столба и сменяющих день и ночь зверей — компонент, выступающий своего рода аналогом судьбоносной Фортуны и в силу этого, очевидно, обладающий некими магическими качествами.

Какую именно магическую традицию времени могла отражать рассматриваемая миниатюра? Примерно с X в. на Руси распространился пришедший из Византии отсчет часов, начинавшийся с рассвета (в системе юлианского календаря). Счет велся так называемыми косыми (переменными) часами, равными 1/12 отдельно светлого и отдельно темного времени суток. Хотя «косых» часов в сутках, как и сейчас, было 24, но по длительности дневные и ночные часы были разными.

Как сообщают летописи, в 1404 г. в Московском Кремле великим князем Василием Дмитриевичем был установлен башенный механизм (очевидно, с «косыми» часами), возможно, для использования определенного вида магии, восходящей к Древнему Вавилону; с Античности она известна под названием «хрономантии». Смысл часовой хрономантии заключается в наделении каждого часа суток магическими качествами «доброе», «среднее» и «злое». При этом для достижения успеха в любой деятельности требовалось начинать и осуществлять дела в «добрый» час, избегая «среднего» и исключая «злой».

Отдельные элементы указанной магической практики были известны. Недавно удалось соединить воедино сравнительно большой пласт источников (изложение методики для разных уровней восприятия, а также следы их использования в русской действительности), достаточно разносторонне характеризующих эту магическую традицию. Она существовала на Руси примерно полтора столетия. Стоглавый собор 1551 г. запретил ее, наряду с другими эзотерическими практиками. Затуханию русской версии часовой хрономантии также способствовал переход в стране на новую систему часового счета. Вместо часовых механизмов, предназначенных для счета «косыми» часами, стали использоваться устройства для часов по 60 мин.

Возможно, Фортуна на рассматриваемой миниатюре исчезла из-за того, что в России «Колесо Фортуны» не применялось как прогностическая методика, а замещение ее на миниатюре символами времени могло произойти в результате применения в стране часовой хрономантии. Однако миниатюра не содержит деталей счета времени именно часами.

Замена на миниатюре Фортуны «грызущими» временной столб зверями, символизирующими чередование дня и ночи в сутках, показывает, что магическим проявлением судьбоносности может выступать именно смена дня и ночи. Этот вывод обретает конкретность на основе часовой хрономантии. Дело в том, что древнегреческая хрономантия различала магических «управителей» дня и ночи. Качество магической «окрашенности» первого «косого» часа дня, отсчитываемого с восхода солнца, передавалось



всему дню. Например, «добрый» первый час дня «превращал» в «добрый» весь день. Соответственным образом влияла «окрашенность» первого «косого» часа ночи, отсчитываемого с заката солнца, на магическое качество всей ночи.

Аналогично древнегреческому правилу определялся «управитель» отдельно дня и ночи в славяно-русском варианте хрономантии, чему, например, служили особые таблицы в произведении «По сему часу разумети дневные и ночные». Поэтому на композиции рассматриваемой миниатюры могло сказаться влияние часовой хрономантии и без прямого упоминания часов, поскольку чередование в сутках дня и ночи обладало теми же магическими качествами, что и «окраска» часов.

*Е. Р. Сквайрс (Москва)*

### НОВЫЕ ДАННЫЕ О ЗАПАДНЫХ ИСТОЧНИКАХ ЛИТЕРАТУРНЫХ ПЕРЕВОДОВ ГЕННАДИЕВСКОГО КРУЖКА В НОВГОРОДЕ (ок. 1500 г.)

В Научной библиотеке Московского университета хранится средневековое издание-листочка, содержащее латинское стихотворное произведение, так называемое «Двоесловие Жизни и Смерти» (*Dyaloghus Vite et Mortis*). Внизу листа имеется колофон, в котором указано место создания — Магдебург — и имя типографа Бартоломеуса Готана: «*Impressum Magdeburch Per honorabilem virum Bar· Gho· (et)с. Bartholomeus Ghotan*». Год издания не указан. Готан стоит вместе с Лукасом Брандисом и Иоганном Снеллем в ряду первопечатников города Любека, является первым типографом Магдебурга, Финляндии, Швеции, и, по мнению историков, он первым — за 80 лет до «Апостола» Ивана Федорова — привез печатный станок на Русь (в Новгород Великий).

Вклад Готана в книгопечатное дело подробно освещен в каталогах и различных перечнях (Heitz 1905; Collijn 1914; Geldner 1968; Seidensticker 1991, 1993; Lohmeier 1992; Borchling/Claussen 1931—1936; Proctor 1960; *Gesamtkatalog der Wiegendrucke*, etc.), однако находящееся в Москве однолистное издание не значится ни в одном из каталогов или исследований. Хорошо известное нижненемецкое «Двоесловие Жизни и Смерти» (*Leven und Dod*), также однолистное издание Готана, вышло в Любеке в 1484 г.; о каких-либо других работах Готана на тему «Пляски смерти» до недавнего времени никаких сведений в литературе не было (Сквайрс 2003). Изучение шрифта, филигранны, бумаги, формулировки колофона позволило датировать издание началом 80-х годов XV в. (Squires 2005).

Единственным известным до сих пор, нижненемецким, «Двоесловием» Готан сделал огромный вклад в распространение этой темы в мировой литературе: известно, что этот нижненемецкий текст послужил оригиналом для древнерусского перевода, выполненного в Великом Новгороде в переводческом кружке архиепископа Геннадия, — «Двоесловия Живота и Смерти» (Lewandowski 1972). С обнаружением еще одного — латинского — издания Готана на эту же тему круг источников расширяется и встает целый ряд вопросов о связях трех «Двоесловий» — латинского и нижненемецкого изданий Готана и древнерусского рукописного перевода.

Рассмотрение литературных связей и лингвистических аспектов перевода должно исходить из сравнения с имеющимися рукописными списками древнерусского «Двоесловия» (Софийской и Волоколамской рукописей). При этом недостаточно ограничиваться лишь сопоставлением текстов, как это сделал Т. Левандовский, но необходимо учитывать различные формы передачи содержания, как словесные, так и изобразительные. Сравнение показало, что все три версии (латинская, нижненемецкая и древнерусская) отличаются друг от друга различным сочетанием этих способов. В текстуальном аспекте нижненемецкая версия ближе к древнерусскому переводу (чем латинская), однако ряд отклонений от оригинала в тексте и структуре перевода находит объяснение только в латинском издании, в том числе в содержании гравюры, которое новгородский переводчик передал вставным текстом.

Я. Г. Солодкин (Нижевартовск)

О СУДЬБЕ ПАТРИАРШЕГО ЭКЗЕМПЛЯРА «УТВЕРЖЕННОЙ ГРАМОТЫ»  
1598 г. (К КОММЕНТИРОВАНИЮ ОДНОГО ИЗВЕСТИЯ «ВРЕМЕННОКА»  
ИВАНА ТИМОФЕЕВА)

Согласно «излюбленной записи» о воцарении Бориса Годунова, одна из ее рукописей была помещена в государственной казне, другая — в патриаршей ризнице. Как сказано в Латухинской степенной книге, соответствующий фрагмент которой В. И. Корещкий возводил к Истории о разорении русском, «книгу приговорную за всех чинов руками» «первосвятитель» Московский Иов положил «во своем патриаршем дому в Казенном приказе»<sup>1</sup>. Иван Тимофеев же утверждал, будто «скрижаль веля на хартии с печатными все люди» была вложена по приказу царя Бориса «во златый ковчег ко освятованным мощем... во святых дивнаго чудотворца Петра раку». (Заметим, что в переводе О. А. Державиной неточно говорится о размещении «хартии» о возведении бывшего правителя на трон «в золотом ковчеге» в раке чудотворца Петра, «с запечатанного гроба» которого Годунов решил «снять печать»; во «Временнике» читаем «заклепанный оттвердити гроб» святого, упоминанию про «златоспание» которого в переводе не нашлось места. Вопреки мнению О. А. Державиной, «миролюбивая хартия» — не полная любви к миру, а отражающая любовь мира к новому самодержцу<sup>2</sup>.) Достоверность этого свидетельства «историка-мыслителя», как называл Тимофеева В. О. Ключевский, обычно не вызывает сомнений<sup>3</sup>. С точки зрения О. А. Державиной, в раке митрополита Петра по воле Бориса Федоровича очутился тот экземпляр «Утвержденной грамоты» (далее — УГ), который, если верить другим сообщениям, был положен в ризницу Успенского собора (о передаче одного списка «грамоты избирательной» в патриаршую ризницу, «в храм Успения» упоминал Н. М. Карамзин). С. П. Мордовина, убежденная в том, что при Лжедмитрии I оказавшуюся в раке святого рукопись уничтожили, писала о хранении принадлежавшей Иову УГ в ризнице и патриаршей казне. (В интересующем нас отрывке «Временника», созданном после смерти Бориса и, очевидно, низложения его сына<sup>4</sup>, однако, Тимофеев закликает, дабы вторично «не растлился» гроб святого Петра). На взгляд В. И. Корещкого, экземпляры соборной грамоты 1598 г. попали в Казенный приказ «первопастыря» и раку московского чудотворца. Как пишет А. П. Павлов, согласно ранним спискам УГ, ее передали и в казну или ризницу Иова. В работах Р. Г. Скрынникова упоминается о том, что патриаршая рукопись обширного документа, отражающего перипетии воцарения «Большова» Годунова<sup>5</sup>, находилась в ризнице (которая якобы располагалась в Успенском соборе) и казне главы русской церкви. По словам маститого историка, «из усердия Иов велел вскрыть гроб чудотворца Петра в Успенском соборе и вложил в него свой экземпляр»<sup>6</sup>. В представлении Л. Е. Морозовой официально «было объявлено» о том, что патриаршую рукопись УГ (скорее всего хранившуюся в ризнице «первопастыря») поместили в раку святого, считавшегося покровителем Москвы. Этот взгляд — очевидный домысел. Не вполне оправданной кажется и уверенность Л. Е. Морозовой в том, что в соответствии с приказом Лжедмитрия I оба подлинных экземпляра соборной грамоты, «уложенной» в 1598 г., были уничтожены<sup>7</sup>; они могли исчезнуть позднее, в пожарах 1611 и 1626 г.

<sup>1</sup> Корещкий В. И. Временник Ивана Тимофеева. М., 1986. С. 130, 162, 173. Ср.: С. 133.

<sup>2</sup> Временник Ивана Тимофеева. М.; Л., 1951. С. 74, 243. Ср.: С. 67, 69, 101, 235, 237, 273.

<sup>3</sup> См., например: История русской литературы. М.; Л., 1948. Т. II. Ч. 2. С. 55, 56; Державина О. А. Дьяк Иван Тимофеев и его «Временник» // Временник Ивана Тимофеева. С. 384—385; Мордовина С. П. К истории Утвержденной грамоты 1598 г. // Археограф. ежегодник за 1968 год. М., 1970. С. 128; Скрынников Р. Г. Россия накануне «смутного времени». М., 1981. С. 122; Морозова Л. Е. Борис Федорович Годунов // Вопросы истории. 1998. № 1. С. 74; Коротченко М. А. Влияние произведений Иосифа Волоцкого на исторические повести о Смутном времени // Герменевтика древнерусской литературы. М., 2000. Сб. 10. С. 419. Ср.: Ключевский В. О. Соч.: В IX т. М., 1989. Т. VII. С. 169; Временник Ивана Тимофеева. С. 485. Комм. 184; Дробленкова Н. Ф. «Грамота Утвержденная» 1598 г. // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Л., 1988. Вып. 2. Ч. 1. С. 168. Мнение Л. Е. Морозовой, будто УГ положили «в гробницу митрополита Петра для освящения», — явный домысел.

<sup>4</sup> По словам Тимофеева, «рабоименный» Борис «солга же ся всяко о своем уповании» «благостоятелну и вечно пребьити».

<sup>5</sup> Так называется Борис Федорович в Книге записной — первой редакции Сибирского летописного свода (ПСРЛ. М., 1987. Т. 36. С. 140).

<sup>6</sup> Скрынников Р. Г. Борис Годунов. М., 1983. С. 128; Скрынников Р. Г. Россия накануне «смутного времени». С. 122. В патриаршей казне экземпляр УГ хранился еще в 1677 г. См.: Володихин Д. М. Книжность и просвещение в Московском государстве XVII в. М., 1993. С. 171.

<sup>7</sup> Морозова Л. Е. Два царя: Федор и Борис. М., 2001. С. 250.



Известно, что Тимофеев участвовал в избрании Бориса на трон, будучи дьяком Пушкарского приказа. Далекий от двора самого «святейшего верха», которого считал «ласкателем» «злоковарного» «мирообладателя»<sup>8</sup>, автор нередко принимавшегося за мемуары «Временника» про распоряжение Годунова «оттвердити гроб» «великого светильника», чтобы поместить там «хартию», скорее всего писал понасыльшке (сведений такого рода в «сложении» Тимофеева немало). Кстати, в начале царствования Бориса Федоровича, 12 февраля 1600 г., мощи святого Алексея были переложены в новую раку<sup>9</sup>. Этим, казалось бы, благоприятным моментом для того, дабы поместить в «гроб» святого УГ, власти не воспользовались.

<sup>8</sup> Временник Ивана Тимофеева. С. 53, 58, 60, 62, 67–69.

<sup>9</sup> См.: Снегирев И. Памятники московской древности. М., 1842–1845. С. 137. Примеч. 2; Леонид (Кавелин) Систематическое описание славяно-российских рукописей собрания Графа А. С. Уварова. М., 1894. Ч. 4. С. 326, и др. Ср.: ПСРЛ. М., 1978. Т. 34. С. 199.

П. С. Стефанович (Москва)

## «ДРУЖИНА» В ДРЕВНЕЙШЕМ РУССКОМ ЛЕТОПИСАНИИ

Согласно общепринятым сегодня воззрениям дружина в Киевской Руси представляла собой организацию (прежде всего военную) служащей князю знати. В представлении А. А. Горского и М. Б. Свердлова это — довольно многочисленная и сложная структура (или институт)<sup>1</sup>. Вместе с тем как эти авторы, так и многие другие подчеркивают архаическое происхождение древнерусской дружины — от относительно небольших и неструктурированных военных объединений под началом племенных вождей. Для большинства авторов эта преемственность имеет концептуальное значение. Так, А. Е. Пресняков считал древнерусскую дружину важнейшим элементом системы княжого права, а это последнее возводил именно к архаической дружине, которую определял как «частноправовой, личный союз, построенный на общности очага и хлеба господина со слугами, союз, выделяющийся из общего уклада народной общины в особое, самодовлеющее целое»<sup>2</sup>. М. Б. Свердлов иначе видит суть этого союза (вместо домашней общности говорит о «дружбе-службе верных»), но также ставит его во главу угла своей концепции феодализма на Руси и возводит его к седой древности.

Однако древнерусские источники не дают прямого подтверждения такой преемственности и ставят исследователей, отстаивающих эти общие взгляды, перед рядом проблем. Одна из проблем имеет терминологическое измерение, и ее можно сформулировать так: старославянское и древнерусское слово «дружина» имело очень широкое значение «спутники, товарищи» и могло употребляться в самых разных контекстах, и не ясно, обозначало ли оно какой-то специфический союз и как получилось, что оно стало служить обозначением военно-служилого класса. Эта проблема признается историками, но предложенные решения нельзя признать убедительными<sup>3</sup>.

Несмотря на наличие специальных терминологических работ, возможности исследования в этом направлении далеко не исчерпаны. Главная причина, на мой взгляд, в том, что учеными до сих пор не учитываются в должной мере достижения летописной текстологии. Например, как ни странно, практически не было попыток рассмотреть социальную терминологию древнейшего летописания не только по Повести временных лет (ПВЛ), но и по тексту Новгородской первой летописи младшего извода (НПЛ мл.) и тем самым использовать (или проверить) идею А. А. Шахматова о Начальном своде (НС). Восполняя отчасти этот пробел, я рассмотрел употребление слова «дружина» в части НПЛ мл. до статьи 6504 (996) г. включительно. В составе этого текста явно выделяется в текстологическом, литературном, историческом и лингвистическом отношениях древнейшее «ядро» летописания. В общих чертах это «ядро» было определено А. А. Шахматовым (в составе «Древнейшего Киевского свода»), позднее его содержание разными исследователями уточнялось, последний раз — А. А. Гиппиусом, который, опираясь на лингвистический анализ, считает возможным возникновение его отнести не только к середине XI в., но даже к рубежу X–XI в.<sup>4</sup>

<sup>1</sup> Горский А. А. Древнерусская дружина. М., 1989; Свердлов М. Б. Домонгольская Русь. СПб., 2003.

<sup>2</sup> Пресняков А. Е. Княжое право в Древней Руси. Лекции по русской истории. Киевская Русь. М., 1993. С. 189–190.

<sup>3</sup> Ср.: Свердлов М. Б. Домонгольская Русь. С. 262–263.

<sup>4</sup> Гиппиус А. А. Рекоша дружина Игореву... К лингвотекстологической стратификации начальной летописи // Russian Linguistics. 2001. Vol. 25. № 2. P. 164.



Всего в этом тексте дружина упоминается 35 раз. Из них 2 упоминания содержатся в Предисловии к НС, т. е. в тексте 90-х годов IX в. Здесь значение слова определено: «мужи-воины, служащие (русским) князьям на некоторых условиях». Такое значение либо ясно видно, либо более или менее уверенно предполагается в 13 из остальных 33 упоминаний. В 10 случаях «дружиной» обозначается некая группа воинов и/или советников (чаще: все войско, состоящее из «воев», или какая-то его часть, например, «с малом дружины»). В 8 случаях оба этих значения по контексту могут подойти, и трудно предпочесть одно из них. Наконец, 2 раза слово имеет смысл «свои (люди), товарищи» без военных коннотаций. Все три значения присутствуют как в древнейших частях текста, так и в позднейших вставках.

В тех примерах, которые приведены из памятников старославянского языка в «Словаре старославянского языка» в статье «Дружина», только третье значение находит прямые аналогии, второе — приблизительные, а первое вообще никаких. На этом фоне употребление слова «дружина» для обозначения княжеской служилой знати является яркой особенностью древнейшего русского летописания. Употребление слова в этом значении последовательно в текстах летописного «ядра»: дружиной обладают только три Киевских князя — Игорь, Святослав и Владимир, причем в первой же статье, где слово употребляется в этом значении (рассказ о гибели Игоря, разбитый между статьями 6430 и 6453 г.), круг этой знати ясно очерчивается и даже понятны условия, на которых она служит.

Таким образом, автор(ы) древнейшей летописи четко представлял(и) себе дружину как совокупность «мужей», служащих киевскому князю. Вместе с тем он(и) приблизительно так же часто говорил(и) о «дружине» в более общем и неопределенном смысле товарищей или войска. Очевидно, учитывая старославянские данные, надо предполагать семантическое развитие слова как спецификацию общего значения в более узкое: от «спутников» к «соратникам, сподвижникам» и «войску», затем к «совокупности служащей князю знати». Этот вывод заставляет внести существенные коррективы в выводы лексикологических исследований, а также с терминологической точки зрения ставит под вопрос поиски историками архаических корней дружины. В значениях слова «дружина» и в их эволюции не прослеживается никаких следов ни домашнего союза, ни объединения на принципе «верной дружбы-службы».

*Т. Суботин (Белград)*

## ПРАЗДНОВАНИЕ «НИКОЛЫ ЛЕТНЕГО» У СЕРБОВ

Св. Николай, несомненно, является одним из самых почитаемых святых христианского мира. Православная христианская церковь два раза в течение года отмечает праздник св. Николая, чудотворца из города Мира в Ликии — 6/19 декабря и 9/22 мая (перенесение его мощей из мира в итальянский город Бари, что произошло в 1087 г.). Уже в следующем 1088 г. Западная церковь установила новый, майский праздник. В русскую среду сведения об этом празднике проникли через посредничество папских послов, прибывших в 1091 г. в Киев и привезших с собой частицу мощей святого.

У сербов Николай пользуется особым уважением; его считают строгим святым. В народе два эти праздника называются зимний и летний, или старый и молодой, Никола.

Многочисленные храмы, посвященные чудотворцу из Мир Ликийских в средневековом сербском государстве, наглядно показывают, в каком почете был Николай у сербов.

Возникает вопрос: знали ли средневековые сербы о существовании и другой даты празднования дня св. Николая? Собирая материал для своей диссертации, я впервые встретилась с майской службой Николаю в двух сербских рукописях конца XVI в. (Архив АН 339, Библиотека Матице српске 286) и немедленно отнесла ее появление к вновь восстанавливающимся отношениям между сербской и русской церквями<sup>1</sup>. Несколько лет спустя я обнаружила майскую службу Николаю в сербской рукописи начала XVI в. Эта рукопись хранится в Австрийской национальной библиотеке (cod.slav.69). Новонайденная служба заставила меня серьезнее заняться доступным материалом<sup>2</sup>. Учитывая особые исторические

<sup>1</sup> Суботин-Голубовић Т. Српско рукописно наслеђе од 1557. године до средине XVII века. Београд, 1999. С. 233–251.

<sup>2</sup> Суботин-Голубовић Т. Празновање преноса моштију светога Николе (9/22. мај) према српским рукописима// Старобългарска литература. 2005. № 33–34. С. 225–233.



обстоятельства и отношения, которые существовали между средневековым сербским государством и итальянскими землями, в особенности под конец XIII и в начале XIV в., вполне можно предположить, что сведения о новом празднике св. Николая могли проникнуть в сербскую среду и прямым путем, без чужого посредничества. В первую очередь, нельзя забывать о том, что король Стефан Первовенчаный одним из своих браков был женат на Анне Дандоло, внучке венецианского дожа, а король Урош I — на Елене Анжуйской, происходящей от южноитальянских Анжувинцев. После смерти своей жены Феодоры король Стефан Дечанский (кстати, внук Елены Анжуйской) вел переговоры о женитьбе на Бланке, дочери Филиппа Тарантского, тоже из сицилианских Анжувинцев. Король Милутин (сын Елены анжуйской и отец короля Стефана) в 1319 г. подарил церкви св. Николая в городе Бари серебряный алтарь и большую икону св. Николая; на алтаре была запись на латинском языке, в которой упоминалась жена Милутина, королева Симонида, и его сын Константин. В архиве церкви св. Николая в Бари сохранились сведения о том, что маленькую икону городского патрона пожертвовала и королева Елена Анжуйская вместе со своими сыновьями Драгутином и Милутином. Икона эта пропала. И сам король Стефан Дечанский в знак благодарности за возвращение вида послал в барскую церковь икону св. Николая<sup>3</sup>. Нет никаких сомнений, что сербы уже в XIII в. поддерживали тесные связи с южноитальянским городом Бари, а члены владетельной семьи слали богатые подарки в церковь св. Николая.

В. А. Мошин еще очень давно пришел к выводу, что сербам в XIII в. майский праздник св. Николая был хорошо известен, но как-то со временем о нем забыли<sup>4</sup>. Мошин привел целый ряд сербских рукописей, в основном евангелий, в которых этот праздник упоминается. К сожалению, в состав малочисленных сохранившихся сербских майских миней того времени служба Николаю (насколько известно) не вошла, так что нет возможности серьезно обсуждать этот вопрос. О. В. Лосева также обратила внимание на культ св. Николая в сербской среде<sup>5</sup>.

Три найденных списка *Службы перенесению мощей* дают возможность изучить структурные особенности и провести сопоставительный текстологический анализ. Все три найденные службы согласованы с Иерусалимским богослужебным уставом, хотя венский ее вариант можно считать более простым. Службы поздних списков состоят из малой и великой вечерни и утрени, а венская служба из одной, которая является сильно сокращенным вариантом великой вечерни поздних списков. В каноне службы венского списка частично сохранился акростих, который свидетельствует о его несомненном славянском происхождении.

В более позднее время (XVI—XVIII в.) указания о праздновании этого дня очень часто появляются в псалтырях с воследованием.

В XVIII в. увеличивается число сербских списков *Службы перенесению мощей* св. Николая, что можно считать последствием усиленного русского влияния в сербской среде.

<sup>3</sup> В. Томић — Де Муро. Српске иконе у цркви св. Николе у Барију, Италија // Зборник Матице српске за ликовне уметности. 1996. №2. С. 107–123; G. Giolfari, Gli zar di Serbia, la Puglia e S. Nicola, Bari, 1989.

<sup>4</sup> Mošin V. Ćirilski rukopisi Jugoslavenske akademije. I dio. Opis rukopisa, Zagreb 1955; isti, Slavenska redakcija prologa Konstantina Mokisijskog u svjetlosti vizantijsko-južnoslavenskih odnosa XII—XIII vijeka // Zbornik Historijskog instituta Jugoslavenske akademije. 1995. №2. С. 17–68.

<sup>5</sup> Почитание свт. Николая Чудотворца в державе короля Милутина, Манастир Бањска и доба краља Милутина. Ниш — Косовска Митровица — Манастир Бањска, 2007. С. 287–292.

Л. Б. Сукина (Переславль-Залесский)

## ЛИЦЕВЫЕ СИНОДИКИ – ПАМЯТНИКИ ПОЗДНЕСРЕДНЕВЕКОВОЙ РУССКОЙ КНИЖНОСТИ: ОПЫТ ИССЛЕДОВАНИЯ

Русская лицевая книжность XVII — начала XVIII в. представляет собой малоизученный феномен отечественной культуры позднего Средневековья. Среди сотен лицевых рукописей этого времени, сохранившихся в библиотечных, музейных и архивных фондах, особого внимания, на наш взгляд, достойны

Синодики — многофункциональные памятники позднесредневековой книжности. Происхождение и литературная судьба текстов Синодиков только сравнительно недавно были тщательно исследованы И. В. Дергачевой. Нами же были выявлены и изучены наиболее интересные лицевые экземпляры.

Предварительные выводы работы основываются на исследовании 33 рукописных лицевых Синодиков и сборников синодичного типа из собраний РГБ, РНБ, РГАДА, БАН, Древлехранилища ИРЛИ, ГИМ, музеев Ярославля, Ростова Великого и Переславля-Залесского.

Временем расцвета Синодика как памятника русской книжности было XVII столетие, когда он уже не только служил литургическим целям, но был также и популярным домашним чтением. В Синодике многие исследователи видят аналогию западноевропейским народным книгам «Искусство умирать» или «Смертные муки». Синодик наилучшим образом соответствовал представлениям русского Средневековья о книге как об «энциклопедии» — вместилище вечных идей, «круге знания» (определение А. С. Орлова).

В состав литературного предисловия Синодик включались статьи о необходимости церковного поминовения усопших со ссылками на Священное писание и труды отцов церкви. В синодичных сборниках этого периода также встречаются тексты эсхатологического и нравственно-учительного характера.

Богатый нравоучительными сюжетами текст книги идеально подходил для иллюстрирования. Среди Синодиков XVII в. примерно четверть составляют лицевые памятники. Сохранившиеся иллюстрированные Синодики не равноценны по своим художественным качествам. Книга, столь насыщенная информацией, представляющей большой интерес и ценность для русского человека «переходного» времени, пользовалась широким спросом. Перепиской и иллюстрированием Синодик-сборников занимались писцы и художники разного уровня как в столице, так и в провинции. Многие зависело и от назначения книги, и от материальных возможностей заказчика. Вкладные рукописи, предназначавшиеся для соборных городских храмов или крупных монастырей, украшались именитыми мастерами, и их иллюстрации принадлежат к числу лучших произведений книжной миниатюры своей эпохи.

Текст синодичных предисловий не тиражировался. Почти каждый раз сборник составлялся заново, и в его состав входили произведения различных жанров: короткая новелла, диалог, учительное слово, отрывки из житий и писаний отцов церкви. Такое разнообразие жанров ставило сложную задачу перед художниками, украшавшими книгу. Миниатюры одной рукописи объединены между собой только композиционно — обычно соблюдался общий принцип размещения картин на листе, сохранялся единый тип рамок, ограничивавших изображение. Однако нельзя сказать, что миниатюристы были совершенно свободны в живописном толковании текста, изображая его содержание «по силе своего вдохновения», как считали некоторые исследователи позапрошлого века.

Синодик, особенно в своем лицевом варианте, служил своего рода «духовным Домостроем» для русского человека «переходного» времени, внушая ему правила православного вероисповедания и благочестивого поведения на все случаи жизни. «Беллетристическая» часть синодичного предисловия, собственно говоря, и была развернутым толкованием глав «о неправедном и праведном житии» из Домостроя. Они делали Синодик ценным носителем нравственной информации не только в позднесредневековый период, но и в последующее время.

Несмотря на сравнительно кратковременный период широкого бытования лицевых Синодиков, их разнообразные по иконографии очерковые миниатюры оставили заметный след в искусстве как XVII в., так и Нового времени, чем иллюстрации других книг того же периода. Незатейливому содержанию и простому литературному языку синодичных рассказов хорошо соответствовал очерково-новеллистический стиль иллюстраций. В миниатюрах Синодик он эволюционировал от своего раннего варианта, близкого к манере исполнения иллюстраций Лицевого летописного свода середины XVI в., до «лубочных» раскрашенных рисунков 90-х годов XV в. Его развитие было тесно связано с изменениями жанровой структуры литературных синодичных предисловий, состоявших в конце XVI — первой половине XVII столетия из фрагментов литургических текстов, поучений и житий и обогатившихся к концу XVII в. за счет новелл европейского происхождения. Все эти разнородные отрывки были приведены художниками-миниатюристами к одному знаменателю, имевшему ярко выраженный национальный характер. Это облегчило переход специфических художественных черт синодичной миниатюры и синодичной книгописной традиции в сферу старообрядческой и народной культуры XVIII—XIX в.

А. П. Толочко (Киев)

ОБ ИСТОЧНИКЕ ОДНОЙ ОШИБКИ В ГЕОГРАФИЧЕСКОМ ВВЕДЕНИИ  
«ПОВЕСТИ ВРЕМЕННЫХ ЛЕТ»: КАВКАЗСКИЕ, ИНАЧЕ КАРПАТСКИЕ, ГОРЫ

В географическом введении к «Повести временных лет» находим странное определение Кавказских гор: среди «северных стран», попавших в жребий Афета, читаем:

*Лавр.:* до Понетъского моря. на полънощнѣна странѣ Дунан Днѣстрѣ. н Кавкъасънскнѣ горы. рекше дугорьскн (ПСРЛ. Л., 1926–1928. Т. 1. Вып. 1–3. Стб. 3);

*Ипат.:* до Понетъского моря. на полунощнѣна стрѣнѣ. Дунан Днепрѣ. н Кавкъаснскнѣ горы. рекше дугорьскнѣ (ПСРЛ. СПб., 1908. Т. 2. Стб. 3).

О том, что наименование Кавказских гор «Угорскими» (под которыми летопись во всех иных случаях понимает Карпаты) есть давняя ошибка, принадлежащая еще архетипу ПВЛ, свидетельствует не только ее наличие в двух основных семьях списков в совершенно тождественном виде, но и то, что она была позднее повторена одним из редакторов Галицко-Вольнской летописи: *Вндоша в землю Перемышлескою. в горы Кавокасъскнѣ рекше во дугорьскнѣ. на рѣкоу Днепрѣ* (ПСРЛ. Т. 2. Стб. 747).

Каким образом автор ПВЛ мог прийти к выводу, что Кавказские горы иначе можно именовать Угорскими?

Самым простым решением было бы предположить, что мы имеем дело с глоссой на поле, в какой-то момент попавшей в основной текст, что и привело к ошибке. Простое решение, однако, не всегда самое верное. Трудно вообразить момент, когда такая глосса могла бы появиться. Кроме того, и в этом случае пришлось бы объяснять источник глоссы: если не автор ПВЛ, но глоссатор полагал Кавказ и Карпаты тождественными горами, чем бы он мог руководствоваться в этом очевидном заблуждении?

Если знакомство с Кавказом на Руси, положим, было приблизительным (но не совсем уж отсутствовало), то Карпаты — постоянный персонаж летописи и прекрасно известный в Киеве географический ориентир. Их ошибочное отождествление, следовательно, имеет литературный источник и произошло, вероятно, под влиянием какого-то авторитетного текста, вынудившего автора ПВЛ — вопреки очевидности — предпочесть его указания реальному положению вещей. Такой источник, как представляется, можно указать.

Прежде, однако, следует сделать небольшое отступление. В начальных фрагментах ПВЛ имеется достаточно сюжетов, так или иначе связанных с Кирилло-Мефодиевской миссией. Устанавливая их происхождение, А. А. Шахматов предположил существование особого источника летописи, названного им «Сказание о преложении книг на словенский язык», откуда якобы летописец и почерпнул все сведения, относящиеся к миссии Солунских братьев<sup>1</sup>. Это *Сказание*, по Шахматову, существовало вне летописи и до летописи. Никаких убедительных оснований для выделения такого источника Шахматов не привел и, по-видимому, не имел. «Вычтя» из текста летописи фрагменты с установленными источниками, «остаток» он записал в *Сказание*. *Сказание* это, по Шахматову, также имело сложный состав: его автор, например, в значительной степени полагался на *Житие Мефодия*<sup>2</sup>.

Есть основания предполагать, что круг известных автору ПВЛ текстов, связанных с Константином и Мефодием, был шире и включал, как это иногда отмечается в литературе, также и пространное *Житие Константина*, и притом не в пересказе, а непосредственно<sup>3</sup>. Так, например, несомненно влияние эпизодов прений Константина в хазарах на знаменитый сюжет «выбора вер» Владимиром Святославичем<sup>4</sup> и его бесед с «философом»<sup>5</sup>.

<sup>1</sup> Шахматов А. А. «Повесть временных лет» и ее источники // ТОДРЛ. М.; Л., 1940. Т. IV. С. 80–92.

<sup>2</sup> Там же. С. 87–90.

<sup>3</sup> П. А. Лавров, например, посвятил этим сюжетам в летописи несколько страниц (см.: Лавров П. Кирило та Методій в давньо-слов'янському письменстві. К., 1928. С. 129–136), к сожалению, примкнув к идее Шахматова о «Сказании». В литературе, однако, можно найти противоречивые суждения об этом предмете. Так, иногда пишут, что в ПВЛ отразилось проложное *Житие Константина* (см., например, комментарии к проложному житию: *Жития Кирилла и Мефодия*. М.; София, 1986. С. 252).

<sup>4</sup> Так же несомненно, кстати, что эпизод с изображением Страшного суда, представленным Владимиру философом и окончательно убедившим его креститься, сюжетно опирается на известие Продолжателя Феофана о крещении болгарского царя Бориса-Михаила под впечатлением изображения Страшного суда.

<sup>5</sup> То, что два эпизода взаимосвязаны, установили уже составители поздних летописных сводов, уверенно указывающие имя беседовавшего с Владимиром философа — Кирилл.



Следовательно, составителю ПВЛ было известно пространное Житие Константина-Кирилла. Именно в этом памятнике и — что важно — непосредственно перед описанием хазарской миссии Константина отыскиваем источник нашей ошибки.

В самом конце гл. VIII Жития рассказывается, что, когда Константин отправлялся из Херсона к хазарам, на него напали угры («нападоша на нь Угрн. ѿко н вѣлческыи воюще. хотѣ н ѡбѣтн»). Следующая, IX, глава начинается тем, что чудесно преодолев эту красочную опасность, Константин **всѣа же въ корабль, пѣтн сѣ ѿтъ козарьскаго. на ометское езеро. н каспїнскаа врата, кавѣкажскыи горѣ**<sup>6</sup>.

Житие Константина, насколько можно судить, единственный доступный автору XII в. текст, где угры каким-то образом увязываются с Кавказом. Соседство угров с Кавказскими горами в примыкающих фразах Жития Константина и могло привести к отождествлению Кавказа с Угорскими горами.

Теперь можно вернуться к предположению о глоссе, ошибочно внесенной в основной текст. Она могла возникнуть как в ПВЛ (где есть и другие попавшие в текст глоссы), так и в тексте самого ЖК и уже отсюда быть заимствованной в текст летописи. Дело в том, что место почему-то оказывалось проблемным для копиистов ЖК<sup>7</sup>. В древнейшем из сохранившихся списков ЖК (ГИМ. Собр. Барсова № 619, нач. XV в.), например, интересующее нас место читается так: **всѣдъ же в корабль пѣтн сѣ ѿтъ. козарьска. на ометское озеро н капннскаа врата. касожьскыи горѣ**<sup>8</sup>.

«Касожские горы» этого списка появились, несомненно, под влиянием *касогов* — народа, упоминаемого в ПВЛ. Но такое чтение доказывает, что *некие* горы, упоминаемые в ЖК, могли ошибочно осмысливаться как носящие имя близ живущего народа. Во всяком случае нельзя исключить вероятность того, что кто-либо из читателей или писцов ЖК мог на поле пояснить экзотическое название гор, приписав «**рекше Оугорьскна**».

С равной, впрочем, вероятностью можно предполагать, что отождествление Кавказа с Угорскими горами могло быть сделано и самим автором ПВЛ. Дело в том, что во времена составления летописи угры неизвестны в Предкавказье и ничто не могло бы наводить летописца на мысль, что эпизоды ЖК имели место именно там. Напротив, угры прочно и неоднократно связываются именно с Карпатами. Здесь очень важен пассаж, специально посвященный автором ПВЛ вопросу, почему вообще горы получили название «Угорских» — оттого, что угры *шли* мимо:

**Идоша Оугре мноу Кневъ горю. еже сѣ зоветь нѣтъ Оугорское...**

**Н оустремншасѣ черестъ горы велнкыа. нже прозвашасѣ горы Оугорьскыа** (ПСРЛ. Т. 2. Стб. 17–18)<sup>9</sup>

Иными словами, гора ли возле Киева, горы ли «великие» получили свои «угорские» названия потому, что мимо проходили угры. То есть именно то, что имеем и в ЖК. Составитель летописи, если позволено реконструировать его чтение соответствующего эпизода ЖК, мог бы прочесть его так: Константин встречается угров поблизости от неких гор, названных Кавказскими, и притом твердо известно, что угры обретаются поблизости от Угорских гор; Кавказские горы, следовательно, есть другое название известных Угорских гор. Такому смещению географии могло дополнительно способствовать и то обстоятельство, что большинство жизненно интересующих летописца эпизодов ЖК происходят в Паннонии, т. е. поблизости от Угорских гор<sup>10</sup>.

Были ли у автора ПВЛ иные указания на местожительство угров?

Что, например, он мог бы узнать об уграх из доступных ему источников? В хронике Георгия Амартола он мог бы найти маловразумительное указание, что угры (среди еще нескольких народов) **доже н донгынѣ на вѣсокыи горахъ н непроходнмыа землн н морю шстатцн шбретають**<sup>с</sup> (но важно, что угры — в горах)<sup>11</sup>. Там же он мог обнаружить угров возле Черного моря в правление императора Ираклия (**нхѣ\* н князь н многы Оугры понмѣ, нзнде на Персы в снѣ тѣжцѣ зѣло**,

<sup>6</sup> Жития Кирилла и Мефодия. С. 59 (факсимильное воспроизведение л. 373 списка РГБ. Ф. 173. № 19).

<sup>7</sup> Варианты, приводимые П. А. Лавровым, таковы: **Кавѣкажскнхъ горѣ; Кавкаснжскнхъ; Кавкасскнхъ; Кавкаснхъ** (см.: Лавров П. А. Материалы по истории возникновения древнейшей славянской письменности. Л., 1930. С. 13).

<sup>8</sup> Там же. С. 141 (факсимильное воспроизведение л. 255 списка ГИМ. Собр. Барсова. № 619).

<sup>9</sup> Любопытно, что в Лавр. фрагмент **нже прозвашасѣ горы Оугорьскыа** отсутствует (ПСРЛ. Т. 1. Стб. 25).

<sup>10</sup> Можно предполагать также и влияние бесспорно известного летописцу Жития Мефодия, в одном из эпизодов которого (гл. XVI) Мефодий встречается с угорским королем *на Дунае*: **прншьдѣшю же на странгы Доунанскыа королю Оугрьскомоу** (см. Лавров П. А. Материалы по истории возникновения древнейшей славянской письменности. С. 77).

<sup>11</sup> Истрин В. М. Хроника Георгия Амартола в древнем славянорусском переводе. Текст, исследование и словарь. Т. 1. Текст. Пг., 1920. С. 55 (далее ссылки на изд. в тексте).



Бѹжєнномъ Понетскѣмъ моремъ подвигса нде (С. 434)); возле Дуная в войнах против болгарского царя Симеона (в рѣкоу Доунаевн в лоднахъ, рекомты<sup>12</sup> дромонѣн, датн данн Оугромъ (С. 528–529); вместе с хорватами (Хрватн н Оугрн н прочнн воеватн на Българты ствѣтъ творахоу (С. 560)); в походе против Константинополя (С. 568).

В общем, это именно те географические ориентиры — Дунай и Понт, которые летописец и указал в географическом введении поблизости от Кавказских, иначе Угорских, гор.

Упомянуть Кавказ и Понт летописец был обязан, так как использовал хронику Малалы (где, кстати говоря, в паре с Дунаем упомянут Дон)<sup>12</sup>. Но — примечательно — при этом он настаивал, что Кавказские, иначе Угорские, горы находятся в «полуночных странах» (непосредственно возле таких рек, как Днепр, Десна, Припять, Двина и т. д.), что из Малалы, как кажется, не следует.

Можно, следовательно, думать, что география летописца действительно оказывается несколько смещена, раз он расположил Кавказ, несомненно, в Восточной Европе. Предполагаемая ошибка в истолковании ЖК, приведшая к отождествлению двух горных массивов, таким образом, согласуется с тем, что находим в ПВЛ: в представлении летописца угры всегда живут в Восточной Европе, и, если поблизости от них обнаруживаются горы (как бы они ни назывались), — это горы Угорские, Карпаты.

<sup>12</sup> Вилкул Т. А. Повесть временных лет и Хронограф // *Paleoslavica* (в печати).

*Н. В. Трофимова (Москва)*

## ПОВЕСТЬ О БИТВЕ НА СКОРНИЩЕВЕ В ЛЕТОПИСАНИИ XV–XVII в.

В летописях XV–XVII в. под 1371/1372 г. помещена небольшая повесть о битве между войсками Дмитрия Московского и Олега Рязанского.

Ранняя редакция повести в кратком варианте содержится в Симеоновской и Рогожской летописях, а в более просторном — в Софийской I. Летописцы сообщают о выходе на Рязань московских воинов в главе с Дмитрием Волынским и сборе большого войска Олегом Рязанским. Рязанские воины как собирательный образ получают характеристику гордецов, унижающих воинские качества противников в хвастливой речи, приведенной летописцами. О сражении говорится кратко, одной фразой, так же представлено и описание его результатов — бегства Олега и вокняжения в Рязани Владимира Пронского.

Оба варианта содержат единую оценку событий, отражают московскую позицию по отношению к междоусобной битве. Авторы дают традиционную провиденциальную трактовку события, согласно которой смиренные пользуются покровительством высших сил, а гордое рязанское войско наказано поражением. Справедливость такого исхода событий подчеркивается тремя библейскими цитатами. Большая распространенность второго текста создается не расширением фактических данных, а увеличением количества эпитетов, синонимических оборотов, свойственных в целом эмоционально-экспрессивному стилю.

В последующей традиции переработка летописцами текста повести шла по двум направлениям. В сокращенных сводах (московских 1497 и 1518 г., Владимирском), Тверском сборнике, общерусском провинциальном Устюжском летописце по списку Мациевича, местном Архангелогородском летописце редакторы в разной степени уменьшают ее объем. Уже в московских сводах из текста исчезают приемы экспрессивного стиля, снимаются библейские цитаты, сохраняется лишь основная событийная канва.

В устюжских летописях из текста изымается прямая речь рязанцев, замененная передачей ее содержания автором, а в Тверском сборнике вместо повести присутствует единственная фраза: «На зиму поиде князь великий Дмитрей на Олега рязанского, и съгна его съ Рязаны, а посади Пронскаго Володимера». Такое движение текста вызвано, очевидно, отдаленностью события от пишущих по времени и в общем незначительностью его для последующей истории Руси. На варианте Тверского сборника могла сказаться и местная позиция: в эпоху описанной битвы московский князь соперничал с тверским в борьбе за великое княжение.

В пространных московских летописях (великокняжеском 1479 г., Воскресенском и Никоновском сводах) находим прямо противоположную тенденцию. В Московском своде 1479 г. видим ряд перестановок, придающих тексту большую логическую мотивированность. Одновременно возникают отдельные стилистические изменения, которые направлены на более четкую расстановку акцентов в характеристиках героев и отчетливое выражение авторской позиции. Они вызывают распространение текста. Редактор этого свода расширяет повествование и за счет введения в текст нескольких воинских формул, появление которых, по всей видимости, вызвано стремлением придать повести традиционную форму.

Продолжение той же работы находим в Никоновской летописи. Редактор максимально усилил внимание к собирательным персонажам повести — московским и рязанским воинам. Эмоциональное противопоставление двух войск достигается длинным рядом синонимов и тавтологическими повторами, морфологическими рифмами, которые создаются рядом стоящими словами, глаголами-антонимами.

Распространяется редактором хвастливая речь рязанцев, которая в древних сводах была направлена на гиперболизацию их гордости и хвастовства и не имела сюжетно мотивирующего значения. Безусловно, рязанские воины не собирались идти против московского войска, вооружившись одними веревками, чтобы вязать москвичей, как они говорят друг другу. Редактор повести, включенной в Никоновский свод, обыгрывает эту речь в описании битвы, представляя рязанцев машущими вместо мечей веревками и канатами. Гипербола, содержащаяся в словах рязанских воинов, реализуется летописцем как реальное событие, в результате чего возникает картина битвы, граничащая с фантастической. Таким образом, речь эта приобретает сюжетное значение, прямо мотивируя развитие действия. Если авторы предшествующих редакций кратко говорили о битве, используя только формулу, которая в некоторых редакциях распространялась, то в Никоновской летописи нарисована гротескная живописная картина сражения, представляющая своеобразный авторский домysel.

Гибель рязанцев изображена с помощью двух сравнений, не встречавшихся в более ранних редакциях этой повести, второе из них носит отчетливо уничижительный характер.

История переработки повести в сводах XV—XVI в. говорит о сохранении некоторых черт местного летописания в это время. Находясь в окружении великого князя московского и пытаясь представить историю Руси с древнейших времен, летописцы, безусловно, хотели показать московских князей как наследников воинской славы предков. Для достижения этой цели редактор Московского свода XV в. стилистически приблизил повествование к традиционной форме воинской повести и усилил уже существовавшие в ранних вариантах текста положительные оценки московского воинства.

Редактор крупнейшего общерусского свода XVI столетия, созданного в Москве, стремясь к достижению той же цели, пошел по иному пути: он последовательно пользовался приемом контраста, подчеркивая достоинства московских воинов и недостатки рязанских с помощью разнообразных художественных средств.

Для летописцев же, работавших в других землях недавно объединенного Московского государства, и тех, которые составляли сокращенные своды, события конца XIV в., видимо, представлялись малоинтересными: междоусобные битвы в борьбе князей за власть остались в прошлом, и описывать их в подробностях уже не имело смысла.

*А. А. Турилов (Москва)*

## К ВОПРОСУ О ВРЕМЕНИ И ОБСТОЯТЕЛЬСТВАХ ВОЗНИКНОВЕНИЯ СПАСО-КАМЕННОГО МОНАСТЫРЯ (ИЗ ИСТОРИИ ЯРОСЛАВСКИХ УДЕЛОВ В XIV в.)

«Сказание о Спасо-Каменном монастыре», написанное в конце XV в. Паисием Ярославовым, на протяжении последних десятилетий неоднократно издавалось, прежде всего трудами Г. М. Прохорова, и достаточно обстоятельно исследовано им как литературный памятник. В то же время источниковедческий анализ сочинения (в особенности его начальной части) до сих пор остается на уровне примечаний Н. М. Карамзина,

уделившего внимание свидетельствам этой «летописи». Исследователи различных специальностей (за исключением, пожалуй, В. О. Ключевского, отмечавшего целый ряд несоответствий) безоговорочно принимают отождествление центрального персонажа начальной части сказания — князя Глеба Борисовича (так во всех списках) — с историческим белозерским (позднее ростовским) князем Глебом Васильковичем, не придавая значения явной противоречивости свидетельств Сказания и их несогласованности с документальными данными по истории обители. Известно, что на протяжении всей прослеживаемой истории ктиторами монастыря до его перехода в середине XV в. под патронат великого князя Московского Василия II Васильевича (Темного) были ярославские, а не ростовские или белозерские князья (что подтверждается жалованными грамотами), притом что сведения о изменении границ между Белозерским княжеством и Кубенско-Заозерским уделом Ярославского во второй половине XIII — первой половине XV в. отсутствуют. Общепринятая гипотетическая дата основания монастыря (ок. 1260 г.) противоречит его местоположению. До второй половины XIV в. — времени нового распространения общежительства — монастыри на Руси создавались исключительно как городские или пригородные, отстоящие от значительного населенного пункта не далее чем на десяток верст. Кроме того, при такой дате основания обитель свыше столетия не имела игумена, так как поставление Дионисия Святогорца нельзя датировать ранее 1378 г. Все это заставляет внимательнее отнестись к обычно игнорируемым исследователями датам в начале повествования (1341 и 1342 г.) и к упоминанию там же великого князя Ивана Калиты.

Полным тезкой ростовского и белозерского князя XIII в. был внук Калиты по матери, второй сын ярославского князя Василия Давыдовича Грозные Очи, родоначальник княжеских фамилий Щетининых, Засекиных и Шаховских. Сведения о нем ограничиваются данными родословных книг. В позднейшее время владения его потомков локализируются на левом берегу Волги к северо-западу от Ярославля, но такая ситуация отражает, возможно, перераспределение уделов потомков Василия Давыдовича между 1362 и 1375 г., после смерти их дяди Михаила и возвращения в их ветвь «большого» ярославского стола. «Вотчиной» князя Глеба, на которую он «шел», оказывается в таком случае не Устюг, а ближайшее к будущему монастырю Устье в Заозерье. Учитывая дату смерти Василия Давыдовича (1345 г.), отъезд на удел его второго сына датируется, вероятнее всего, 1347 г. (при переписке кириллической цифири варианты «6855» и «6850-е» вполне взаимозаменяемы). Период существования новооснованного монастыря без игумена в этом случае лишь немного превышает 30 лет.

Однако велика вероятность того, что в «князе Глебе Борисовиче» Сказания соединилась память не о двух, а о трех соименных исторических лицах. Обычай ставить мемориальные кресты по поводу проведения гидротехнических работ (упоминаемые в Сказании «князь-Глебовы прости» и «князь-Глебовы кресты») не характерен ни для XIII в., ни тем более для XIV в., но хорошо известен в более раннее время («Борисовы камни» 1128 г. на Западной Двине, крест Иванка Павловича 1133 г.). Эти сведения скорее уместно связывать с начальным периодом освоения края — трагически завершившимся походом в Заволочье из Новгорода князя Глеба Святославича в 1079 г.

А. С. Усачев (Москва)

## ВЕЛИКИЕ МИНЕИ ЧЕТЫИ — ИСТОЧНИК СТЕПЕННОЙ КНИГИ?\*

В историографии порой поднимается вопрос о возможности обнаружения непосредственных источников крупнейших памятников древнерусской книжности. Выдвигались подобные предположения и относительно источников Книги степенной царского родословия (далее — СК). К числу ее непосредственных источников исследователи (В. С. Иконников, П. Г. Васенко, В. В. Кусков, Д. Миллер и др.) неоднократно относили Великие Минеи Четьи м. Макария (далее — ВМЧ). Действительно, созданный в 30-е — начале 50-х годов XVI в. этот агиографический свод предшествовал составленной не ранее второй половины 50-х годов СК. В историографии был выявлен ряд вошедших в ВМЧ произведений древнерусской и

\* Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ (проект № 06-04-00497а) и гранта Президента РФ для поддержки молодых ученых (проект МК-6546.2006.6).



переводной литературы, которые послужили источниками СК. Рассматривая вопрос о возможной связи ВМЧ и СК, необходимо отметить, что, как правило, предположение об использовании ВМЧ при составлении СК не подкреплялось текстологическими аргументами. Попробуем заполнить эту лауну в истории изучения памятников и с привлечением накопленного в историографии материала, а также результатов наших собственных наблюдений ответить на вынесенный в заглавие работы вопрос: являлись ли ВМЧ непосредственным источником СК? С этой целью обратимся к тем произведениям, которые вошли как в СК, так и в московские комплекты ВМЧ: Успенский и Царский.

В СК с незначительной правкой вошла пространная редакция Жития Ольги, которая в июльском томе ВМЧ отсутствует. Некоторые из источников Жития Владимира в 1 ст. («Слово о законе и благодати», «Память и похвала» и др.) фиксируются в ВМЧ (а также в целом ряде рукописных книг XV–XVI в.), чего нельзя сказать о ряде иных источников 1 ст. (Поучение на память Владимира, пространная редакция Жития Ольги и др.), которых в этом агиографическом своде нет.

Несомненно использование в СК Киево-Печерского патерика, текст которого включен в майский том ВМЧ (Успенского комплекта) под 3 мая. Как было установлено в историографии (Д. И. Абрамович, Л. А. Ольшевская и др.), Патерик имеет весьма богатую рукописную традицию, представленную, по меньшей мере, 164 списками начала XV – XVIII в.

В основу степенной редакции Жития Всеволода Псковского положена редакция Жития этого святого Василия-Варлаама, которая помещена в ВМЧ, но известна и в независимых от этого свода списках середины XVI в. Как указал А. А. Мельников, в СК помещено Житие Евфросинии Полоцкой в редакции сборников, которая встречается в списках середины XVI в. Редакция сборников также послужила источником для редакции ВМЧ, помещенной под 23 мая (т. е. редакции ВМЧ и СК восходят к общему источнику). В независимых от ВМЧ списках известно и помещенное в них Житие Никиты Переяславского, фрагмент которого читается в 6 ст. К числу источников СК исследователи справедливо относили Пахомиеву редакцию Сказания об убиении в Орде Михаила Черниговского (XV в.), которая включена в сентябрьский том ВМЧ.

Как указал В. П. Мансикка, в основу Жития Александра Невского в 8 ст. СК была положена так называемая Владимирская редакция («Слово похвальное»; исследователь указал его списки середины XVI в.), которая помещена в ВМЧ под 23 ноября. Н. И. Серебрянский и Г. Ленхофф выяснили, что в степенной редакции Жития Федора Ярославского была использована Антониева и минейная редакции (обе не позднее первой четверти XVI в.), которые фиксируются в сентябрьском томе ВМЧ.

В. А. Кучкин отметил, что в СК помещена отличная от ВМЧ редакция Повести о Михаиле Тверском, которая наибольшую близость обнаруживает к Софийской I летописи младшего извода. Помещенная в ВМЧ редакция (ок. 1550 г.), согласно В. А. Кучкину, наибольшую близость обнаруживает к общерусскому летописному своду 60-х годов XV в. Жития митрополитов Петра, Алексия и Ионы в СК также не могут быть возведены непосредственно к ВМЧ — первое в СК включено в редакции Пахомия Серба (XV в.), второе — в Киприановской редакции, источником последнего, судя по всему, послужила так называемая третья редакция Жития Ионы (вероятно, вторая половина 50-х годов XVI в., не ранее 1556 г.).

Краткие выдержки из ряда других использованных в СК произведений или их упоминания (Жития Сергия Радонежского, Стефана Пермского, Кирилла Белозерского, Зосимы и Савватия Соловецких и др.) не дают возможности точно определить, какие именно их редакции были привлечены к созданию памятника.

Промежуточные итоги рассмотрения вопроса о возможном характере взаимоотношений ВМЧ и СК сводятся к следующему:

1) в СК не фиксируются памятники, которые можно было бы возвести исключительно к ВМЧ, — в том случае, когда редакции житий совпадают, есть ряд их списков не позднее третьей четверти XVI в., которые помимо ВМЧ могли быть использованы в СК (Жития м. Петра и Алексия, «Слово о законе и благодати» и т. д.);

2) в ВМЧ отсутствует целый ряд агиографических памятников, которые были включены в СК или на которые ссылается ее автор (пространная редакция Жития Ольги, Поучение на память Владимира и др.);

3) в СК был включен ряд памятников в редакциях, отличных от тех, которые были помещены в ВМЧ (Жития Александра Невского, м. Ионы, Федора Ярославского и т. д.).

Сказанное выше побуждает отказаться от взгляда на ВМЧ как один из основных источников СК.

С. Ф. Фаизов (Москва)

КРАСНЫЙ И БЕЛЫЙ ЦВЕТА В СИМВОЛИКЕ СТРАН СВЕТА,  
ТОПОНИМИКЕ, ТОПОГРАФИИ, ГРАДОСТРОИТЕЛЬНОЙ ПРАКТИКЕ И  
ДЕКОРАТИВНО-ПРИКЛАДНОМ ИСКУССТВЕ РУСИ (ДО КОНЦА XVII в.)

Традиции цветовой географической символики восточных славян не раз становились предметом внимания ученых. Из зарубежных исследователей попытки кратких экскурсов в эту проблему предпринимали Х. Людат и В. Маньчак, из отечественных (СНГ) — Вяч. Вс. Иванов, А. В. Подосинов, М. В. Попович, А. В. Суперанская, О. Н. Трубачев. Все они, за исключением А. В. Суперанской, строили свои оценки на базе известных макротопонимов (Червоной, Черной, Белой Руси, О. Н. Трубачев упоминал также белых хорватов и половцев) и все (за исключением А. В. Суперанской, воздержавшейся от суждения по этому вопросу, и А. В. Подосинова) полагали, что «белому» западу у славян оппонировал «синий» («голубой») восток, а «черному» северу — «красный» юг. А. В. Подосинов восток славян обозначил белым цветом, запад — синим. В основе самого возникновения феномена цветовой символики и такого распределения цветов все авторы, за исключением М. В. Поповича и А. В. Суперанской, видели древнее тюркское влияние, а Попович указывал на неправильно понятые славянами китайские истоки. А. В. Суперанская, ощущая уязвимость суждений о цветовой символике славян на основе нескольких макротопонимов, сделала попытку отыскать типологические смыслы в цветовых гидронимах европейской части СССР, но устойчивые бинарные связи ею не были обнаружены. Неудача А. В. Суперанской очень поучительна. Она подсказывает, что истоки и смысл цветовой символики того или иного этноса нельзя искать только в топонимике. И только в вербальной сфере. Символика универсальна и не знает преград между вербальными, объемными, плоскостными, цветовыми, звуковыми и иными знаками, она допускает и очень часто требует соединения знаков и символов различного происхождения в одном символе. А в тех случаях, когда интерпретатором символа выступает не только человек, но и «конечный носитель бесконечного знания» (Бог), он же основной адресат символа, уровень универсальности выразительных средств аппрезентации может быть самым высоким во всей совокупности используемых обществом средств знаковой коммуникации. Ведь «Бог все видит». Наблюдаемая мной оппозиция топонимического «красного» и физического «белого» (с отдельными рефлексиями в топонимике), нашедшая свое выражение в топографии и топонимике восточнославянского средневекового города, кремлей, монастырей и церквей, а в производной степени — в иконописи и декоративно-прикладном искусстве, отражает стремление человека выйти за пределы конечной области значения мира повседневной жизни и является прорывом к другой реальности — реальности сакрального мира. Репрезентация существования в менталитете, духовной и материальной культуре восточных славян в течение почти полутора тысяч лет универсального красно-белого символа земного и небесного миров имеет принципиальное модернизирующее значение для существующих представлений о цветовой символике восточных славян.

Основные линии модернизации следующие:

1) цветová символика восточных славян принципиально отличается от символики древних тюрков, китайцев и маньчжурского (буддистского) распределения цветов по странам мира и сформировалась на автохтонной основе;

2) ключевую оппозицию среди четырех стран света составляют восток и запад, в цветовой бинарной символике им соответствовали красный и белый цвета; север (черный) и юг (не имевший у восточных славян специфической окраски) являлись второстепенными странами света;

3) оба члена символической пары «красный восток» и «белый запад» вели свой генезис от небесной пары: «красного солнца» и белой (ясной или золотой) луны, при этом фактор двуединства небесных светил имел не меньшее значение для аппрезентационного переноса их на землю, чем простая апперцептивная связь каждого из светил со странами света;

4) универсальная по своему происхождению и обладавшая вселенской смысловой всеобщностью оппозиция «красного востока» и «белого запада» была одним из наиболее чтимых средств коммуникации человека с Богом и социальной коммуникации, она вкуче с сакральными ориентационными представлениями самым существенным образом повлияла на топографию, топонимику и цветовую культуру русского



средневекового города, планировку и архитектурно-пластический образ кремлей, монастырей, церквей и больших светских зданий; ее присутствие хорошо ощущается в православной иконе и декоративно-прикладном искусстве и указывает на не раскрытые еще смысловые пласты русского, украинского и белорусского изобразительного искусства.

Цветовая символика стран света у восточных славян и русского народа, таким образом, не ограничивалась тремя-четырьмя макротопонимами, оставшимися на нескольких картах и в нескольких упоминаниях, она проявила себя как масштабное явление духовной культуры Восточной Европы в течение всего Средневековья (сер. I тыс. н. э. — конец XVII в.). Дальнейшая научная реконструкция этого явления позволит ответить на многие вопросы истории цивилизационного становления Руси.

М. А. Федотова (Санкт-Петербург)

### ЖИТИЕ СЯГО ДИМИТРИЯ РОСТОВСКОГО

В апреле 1757 г. Святейший Синод постановил и отправил Арсению Мацевичу, митрополиту Ростовскому и Ярославскому, указ № 788, согласно которому, с повеления императрицы Елизаветы Петровны и Синода, мощи Димитрия Ростовского, открытые в 1752 г., были признаны нетленными, и Димитрий Ростовский стал первым святым синодального периода Русской Православной церкви. (Подлинное дело об обретении и открытии мощей святого Димитрия Ростовского хранится в РГИА. Ф. 796 (Канцелярия Синода). Оп. 33. № 222.)

Впервые о составлении Жития Димитрия Ростовского упоминается в доношении Амвросия Переяславского, автора одной из неопубликованных служб Димитрию Ростовскому: «...стихиры сочинены из жития, духовной грамоты и из проповеди чудотворцевой...». Действительно, в деле об открытии и освидетельствовании мощей святого, хранящемся в РГИА, имеется небольшой текст, озаглавленный «Житие преосвященного Димитрия». Этот текст, вероятно, и был прислан Амвросием Каменским и является Первой краткой редакцией Жития Димитрия Ростовского.

Митрополит Арсений Мацевич, в свою очередь, составил Житие святителя Димитрия и 25 июня 1758 г. представил его на рассмотрение Синода. Житие Димитрия было впервые напечатано в 1786 г. в первом «Собрании разных поучительных слов и сочинений св. Димитрия, митрополита Ростовского». Исследователи долгое время считали, что текст Жития, опубликованный в Собрании сочинений 1786 г. и неоднократно переиздаваемый как отдельным изданием, так и в составе собраний сочинений писателя, а также при «Летописце келейном» и в составе других сочинений митрополита (в качестве своеобразного «предисловия» к изданиям), принадлежит перу Арсения Мацевича. Однако даже беглый текстологический анализ этих текстов показывает, что печатное житие (в дальнейшем будем называть эту редакцию Жития Димитрия Ростовского Синодальной) написано не Арсением Мацевичем, а другим автором.

Впервые на это обстоятельство обратил внимание при описании архива Синода А. И. Никольский. Независимо от публикации А. И. Никольского профессор А. А. Покровский на заседании Ярославской губернской ученой архивной комиссии прочитал доклад «Новые данные по вопросу о св. Димитрии Ростовском», посвященный первому изданию сочинений Димитрия Ростовского. В докладе на основе архивных материалов А. А. Покровский показал, что первое издание сочинений Димитрия Ростовского являлось инициативой частного лица — Якова Афанасьевича Татищева. Я. А. Татищев имел «циркулировавшее в то время «житие» св. Димитрия, составленное митрополитом Арсением Мацевичем и не одобренное Синодом», но не представил его для издания, «имея в виду сам составить “житие” св. Димитрия». Один из «редакторов» «собрания сочинений» архимандрит Симонова монастыря Павел Пономарев дал отзыв на издание и на Житие, написанное Я. А. Татищевым, но «отзыв Павла был пропущен, и это ввело позднейших исследователей в заблуждение, по которому “житие” Татищева считалось за Арсениево». Если даже исследователи отмечали, что Синодальное житие, напечатанное в первом издании сочинений Димитрия Ростовского, отличается от Жития, написанного Арсением Мацевичем, а значит, не принадлежит последнему, то настоящего автора Синодального жития уже никто не знал.

Житие же Дмитрия Ростовского в редакции Арсения Мацеевича достаточно хорошо было известно в рукописной традиции, издано оно было впервые только в 1913 г.<sup>1</sup>

По-видимому, в период между написанием Жития Арсением Мацеевичем и созданием Синодальной редакции был составлен еще один вариант текста памятника — Вторая краткая редакция Жития Дмитрия Ростовского, озаглавленная «Житие вкратце Дмитрия Ростовскаго, новаго чудотворца». Эта редакция Жития известна нам в двух списках. Один из них — из Ростово-Ярославского музея-заповедника — имеет приписку: «Сочиненное настоятелем Лукой 1760 года». Возможно, автором этого текста был игумен Спасо-Иаковлевского монастыря Лука (1761 — 30 сентября 1763 г.). Вторая краткая редакция Жития Дмитрия Ростовского была создана не ранее 1758 г., в ней упоминается чудо — обращение иноверца-татарина в христианство, относящееся к этой дате.

Таким образом, к концу XVIII в. были созданы две краткие редакции Жития Дмитрия Ростовского: одна, 1756 г., связана с именем Амвросия Каменского, епископа Переяславского и Дмитровского, другая — с именем настоятеля Спасо-Иаковлевского монастыря Луки (создана между 1758 и 1763 г.), кроме того, две полные редакции: редакция Арсения Мацеевича (1757–1758 г.) и Синодальная редакция (1784 г.), написанная Я. А. Татищевым.

Дальнейшая литературная история Жития Дмитрия Ростовского пошла по пути еще большего «биографизма»: в конце XIX — начале XX в. стали появляться как в печатной, так и в рукописной традиции тексты Жития святого Дмитрия, составленные на основе уже существующего Синодального жития, но с добавлениями по другим источникам.

<sup>1</sup> См.: Протокол 84 собрания, 3 марта 1913 г. // Труды Ярославской губернской архивной комиссии. Ярославль, 1914. Кн. 7. Вып. 1. С. 103–106. Благодарю А. А. Турилова, указавшего мне это издание в рецензии на мою статью «Дмитрий, митрополит ростовский и ярославский», написанную для Православной энциклопедии.

Г. Ю. Филипповский (Ярославль)

## О ПРОИСХОЖДЕНИИ РАННЕЙ КРАТКОЙ РЕДАКЦИИ ЖИТИЯ СВ. ЛЕОНТИЯ РОСТОВСКОГО

В. О. Ключевский и вслед за ним Н. Н. Воронин, рассматривая в своих трудах текст Жития Леонтия Ростовского, именовали его краткую редакцию XII в. «Сказанием об обретении мощей Леонтия Ростовского», считая, что возникла она еще до канонизационных текстов 1194 г. ростовского епископа Иоанна. К этой точке зрения присоединились Г. Ю. Филипповский и О. В. Творогов, однако Г. В. Семенченко полагал, что краткая редакция жития — Сказание об обретении мощей епископа — вполне может быть позднейшим сокращением базовой редакции Жития 1194 г., где содержится рассказ о перенесении мощей св. Леонтия в новую церковь. Тем самым ввиду неоднозначности позиций и точек зрения разных исследователей относительно первоначальности краткой редакции данного произведения проблему ее атрибуции нельзя считать решенной.

Важным аспектом этой атрибуции, несомненно, следует признать установление ростовского или же владимирского происхождения краткой редакции рассматриваемого жития, ибо признание этого текста изначально и базово ростовским сталкивается с фактом интенсивного развития литературной работы в великокняжеском Владимире на Клязьме с середины 60-х годов XII в. («Сказания о победе над волжскими болгарами 1164 года и празднике 1 августа», написанное самим Андреем Боголюбским в 1165 г. установление о празднике 1 августа — «Слово великого князя Андрея Боголюбского о милости Божией»). Несомненно, во Владимире в княжение Андрея Юрьевича создается краткое первоначальное «Сказание о чудесах Владимирской иконы Божьей Матери».

Первым и важнейшим трудом по источниковедению Жития Леонтия Ростовского остается работа В. О. Ключевского 1871 г. Ученому остались неизвестны невыявленные тогда еще наукой тексты

краткой редакции Жития типа проложного пергаменного списка СПб. Духовной академии А. 1–264, XIV–XV в. Т. II. Л. 119 об. – 120 об. или списка XV в. собр. Большакова № 188. Л. 115–116 об., а считавшаяся и считающаяся основной краткая редакция пергаменного Пролога XIV в. Син. 246. Л. 102–103 легко выводила В. О. Ключевского и последующих исследователей на редакцию 1194 г. типа Троицк. собр. № 715. 1429 г. Л. 280–283 об. с рассказом о переносе мощей в новую церковь. Притом что все тексты Жития ставят в связь с великим владимирским князем Андреем Боголюбским ряд мотивов: и расширение строительства Успенского собора в Ростове, приведшее к обретению св. мощей епископа Леонтия, и текст прославления мощей новообретенного святого, и посылку белокаменного саркофага, — важно выявить принципиальные различия в текстовой концепции отмеченного первого и второго вида кратких редакций — известной В. О. Ключевскому и неизвестной ему.

Два отмеченных текстовых варианта редакции Сказания разнятся логически мотивированной цепочкой, совокупностью текстовых эпизодов. Одна из кратких редакций Сказания (неизвестная В. О. Ключевскому) упоминает Владимир как место пребывания великого князя Андрея Юрьевича, пожар Ростова приписывает «повелению Божью», дважды употребляет знаковое слово «держава» (Андрея Боголюбского), не интересуется ущербом городу Ростову от пожара, включает постскрипtum автора текста — иерарха высокого положения, говорящего от первого лица («Азь же твой раб по дѣстоянию чимъ похвалити ся могу, но малое се прими славословье...»). Подобные приписки «от первого лица», как уже неоднократно отмечалось, были характерны для произведений владимирской литературной школы второй половины XII в. (сам князь Андрей Юрьевич, его епископ-ставленник Феодор). Другая из кратких редакций «Сказания об обретении мощей Леонтия Ростовского» (известная В. О. Ключевскому) не упоминает вовсе «Владимир» как столицу Андрея Боголюбского, пожар в Ростове приписывает «попущенью Божью», не называет полностью титулатуру князя Андрея (что делает иная редакция), знаковое слово «держава» использует только однажды (притом в контексте, не ущемляющем престиж Ростова, что как раз наблюдается в другой редакции), говоря о пожаре в Ростове, упоминает его ущерб для города (чего нет в другой редакции): «по Божью попущенью загореся городъ Ростовъ и погоре мало не весь град...». В первой из названных кратких редакций Сказания резонно видеть владимирскую по происхождению, а во второй — ростовскую, причем вполне возможно видеть во владимирской первоначальную (затем «репрессированную» и переработанную в Ростове). В первой текстовой редакции прочитываются владимирские державные и столичные амбиции, во второй — снятие оных и «ростовские» акценты (впрочем, вполне естественные). Тема знакового для новой Владимирской Руси Андрея Боголюбского архитектурно-храмового, христианского строительства прочитывается в Сказании (для города Владимира и князя Андрея св. Леонтий — новый небесный покровитель новой державы). Не случайно Ростов не воевал против Владимира при жизни Андрея Боголюбского, но только после его смерти, когда боевые столкновения и соперничество были очень острыми: тогда владимирцы стали для ростовцев «наши холопы каменщики».

Еще два обстоятельства в пользу владимирского происхождения краткой редакции Сказания, которая видится как созданная при жизни Андрея Боголюбского. Текстовая концепция «Сказания об обретении мощей Леонтия Ростовского» поразительно напоминает таковую главного программного литературного текста Владимирской Руси Андрея Боголюбского «Сказания о чудесах Владимирской иконы Божьей Матери»: образ князя Андрея — в центре сюжета движения св. реликвии, покровительствующей новой державе Андрея Боголюбского; мотив архитектурного строительства в обоих произведениях является ведущим (в «Сказании о чудесах Владимирской иконы Божьей Матери» это образ новопостроенных Золотых ворот как символа новой державы). И второе: начало новой державы в Боголюбове по легенде ведет отсчет от чуда в Боголюбове, когда стали кони, как бы указуя на место новой державы, и произошло это 18 июня на память мученика св. Леонтия, которому затем в Боголюбове была срублена церковь (существует и поныне в более позднем варианте). Покровительство великого князя Андрея Юрьевича созданию культа «своего» св. Леонтия выглядит вполне очевидным.



М. С. Черкасова (Вологда)

## СЕВЕРНАЯ РУСЬ В ЭПОХУ ОРДЫНСКОГО ИГА

В докладе предлагается опыт комплексного анализа источников, отразивших некоторые стороны административно-налогового и политического устройства северной Руси в условиях зависимости от Орды. При этом особое значение имеют ретроспективные известия позднейших (XVII–XIX в.) памятников. В 1273 г. в летописях отмечены нападения тверского кн. Святослава Ярославича с татарами на ряд новгородских волостей — Бежицы, Торжок, Волок и Вологду. Так, в последней могла возникнуть княжеская часть, противостоящая новгородской. В поздних источниках в Вологде фигурирует урбоним Числиха. Локализуемый краеведческой традицией в центральной части современного города, район Числихи по отношению к новгородскому ядру находился ниже по течению реки. Данный урбоним наводит на предположение об опорном пункте и агентах ордынской налоговой системы (*численниках*) здесь. Видимо, в Вологде в 70-е годы XIII в. была проведена татарская перепись и население «положено в число». Числихой указанное место могло быть названо в силу поселения на нем «численных» (описанных татарами) людей либо самих численников — переписчиков-налоговиков.

Специального исследования требует характер вологодско-тверских и вологодско-костромских связей, запечатленных в исторической песне о Щелкане. В ней, в частности, говорится, что «Шурьев царь дарил / Озвяк Товрулович / Городами стольными: / Василья на Плесу, / Гордея к Вологде, / Ахромейя — к Костроме». По мнению Л. В. Черепнина, эта песня могла смутно отразить не только события Тверского восстания 1327 г., но и нашествие эмира Едигея на Русь с 4 царевичами в 1408 г. Среди них были Тегриберды, он же Ериклибердей (Гордей), и Алтамырь (Ахромей). После рейда через нижегородские земли у одного из татарских отрядов в 1408 г. было намерение идти как раз на Кострому и Вологду. Набег татар на окрестности Костромы, Галича, Плеса и Вологодское Заозерье в 1429 г. отмечен в летописях и Житии Александра Куштского. После прихода казанских татар в 1538 г. жителям вологодско-костромского рубежа предписывалось совместными силами построить крепость Любим (у впадения р. Учи в Обнору). Район Комельского леса, Лежского Волока и Авнеги в отношении церковной юрисдикции в первой половине XVI в. входил в Костромскую десятину Московской митрополии.

Докончание Василия II с кн. М. А. Верейским в июне 1447 г. фиксирует включенность некоторых земель Вологодского Заозерья в ярославскую «часть» ордынского выхода («по старым дефтерем по крестному целованию»). Вскоре в договоре Василия II с кн. И. А. Можайским (сентябрь 1447 г.) ордынский выход с Заозерской части был уже переадресован с Ярославля на Москву. Под дефтерями понимаются налоговые грамоты, списки (перечни налоговых поступлений? — М. Ч.) в Орду. О проведении переписей в Вологде и уезде с целью взимания выхода известно лишь в 1462–1481 г., когда существовал удел кн. А. В. Меньшого. Необходимость фиксации налогообложения «по сохам и людям» для его выплаты отмечена в завещании Василия II 1461 г. В духовной кн. Андрея 1481 г. упоминалось о большом долге по выходу пред Иваном III, накопившемся с Вологодского удела и предназначенном в Большую Орду, Казань и Касимов.

На широком пространстве севера по писцовым, переписным, окладным книгам, делопроизводственной документации архиерейского дома, историко-статистическим описаниям XVII–XIX в. обнаруживается обширная совокупность *улусов* и *улусцев*, которые упоминаются как меньшая часть волостей либо как синонимы волосток и целостных сельских приходов. Крайняя западная оконечность в распределении этого термина отмечена в Чюриловском улусце Чарондской округи, вологодская группа — в обеих половинах (Заозерской и Первой) уезда (Ратинский, Софоновский, Киземский, Монзенский, Святогорский), тотемская группа по обеим сторонам Сухоны и ее притокам (Нутренский, Векшенгский, Маниловский, Верхоеденгский, Ихалицкий, Чаловский) и, наконец, Пичужский — на юге-востоке Устюжской земли. Одна часть тотемских улусцев была включена в систему ямской гоньбы на «ходучей» (левой) стороне Сухоны, а другая тяготела к верховьям р. Толшмы, связывая тотемско-устюжские земли с галицко-костромскими. С точки зрения устойчивости и преемственности погостской сети расселения и налогообложения считаем показательным совпадение погоста новгородского устава кн. Святослава

Ольговича 1136/1137 г. Векшенга у впадения одноименной реки в Сухону и улусца того же названия в позднейшее время. И это несмотря на сильнейшую хронологическую разведенность выявленных известий — XII и XVII в.!

Одно из объяснений происхождения северных улусцев можно видеть в летописном известии о большой ссылке знатных казанских татар в 1487 г. на Вологду и Белоозеро (Карголом) — царя Алегамы с матерью, женами, сестрами и братьями Мелик-Тагиром и Худай-Кулом. Кроме того, на Вологду в 1480 г. был сослан крымский царевич Хайдар, сын Хаджи-Гирея. В Устюжском летописном своде (УЛС) об этой ссылке отмечено, что вел. кн. Иван III «*татар рассказал по посельским*». Так назывались управители дворцовых сел-волостей, а Белозерье, Вологодчина и Устюг в XV—XVI в. были плотно насыщены как раз дворцовым землевладением. Речь, возможно, должна идти о кормовом обеспечении ссыльной татарской знати с дворцовых комплексов.

Территория между Устюгом и Сольвычегодском в писцовых и переписных книгах XVII в. определялась как Баскачий стан. В устюжской литературе известно сказание о татарском «ясашике» Бугае (Буге), который «имал сильно на постелю» дочь одного поселянина за неуплату им ясака. В условиях народных волнений против татар ради собственного спасения Буга, «добив гражdanом на вече», крестился в православие под именем Иоанна, а затем основал церковь Рождества Иоанна Предтечи. В УЛС это событие отнесено к 1262 г. Во время прихода татар весной 1446 г. жители Устюга откупились 11 тыс. руб. — «копейщиной», под которой понимается старинный копеечный сбор с дыма.

Состав позднейших налоговых взиманий с северных уездов, несомненно, отражает в смешанном и преобразованном виде поборы не только ордынской, но и древнерусской эпохи (что заметил еще Б. Д. Греков) — поминочные деньги, полужная пошлина, тамга, ям/ямское дело/ямщина (по 4 алт. с сохи и, возможно, близкое к яму «поверстное»), посошный корм, подымное, черные соболя. По устюжским, устьянским и сольвычегодским источникам известен тюркский термин «бегоули», обозначающий агентов низового звена кормленной системы, местная фамилия Бегоулевы, а также фигурирует дер. Бегоулевская. Отдельного исследования заслуживает топонимика северных уездов, в изобилии содержащая названия населенных пунктов типа Ахмыльцово, Баскаково, Бакшеево («бакшей» — писец), Дюденево, Татарово, Татаркино, Целканово и пр.

С. Э. Чернов (Москва)

## РАДОНЕЖ: ОТ ВОЛОСТИ К КНЯЖЕСКОМУ УДЕЛУ (1336–1456): ПОСТАНОВКА ЗАДАЧ КОМПЛЕКСНОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

Уделы Московского княжества как первой (1303 и 1340 г.), так и второй (1389 г.) генераций исследовались, главным образом, как элемент политической системы. В работах Н. Д. Назарова и С. М. Каштанова был поставлен вопрос об изучении уделов XIV—XV в. как формы государственного управления и феодального права, отнюдь не являвшейся альтернативой централизационных процессов<sup>1</sup>. Как показало комплексное исследование Коломны, в этом великокняжеском владении функционировали удельные порядки, что не мешало Коломне являться важнейшим ресурсом политики великих князей по собиранию русских земель<sup>2</sup>. В последние годы предметом изучения все чаще становятся внутренняя структура удела, формирование удельной юрисдикции, рост княжеского землевладения<sup>3</sup>. Особого внимания

<sup>1</sup> Назаров В. Д. Дмитровский удел в конце XIV — середине XV в. // Историческая география России: XII — начало XX в. М., 1975. С. 46—62; Каштанов С. М. Русский «удел» XIV—XVI вв. как социально-политическое явление (правовые основы и практика) // Общество, государство, право России и других стран Европы. Норма и действительность. Ранний и развитый феодализм. М., 1983. С. 46—50.

<sup>2</sup> Мазуров А. Б. Средневековая Коломна в XIV — первой трети XVI вв. Комплексное исследование региональных аспектов становления единого Русского государства. М., 2001.

<sup>3</sup> Ивина Л. И. Жалованные грамоты первого удельного князя московского дома первой трети XV в. и Кириллов монастырь на Белоозере: княжеская власть и отношения ее с монастырем // Российское государство в XIV—XVII вв. Сб. статей, посвященный 75-летию со дня рождения Ю. Г. Алексеева. СПб., 2002. С. 194—207; Митрошенкова Л. В. Малоярославский уезд в конце XV—XVIII вв. Историко-географическое исследование. М., 2004; Чеченков П. В. Нижегородский край в конце



заслуживает вопрос о том, как рост вотчинного землевладения во второй половине XIV в. сказался на княжеском землевладении в уделах (села, земли служебных организаций, волостей, служные земли).

В плане изучения этих проблем материалы, полученные в ходе исследования Радонежского удела, представляют значительный интерес.

Удел князя Владимира Андреевича, как ни один другой в Северо-Восточной Руси, отражен в письменных источниках. Сохранилось пять договоров князя с московскими великими князьями, его духовная грамота, а также духовная грамота его вдовы княгини Елены Ольгердовны. Эти документы характеризуют состав земельных владений и феодальных прав, систему третного владения Москвой, статус князя и ряд других тем, многие из которых можно проследить в динамике.

В связи с этим обстоятельством свидетельства поземельных актов и других источников по истории землевладения на этой территории ложатся на достоверно восстанавливаемую историческую канву, отражающую характер княжеской юрисдикции. К сожалению, по основной части Серпуховско-Боровского княжества мы имеем весьма ограниченное число поземельных актов. Зато значительное их количество сохранилось по Радонежу — анклаву Серпуховско-Боровского княжества, на землях которого возник Троице-Сергиев монастырь. Именно эта территория, где свидетельства духовных и договорных грамот счастливо сочетаются с актовыми материалами, является предметом настоящего исследования.

Особая ценность корпуса радонежских актов заключается в их ранней дате: они позволяют реконструировать структуру землевладения и состав феодалов последней четверти XIV — первой половины XV в. Заселение же этой территории (по археологическим данным) началось в конце XIII — первой половине XIV в. и активно продолжалось во второй половине XIV и в XV в. Благодаря этому мы наблюдаем минимальный хронологический разрыв между временем заселения и сложения землевладения, с одной стороны, и временем, когда эти процессы начали фиксироваться в письменных источниках, — с другой.

В ходе осуществления Радонежского микротопонимического проекта (1977—1994) проведены опросы старожильского населения и зафиксировано около 900 микротопонимов. На основании этих данных, пополненных историко-архивными и картографическими свидетельствами, были локализованы на современной геоподоснове масштаба 1: 25 000 границы земельных владений, зафиксированные в межевых книгах 1542/1543 г. и 1680—1684 г.<sup>4</sup>, а затем и «отводы земли», описанные в актах XV в.

В результате сплошного археологического исследования 1976—1994 г. территории Радонежского княжества было выявлено 194 памятника археологии (селища, могильники, участки средневековых дорог), или около 80 % существовавших здесь поселений<sup>5</sup>.

Историко-географическое изучение радонежских актов с учетом микротопонимических и археологических материалов позволило локализовать упоминаемые в них поселения, идентифицировать их с археологическими памятниками и установить местоположение относившихся к ним земельных владений<sup>6</sup>.

Археологические датировки поселений устанавливают *terminus post quem* для конкретных поселенческих структур и соответствующих земельных владений. Это обстоятельство помогает проследить в динамике сложение землевладения небольшого удела последней четверти XIV — первой половины XV в.

В цикле статей предполагается изучить историю Радонежского удела, его границы, административное устройство и характер княжеской юрисдикции, а также княжеское землевладение Радонежской волости — в его центральной части (близ городка Радонежа и с. Воздвиженского) и на севере (близ Троицкого монастыря). Вотчинному землевладению и истории двора радонежских князей в период войны с галичскими князьями планируется посвятить отдельную работу.

---

XIV — третьей четверти XVI в.: внутреннее устройство и система управления. Нижний Новгород, 2004; Юшко А. А. Звенигород московский и удел Звенигородских князей. М., 2005.

<sup>4</sup> Чернов С. Э. Исторический ландшафт древнего Радонежа. Происхождение и семантика // Памятники культуры. Новые открытия. Ежегодник 1988 г. М., 1989. С. 413—438; Он же. Исторический ландшафт окрестностей Троице-Сергиева монастыря и его семантика. Памятники культуры. Новые открытия. Ежегодник 1999 г. М., 2000. С. 655—707.

<sup>5</sup> Свод памятников см.: Археологическая карта России / Под ред. Ю. А. Краснова. Московская область. Ч. 3. М., 1996. Оценка информативных возможностей памятников см.: Чернов С. Э. Мониторинг археологических памятников средневекового Радонежа по данным исторических источников, натурным наблюдениям и инвентаризации 1997 года (Московская область) // Мониторинг археологического наследия и Земельный кадастр. М., 2000. С. 35—79.

<sup>6</sup> Чернов С. Э. Происхождение вотчин XIV—XV вв. в районе Троице-Сергиева монастыря (Историческая география землевладения). АКД. М., 1983.

К. С. Чугунова (Санкт-Петербург)

## ИССЛЕДОВАНИЕ СОСТАВА МЕТАЛЛА КРУГЛЫХ РЕШЕТЧАТЫХ ПОДВЕСОК (ПО МАТЕРИАЛАМ ПОГРЕБАЛЬНЫХ КОМПЛЕКСОВ)

Применение естественно-научных методов в археологии в последнее время становится необходимым условием комплексного подхода к исследованию материала. Для определения химического состава артефактов перспективным методом является рентгено-флуоресцентный анализ (РФА)<sup>1</sup>.

В физической лаборатории Отдела научно-технической экспертизы Государственного Эрмитажа была проведена серия анализов (> 500) ювелирных украшений Северо-Западной Руси XI–XIV в. Исследованные предметы происходят из погребальных комплексов Гдовских курганов, Полужья и восточной периферии Ижорского плато.

Из всего многообразия рассмотренных категорий вещей обратили на себя внимание круглые решетчатые подвески (рис. 1). Был определен химический состав 45 подвесок<sup>2</sup> данного типа. Все они выполнены из одного типа сплава — оловянной бронзы (т. е. основными компонентами сплава являются медь и олово (Cu-Sn)). Содержание олова в сплаве изменяется от 2 до 22 %. По составу сплава подвески можно разделить на высоко- и низкооловянные<sup>3</sup>. Треть подвесок (15 из 45) отлиты из бронзы с содержанием олова в интервале 13–15 % (рис. 2). Примем этот интервал за своего рода условную границу между низко- и высокооловянистой группами подвесок. Для того чтобы определить, имеет ли такое членение смысловой характер, обратимся к анализу комплексов, в которых были найдены решетчатые подвески.

Отметим, что ни в одном из 9 рассмотренных комплексов подвески не встречены по одному экземпляру (количество подвесок в погребении от 2 до 9). Если бы введенное нами разделение имело случайный характер, следовало ожидать, что подвески из одного погребения будут оказываться в разных группах. Однако такого практически не обнаруживается.

Комплексы, содержащие круглые решетчатые подвески, в большинстве случаев имеют широкие даты<sup>4</sup>. На диаграмме (рис. 3) помещены 34 подвески из восьми надежно датированных комплексов. Подвески упорядочены по признаку возрастания содержания олова в подвесках; по оси ординат отложены хронологические интервалы, отвечающие датировке комплексов. Как видно из рис. 3, для высокооловянистых подвесок нижняя граница дат заметно более ранняя, в то время как низкооловянистые подвески концентрируются в памятниках, имеющих более узкую и позднюю датировку.

Уверенно объяснить падение содержания олова в круглых решетчатых подвесках исключительно исходя из хронологии мы на данном этапе исследования не имеем формального права. Наблюдаемые различия могут быть объяснены исходя не столько из хронологических факторов, сколько из экономических. Либо речь может, например, идти о двух группах мастеров, существующих одновременно, но в разной степени обеспеченных оловом.

Однако в пользу хронологического обоснования снижения содержания олова в подвесках может служить некоторая общая тенденция, замеченная нами для всех бронзовых ювелирных украшений рассматриваемых регионов в период XI–XIV в. (рис. 4). В целом в XI–XII/XIII в. гораздо чаще встречаются изделия, выполненные из высокооловянистой бронзы (70 % изделий содержат > 10 % Sn) (рис. 4А). В процентном отношении с течением времени число высокооловянистых изделий уменьшается (рис. 4Б). Так, для периода XI–XII/XIII в. количество предметов с содержанием Sn > 20 % составляет 43 % от общего числа украшений, а для последующего интервала XIII–XIV в. — сокращается до 10 %.

В дальнейшем мы надеемся продолжить данную работу в направлении расширения выборки подвесок и уточнения датировки ряда погребальных комплексов.

<sup>1</sup> Тишкин А. А., Хаврин С. В. Использование рентгено-флуоресцентного анализа в археологических исследованиях // Теория и практика археологических исследований. Барнаул, 2006. Вып. 2. С. 74–77.

<sup>2</sup> Гдовские курганы: Крапивна кург. 12 (5 шт.), кург. 3 (2 шт.); Большие Поля кург. 7/3 (4 шт.); Малые Поля жальн. 9 (2 шт.); Малая Каменка кург. 4/2 (7 шт.), жальн. 27/2 (5 шт.); Ольгин Крест кург. 17 (9 шт.).

Ижорское плато: Вопша, погр. 6а (2 шт.); Рапти курган (2 шт.); Батецкий район случ. нах. (7 шт.).

<sup>3</sup> Какой-либо корреляции между морфологией подвесок и составом их сплава на данный момент не наблюдается.

<sup>4</sup> Лесман Ю. М. Погребальные памятники Новгородской земли и Новгород (проблема синхронизации) // Археологическое исследование Новгородской земли. Л., 1984. С. 142–148.



Рис. 1. Круглые решетчатые подвески.

1 – Крапивна, кург. 3; 2 – Большие Поля, кург. 7/3; 3 – Воша, погр. ба.

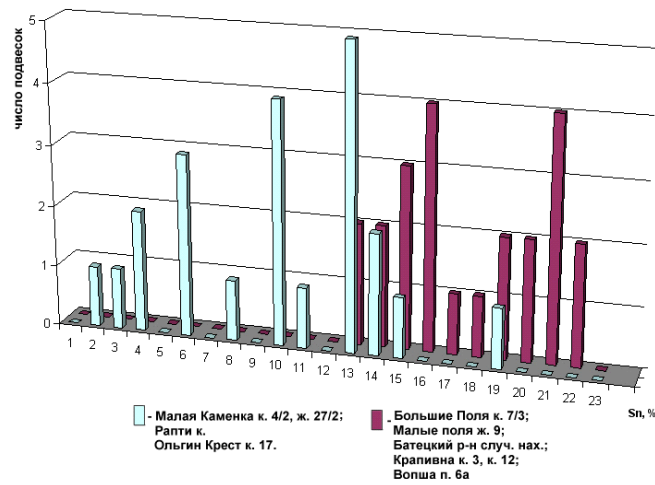


Рис. 2. Частотное распределение подвесок по содержанию олова.

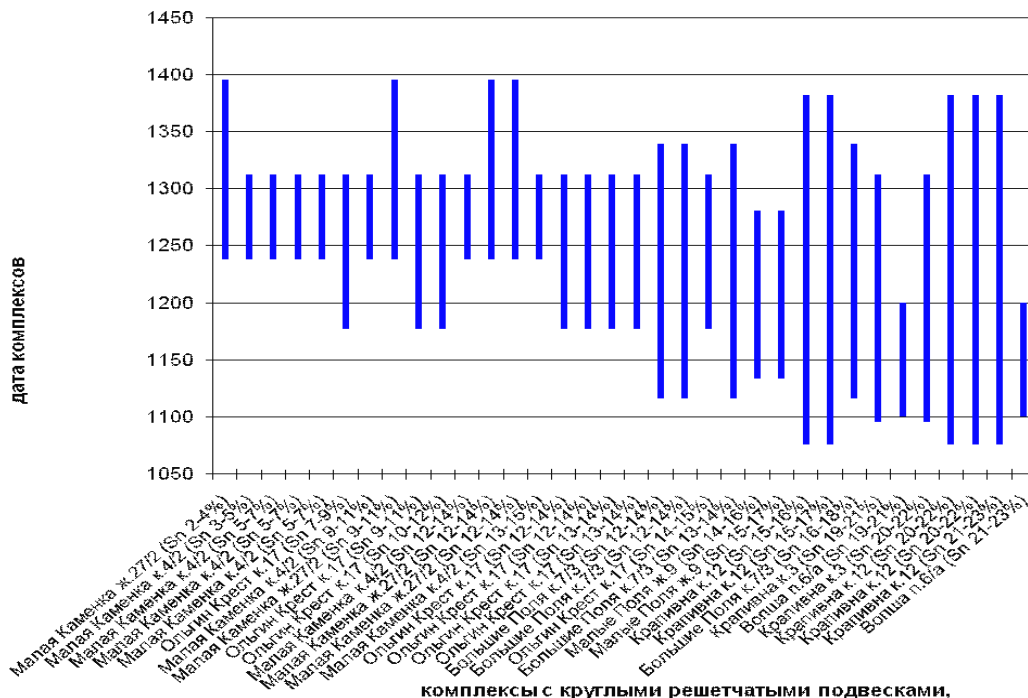


Рис. 3. Диаграмма изменения концентрации олова в бронзовых круглых решетчатых подвесках.



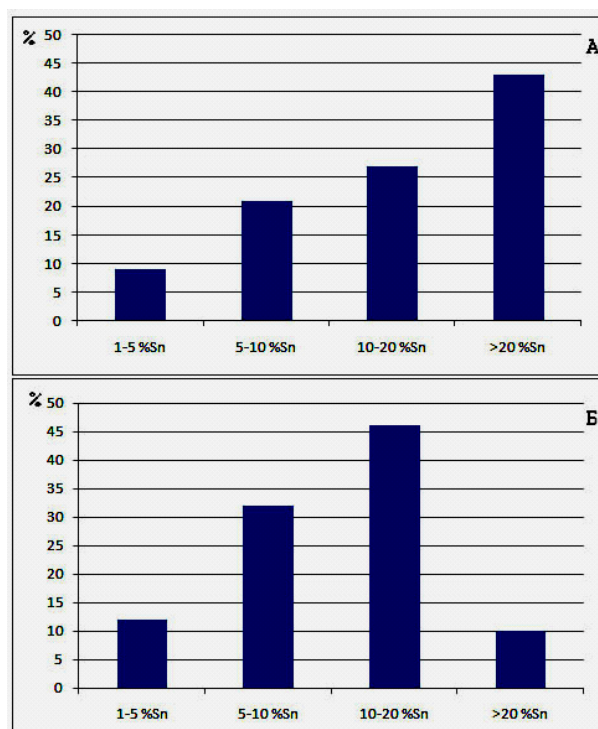


Рис. 4. Частотное распределение украшений по содержанию олова в бронзе (Гдовские курганы, Полужье, восточная периферия Ижорского плато).  
А – XI–XII/XIII в.; Б – XIII–XIV в.

С. М. Шамин (Москва)

### РУССКОЯЗЫЧНЫЕ ЗАПИСИ ЛАТИНИЦЕЙ НА КНИГАХ, ИКОНАХ И ДРУГИХ ПРЕДМЕТАХ (XVII – НАЧАЛО XVIII в.)

Для древнерусской культуры кириллический алфавит не одно столетие являлся единственным типом письма. Кириллица в сознании русских людей XVII в. была тесно связана с православной религиозностью. Долгое время это служило надежным барьером для проникновения в русскую письменность латинского алфавита. Латиница вытесняла кириллицу лишь на территориях земель и княжеств, которые вошли в состав Речи Посполитой и подвергались окатоличиванию. Могли использовать латиницу иностранцы, которые выучили русский язык, но не освоили кириллическую письменность. Так, к примеру, Ф. Я. Лефорт писал свои письма к Петру I на русском языке, но при помощи латинского алфавита (точно так же приехавшие в Россию греки могли передавать русские слова при помощи букв греческого алфавита). Письма Лефорта появились в процессе инкорпорации служилого иноземца в русское общество и русскую культуру. Совершенно иное значение имеют факты использования латиницы в русскоязычных записях русскими людьми, жившими на территории России. Они свидетельствуют о каких-то изменениях внутри самой русской культуры. Подобные примеры довольно редки. Вероятно, из-за этого до настоящего времени попыток их обобщения не предпринималось.

Попробуем выяснить степень уникальности данного явления. Это удобнее всего сделать на примере записей в книгах. Среди записей, зафиксированной Л. И. Киселевой в 900 книгах кириллического шрифта, напечатанных в Москве в XVI–XVII в., две русскоязычных записи латиницей и один случай,

когда латинскими буквами были продублированы первые буквы фамилии, имени и отчества владельца. В другом исследовании, посвященном записям на книгах старой печати XVI–XVII в., из 226 записей XVI–XVII столетий зафиксированы две русскоязычные записи латиницей. Очень часто исследователи, проанализировав значительное число книжных записей, присутствия латиницы вообще не отмечают. Таким образом, русскоязычные записи латиницей составляют значительно меньше 1 % от общего числа записей.

Кроме книг, где русскоязычные записи латиницей встречаются чаще всего, мы видим их на иконах (2), картине (1), табакерке (1), печати (1), фасаде дома (1), документе (1). Часть записей точно датирована (по внутренней дате, или дате документа). Наиболее ранние из таких записей относятся к 1604 г., когда Дмитрий Николаев и Игнатий Кучин (русские студенты, отправленные Борисом Годуновым для обучения за границу) подписали по-немецки свои письма, отправленные к родне в Москву. В строгом смысле эти подписи нельзя назвать русскоязычными. Однако предназначались они русским читателям, для которых основной текст был написан по-русски обычной кириллицей. Начинающие школяры хотели продемонстрировать свои новые знания и причастность к «иноземной» культуре. Подобные записи начала XVII столетия остались изолированным явлением. Возникшее в русском обществе после Смутного времени неприятие иноземного надолго сделало невозможным распространение латиницы в русской культуре. Датированные записи латиницей вновь появляются в начале 80-х годов XVII в. Хронологически они распределяются следующим образом: 1680, 1681/1682, 1683, 1686, 1689, 1697, 1699, 1700, 1730. Остальные записи можно отнести к концу XVII – началу XVIII в. Время их появления сопоставимо с активным периодом жизни одного поколения, которое можно условно назвать «поколением Алексеевичей» – ровесников детей Алексея Михайловича. По своему социальному происхождению авторы надписей латиницей (заказчики произведений искусства с такими надписями) принадлежали к самым разным слоям русского общества. Среди них были представители знати (граф Б. П. Шереметев, окольные А. П. Головин и А. П. Протасьев, стольник В. Ф. Люткин и др.), подьячий, посадские люди, церковный дьякон, монахи. Географически, кроме столиц, это Ростов, Холмогоры, Великий Устюг, Хотмышский монастырь Курской епархии, Ново-Иерусалимский монастырь. Таким образом, мы можем указать лишь одну общую черту, объединяющую авторов записей, – интерес к европейской культуре. Появление русскоязычных записей латиницей следует рассматривать в контексте «культурных экспериментов» предпетровского и петровского времени. Можно предположить, что исчезновение подобных записей связано с появлением упрощенного гражданского кириллического шрифта, с одной стороны, и распространением реального знания иностранных языков – с другой.

Ю. В. Шведова (Москва)

## ФОРМА СУТЬ В СЕВЕРНОРУССКИХ ЖИТИЯХ МЕСТНОЧТИМЫХ СВЯТЫХ XVII ВЕКА<sup>1</sup>

Как показывает анализ данных древнерусских памятников, где-то в XV в. формы связки глагола **быти** в презенсе в живом языке утрачиваются. Одним из результатов этого процесса является то, что форма **суть** в текстах этого времени и более поздних может функционировать как неизменяемое слово, грамматический синоним **есть**, обладающий некоторыми дополнительными компонентами значения, общими с существительным **суть**, – «существенность, самое главное и существенное»<sup>2</sup>.

Интересной иллюстрацией этих наблюдений являются ранее лингвистически не исследованные жития XVII в. северо-западного происхождения: вторая пространная редакция Жития Никодима Кожеозерского (далее – ЖНК)<sup>3</sup>, Житие Серапиона Кожеозерского (далее – ЖСК)<sup>4</sup>, представляющее собой краткую

<sup>1</sup> Работа выполнена при финансовой поддержке гранта Президента РФ МК-6683.2006.6.

<sup>2</sup> Шведова М. Н. Судьба форм презенса глагола **быти** по данным древнерусских памятников // Вестник МГУ. Сер. 9. Филология. 2002. № 5. С. 61–62.

<sup>3</sup> Памятник исследован по ркп: РНБ. Солов. собр. № 182/182. XVIII в. Л. 24 об. – 85 (текст не издан). Новейшее текстологическое исследование памятника см.: Поletaева Е. А. Житие Никодима Кожеозерского в древнерусской агиографической традиции. АКД. Екатеринбург, 2005. С. 12–16.

<sup>4</sup> Памятник исследован по ркп: Солов. собр. № 182/182. Л. 17–24 об. (текст не издан).



редакцию жития менее известного предшественника Никодима Кожеозерского, а также первоначальная краткая редакция Жития Никандра Псковского (далее – ЖНП)<sup>5</sup>.

В этих памятниках **суть** действительно употребляется как грамматический синоним **есть**, т. е. как глагол-связка 3-го лица ед. числа:

И постави тѣ цркъвь во нма чюднаго и стѣаго вѣдѣвенїа Гда Бга и Фїса нашего Іиса Хрѣта и мнѣтръ о немъ согради акоже бо и доднесь видимо **суть** всѣми (ЖСК. Л. 21);

Многа бо и неизреченна претерпѣвъ ѿ вѣсовскаго нахожденїа нхъже невозможно **суть** изглаголати вса подроуна (ЖНК. Л. 39–39 об.);

Поцію врачеваса отъ нѣкоего чавка бынемъ и ничтоже **суть** но наипаче в горшее впадох (ЖНК. Л. 66 об.).

Любопытен тот факт, что смешение **есть-суть** встречается в рамках одного фрагмента: **Азъ есмь Алевїи митрополитъ московскїи а иже со мною суть** тои архимандритъ **есть** Дионїсїи (ЖНК. Л. 57 об.–58).

Необходимо отметить, что для этих текстов вообще характерно сохранение связки в форме 3-го лица ед. числа, причем в большинстве случаев в этой функции употребляется, естественно, форма **есть**: ...Каковы... полѣчити бы желаемое свое намеренїе еже **есть** пѣстынное и безмолвное иноческое пребыванїе (ЖСК. Л. 18) и др.

Все эти конструкции являются маркированно книжными и свидетельствуют о стремлении автора соблюсти нормы стандартного церковнославянского<sup>6</sup>.

Видимо, об этом же намерении говорит и появление формы **суть** в аналогичных конструкциях, которая, очевидно, оценивалась автором как более книжная. Т. е. в данном случае мы сталкиваемся с гиперкорректной заменой **есть** на **суть**, подтверждающей факт утраты глаголом **быти** словоизменения в презенсе.

Интересно, что смешение **есть-суть** распространяется и на конструкции, книжными совсем не являющиеся.

Одной из черт некнижного диалектного синтаксиса, встречающейся в текстах, написанных на гибридном церковнославянском, являются конструкции с «лишним» вспомогательным глаголом в грамматически законченных высказываниях, имеющих свой глагольный предикат-сказуемое как в прошедшем, так и в настоящем времени<sup>7</sup>.

В этих конструкциях личные формы глагола **быти** могут выступать как самостоятельный предикат с бытийным значением, функционирующий в рамках двупредикатного сочетания, и как экзистенциально-модальный показатель, близкий к частице, имеющий значение достоверности существования данного факта. Причем что касается форм презенса глагола **быти**, то в аналогичных высказываниях отмечалась в основном только форма **есть**, известная в этой функции и в современных говорах<sup>8</sup>.

Исследованные же нами памятники интересны тем, что в них весьма широко представлены высказывания с «лишним» **суть**: ...Два жъ **суть**, лишивса истиннаго пѣти спасителнаго, но и паче возложиша хѣлѣ на свѣтаго... и тѣ бо **суть** сорваша съ преклада, иже на Деманкѣ рѣцѣ, и штопоша, а два жъ **суть** возвратишася къ хижѣ свѣтаго, и начаша плакати и молитиса со слезами, и повергоша все взатое на землю, и образы поставиша (ЖНП. Л. 49). В данном примере неоднократно употребленное слово **суть** выступает как экзистенциально-модальный показатель,

<sup>5</sup> Памятник исследован по изд. Н. И. Серебрянского по ркп: РГАДА. Ф. 181. Собр. МГАМИД. № 145/212, XVII в. (Памятники древней письменности и искусства. СПб., 1904. Т. 157. С. 47–56).

<sup>6</sup> В ЖНК даже отмечены примеры употребления гиперкорректной формы **есть** в высказываниях с глаголом-связкой прошедшего времени: **Бѣ** во блженный во всемъ кротокъ **есть** и смиренъ (Л. 32 об.) и др.

<sup>7</sup> См. Шевелева М. Н. Аномальные церковнославянские формы с глаголом **быти** и их диалектные соответствия (К вопросу о соотношении церковнославянской нормы и диалектной системы) // Исследования по славянскому историческому языкознанию. Памяти проф. Г. А. Хабургаева. М., 1993. С. 135–155; Шевелева М. Н. Об утрате древнерусского перфекта и происхождении диалектных конструкций со словом **есть** // Языковая система и ее развитие во времени и пространстве: Сб. научных статей к 80-летию проф. Клавдии Васильевны Горшковой. М., 2001. С. 199–216; Шевелева М. Н. Судьба форм презенса глагола **быти** по данным древнерусских памятников. С. 55–72; Шевелева М. Н. Некнижные конструкции с формами глагола **быти** в псковских летописях // Вереница литер: К 60-летию В. М. Живова. М., 2006. С. 215–241.

<sup>8</sup> См.: Кузьмина И. Б., Немченко Е. В. К вопросу об употреблении «есть» в русских говорах // Материалы и исследования по общеславянскому лингвистическому атласу. М., 1968. С. 144–170; Пожарицкая С. К. Отражение эволюции древнерусского плюсквамперфекта в говорах севернорусского наречия Архангельской области // Общеславянский лингвистический атлас: Материалы и исследования 1993–1994 г. М., 1996. С. 268–280.



подчеркивающий достоверность, реальность происходящего. Может быть, в силу необычности произошедшего факта для его описания требуются дополнительные средства, подчеркивающие его достоверность.

При этом *суть* может употребляться и в высказываниях, которые, казалось бы, ничего необычного не сообщают: **Имаше же преподовныи во шьителн тон некоего брата добродѣтелное жѣтѣ по Бѣѣ имѣще ꙗже сѣтъ часто из шьителн тон исхождаше в пѣтъ ко прѣдвномѣ отцѣ Нѣкодимѣ** (ЖНК. Л. 53) и др.

Ранее в функции экзистенциально-модального показателя, близкого к частице, форма *суть* не фиксировалась, нет и примеров употребления *суть* в этой функции по говорам. Возможно, что в данном случае мы опять же сталкиваемся с гиперкорректной заменой *есть* на *суть*, оцениваемую как более книжную. Т. е. свою диалектную конструкцию автор трансформировал так, что она стала, по его представлениям, удовлетворять требованиям книжной нормы. Примечательно, что *есть* в аналогичной функции ни в одном из исследованных текстов не отмечена.

А. В. Шеков (Тула)

## ЗАМЕТКИ О ЧЕРНИГОВСКОМ ЛЕТОПИСАНИИ XII в.

Как известно, «существование черниговской Л. (летописи. — А. Ш.) в XII в.», ставшей одним из источников Ипатьевской летописи, впервые было доказано А. А. Шахматовым<sup>1</sup>. М. Д. Приселков, изучая источники киевского свода «1200 г.», указал на наличие в его составе фрагментов собственно новгород-северского летописания при отсутствии фрагментов непосредственно черниговского летописания<sup>2</sup>. Известный вклад в изучение состава «летописца кн. Святослава Ольговича» был внесен А. Н. Насоновым и А. К. Зайцевым<sup>3</sup>.

Продолжая историографическую традицию изучения черниговского летописания, представляется интересным обратить внимание на продублированные известия в статье 6668 (1160) г. Ипатьевской летописи<sup>4</sup>. В этой статье, повествующей о событиях 1159/1160 г., дважды написано об осаде кн. Святослава Владимировича в его удельном городе Вщиже коалицией князей во главе с черниговским кн. Святославом Ольговичем, дважды сообщается о поездке бывшего черниговского и киевского кн. Изяслава Давыдовича «оу Вѣтичѣ» после получения им сообщения о заключении мира под Вщижем и дважды сообщается о соединении сил князей Изяслава Давыдовича и Андрея Юрьевича «на Волоцѣ».

Впервые на эти дублирующие друг друга известия указал Н. Г. Бережков, считая, что они происходят из двух источников: «южнорусского по месту первоначальной записи» и из владимирского свода<sup>5</sup>.

На наш взгляд, сравнительно-текстологический анализ известия статьи 6668 (1160) г. Ипатьевской летописи в сопоставлении с известиями статьи 6667 (1159) г. Лаврентьевской летописи позволяет более точно охарактеризовать источники их происхождения.

Фрагмент указанной статьи Ипатьевской летописи от слов «Изяславъ же штолѣ...» до слов «...ко штцо своемѣ Андрѣви в Ростовѣ» следует отнести к группе известий, определенных А. Н. Насоновым как происходящие из северо-восточного источника, «которые вместе с тем сплетены с черниговским рассказом, вмонтированы в черниговский текст»<sup>6</sup>. Можно предположить, что во владимирском летописании фрагмент о конфликте под Вщижем был написан на основе летописного фрагмента, посвященного личности кн. Изяслава Давыдовича и более полно отразившегося в тексте Ипатьевской летописи.

<sup>1</sup> Шахматов А. А. Обзорение русских летописных сводов XIV—XVI вв. М.; Л., 1938. С. 364.

<sup>2</sup> Приселков М. Д. История русского летописания XI—XV вв. СПб., 1996. С. 89—93, 146.

<sup>3</sup> Насонов А. Н. История русского летописания XI — начала XVIII века. М. 1969. С. 82, 83, 85, 87—92, 97, 100—107, 145—149; Зайцев А. К. Дублирующие друг друга известия в статьях 6682, 6683, 6698 и 6701 гг. Ипатьевской летописи // Летописи и хроники: 1980 г. В. Н. Татищев и изучение русского летописания. М., 1981. С. 69—78.

<sup>4</sup> ПСРЛ. СПб., 1908. Т. 2 (фототипич. переиздания — М., 1962, 1998). Стб. 508, 509.

<sup>5</sup> Бережков Н. Г. Хронология русского летописания. М., 1963. С. 171, 172, 331—333.

<sup>6</sup> ПСРЛ. Т. 2. Стб. 508, 509; ср.: ПСРЛ. Л., 1926. Т. 1 (фототипич. переиздания — М., 1962, 1997). Стб. 350; Насонов А. Н. История русского летописания. С. 146.

Следующий фрагмент статьи со слов «том же лѣте поиде Стославъ Волговичъ ко Вщижу...» до слов «... и тако възвотишася въ свои си», судя по характеру изложения информации, происходит из летописи кн. Святослава Ольговича<sup>7</sup>.

Далее, из двух взаимодублирующих фраз о соединении отрядов князей Изяслава Давыдовича и Андрея Юрьевича «на Волоцѣ» одна написана в первую очередь в отношении кн. Изяслава, а вторая относится к северо-восточным известиям второй половины XII в., попавшим, согласно мнению М. Д. Приселкова, в киевский свод «1200 г.» через летописание кн. Святослава Ольговича и его потомков<sup>8</sup>. А. Н. Насонов отметил соединение летописи Святослава Ольговича с летописанием Юрия Долгорукого<sup>9</sup>.

Наблюдения А. Н. Насонова можно дополнить примером включения фрагмента из летописания Юрия Долгорукого в летопись Святослава Ольговича, анализируя известия статьи 6663 (1155) г. Ипатьевской летописи о событиях под Стародубом в сравнении с известиями статьи 6662 (1154) г. Лаврентьевской летописи об этих же событиях<sup>10</sup>.

Все вышеизложенное позволяет, во-первых, предположить, что летописание кн. Святослава Ольговича еще до включения в свод 1198/1199 г. было дополнено по северо-восточному источнику, в том числе содержащему летописный материал, связанный с кн. Юрием Владимировичем (Долгоруком), а во-вторых, поставить вопрос об источнике известий о кн. Изяславе Давыдовиче, отразившихся в Ипатьевской летописи.

В связи с этим следует рассмотреть возможность первоначального появления летописных записей об Изяславе Давыдовиче как органичной части летописи его двоюродного брата кн. Святослава Ольговича. По крайней мере, фрагмент, сохранившийся в статье 6668 г. Ипатьевской летописи: «С того же пути иде (Х. П. — Изяславъ) оу Ватичѣ, тогды же и снимастася на Волоцѣ съ Андрѣемъ съ Гюргевичемъ, тогда же Андрѣвну приведоша за Стослава за Володимира (Х. П. — Володимерича) въ Вщижь», не был органичной частью летописи Святослава Ольговича, так как фраза из указанного фрагмента «иде Изяславъ оу Ватичѣ» во фрагменте из северо-восточного источника продублирована, а заимствований в северо-восточном рассказе об осаде Вщижа из аналогичного известия летописи Святослава Ольговича нет<sup>11</sup>. Фраза рассматриваемого фрагмента о соединении князей Изяслава и Андрея «на Волоцѣ» была продублирована в северо-восточном источнике, отразившемся лишь в Ипатьевской летописи<sup>12</sup>. На независимое от летописания кн. Святослава Ольговича происхождение рассматриваемого фрагмента указывает и его расположение в тексте статьи 6668 г. Он предшествует рассказу об осаде Вщижа из летописи Святослава Ольговича, повествуя о хронологически более поздних событиях.

Отметим, что в составе Ипатьевской летописи сохранилось несколько известий, посвященных личности кн. Изяслава Давыдовича, в отношении которых наиболее вероятно их происхождение из черниговского летописного источника, отличного от летописи новгород-северского кн. Святослава Ольговича. Наиболее доказательно это представляется в отношении дублированных известий в статье 6668 г., менее доказательно — в статьях 6665, 6666 г., предположительно — в статьях 6662, 6664 г., недублированных известий в статье 6668 г.<sup>13</sup> По крайней мере, эти даже фрагментарные наблюдения нельзя игнорировать при характеристике черниговского летописания XII в.

Кроме того, дублирующие друг друга известия в статье 6668 г. Ипатьевской летописи указывают на сложный, а не одновременный характер соединения известий из северо-восточного источника с известиями из черниговского источника, очевидно, еще до их включения в состав киевского свода 1198/1199 г.

<sup>7</sup> ПСРЛ. Т. 2. Стб. 509.

<sup>8</sup> Там же. Стб. 509, 510; Приселков М. Д. История русского летописания. С. 146.

<sup>9</sup> Насонов А. Н. История русского летописания. С. 106, 107.

<sup>10</sup> ПСРЛ. Т. 2. Стб. 477; Т. 1. Стб. 344.

<sup>11</sup> Там же. Т. 2. Стб. 509; Т. 1. Стб. 350.

<sup>12</sup> Там же. Т. 2. Стб. 509.

<sup>13</sup> Там же. Стб. 475, 476, 484, 485, 488, 489, 505–509.

М. А. Шибанов (Санкт-Петербург)

## КОДИКОЛОГИЧЕСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ РУКОПИСЕЙ КИРИЛЛО-БЕЛОЗЕРСКОГО МОНАСТЫРЯ XV в.: ИТОГИ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Изучение книжного дела в России тесно связано с проблемой реконструкции истории монастырских книжных центров, а также написания и бытования книги в XV в. По нашим наблюдениям, XV в. является самым перспективным и наиболее благоприятным для комплексного историко-кодикологического исследования древнерусских рукописей. При этом выбор библиотеки Кирилло-Белозерского монастыря не случаен, поскольку книги именно из этого книгописного центра обладают в данный момент рядом уникальных преимуществ:

1. Полноценное кодикологическое исследование рукописей библиотеки возможно, если мы уверены в не менее чем 50-процентной сохранности рукописного материала. В этом случае достигается достаточная репрезентативность. В Отделе рукописей РНБ в одноименном собрании сохранилась большая часть книжного наследия этого книгописного центра.

2. Мы имеем представление и о примерном количестве книг в библиотеке на конец XV в., благодаря подробным черновой и белой описям библиотеки, в которых раскрывается содержание более 40 сборников, а также краткой инвентарной описи монастыря конца XV в., в которой указаны только названия 210 книг. Именно эти описи позволили более ста лет назад Н. К. Никольскому при их публикации атрибутировать ряд рукописей<sup>1</sup>. Г. М. Прохоров и Н. Н. Розов смогли продолжить эту работу и выявили ряд рукописей, принадлежащих лично Кириллу Белозерскому<sup>2</sup>. Важная проблема, связанная с атрибуцией почерков писцов времени игуменства Кирилла Белозерского, был поднята А. А. Туриловым<sup>3</sup>.

Основываясь на более чем 10-летнем опыте исследования библиотеки Кирилло-Белозерского монастыря, отметим, что из всех идентификационных признаков наиболее важными и достоверными для атрибуции являются данные почерков и филиграней. В рамках исследования нами создан и постоянно пополняется специальный альбом-банк данных почерков монахов Кирилло-Белозерского монастыря. Почерковедческие данные сопоставляются с именованным списком монахов, реконструированным на основании синодика и актового материала. Данные филиграней являются одним из наиболее точных идентификационных признаков происхождения рукописи. Нами осуществляется цифровое сканирование филиграней рукописей с помощью специальной инфракрасной камеры, позволяющей снимать водяной знак практически без мешающего слоя чернильных записей и мгновенно анализировать его на компьютере. В рамках исследования разработана стандартная модель описания филиграней. В результате этой работы создан банк данных по филиграням выявленных рукописей из Кирилло-Белозерского монастыря. В нашем банке данных мы четко отслеживаем два момента — наличие парности и макродеформаций маркировочных знаков, что, к сожалению, практически не учитывается составителями ни традиционных альбомов филиграней, ни электронных баз данных. Парные филиганы обозначаются литерами А и Б. Если в другой рукописи встретилась тождественная филигрань, дается перекрестная ссылка.

Если судить по монастырской описи конца XV в., большинство рукописей (более 85 %) было написано на бумаге, что облегчает их атрибуцию на основании филиграней. Но при этом необходимо учитывать и то, что монастырская опись явно не полная и описывает в основном богослужебные книги или предназначенные для чтения всей братии. Келейные книги или книги так называемого светского характера — исторические сочинения, палеи, летописи и хроники — в опись не вошли. Есть другой ориентир — это запись кирилловского книжника Ефросина, жившего во второй половине XV в., на полях одного из своих сборников о том, что в библиотеке Троицкого монастыря было 300 книг. Учитывая примерный одинаковый масштаб обоих монастырей, можно предположить, что аналогичное или чуть меньшее (около

<sup>1</sup> Никольский Н. К. Описание рукописей Кирилло-Белозерского монастыря, составленное в конце XV века // ОЛДП. СПб., 1897. Вып. 113.

<sup>2</sup> Прохоров Г. М. Книги Кирилла Белозерского // ТОДРЛ. Л., 1981. Т. 34. С. 50–70; Прохоров Г. М., Розов Н. Н. Перечень книг Кирилла Белозерского // ТОДРЛ. Л., 1981. С. 353–374.

<sup>3</sup> Турилов А. А. К истории библиотеки и скриптория Кирилло-Белозерского монастыря в первой трети XV в. (проблема Христофора) // Древнерусское искусство. Искусство рукописной книги. Византия. Древняя Русь. СПб., 2004. С. 373–390.

250) количество книг было и в Кирилло-Белозерской обители к концу XV в. Между тем именно пометы книжника Ефросина являются также важным идентификационным признаком принадлежности рукописи Кирилло-Белозерскому монастырю в XV в. На сегодняшний момент можно уверенно утверждать, что помимо 6 известных и описанных в литературе рукописей еще на двух десятках есть пометы на полях, вставки в текст или исправления, сделанные рукой кирилловского книжника.

Уже сейчас можно подвести определенные итоги работы. Прежде всего, отметим, что с учетом работ предшественников из упомянутых 210 рукописей нами атрибутировано около 140 реально дошедших до нас кодексов, т. е. 2/3 из числа упомянутых в инвентарной описи. Многие из них удалось выявить не только благодаря содержанию, но и на основании кодикологических данных<sup>4</sup>. Все это дает нам право утверждать, что существует большой резерв для расширения этого списка и монастырская библиотека может быть реконструируема на основании кодикологических данных с очень большой полнотой, а количество сохранившихся до наших дней рукописей, вероятно, составляет более половины от числа имевшихся в монастыре на конец XV в.

---

<sup>4</sup> См., например: Шибав М. А. О возможности реконструкции библиотеки Кирилло-Белозерского монастыря XV в. // Мавродинские чтения 2004. СПб., 2004. С. 27–29.

Л. Штайндорфф (Киль)

## ЧУЖАЯ ВОЙНА: ВОЕННЫЕ ПОХОДЫ МОНГОЛОВ (1237–1242) В ДРЕВНЕРУССКИХ И ЛАТИНСКИХ ЛЕТОПИСЯХ

Среди имеющихся латинских источников «История Салоны» архидиакона Фомы Сплитского является наряду с «Горестной песнью» Рогерия одним из основных источников сведений о вторжении монголов в Венгрию. В настоящем исследовании речь идет в меньшей степени о содержащихся в источниках надежных данных о том, в чем заключается разница в ведении войны и боевой технике русского и венгерского войск, с одной стороны, и войск монголов — с другой. На первом плане находятся характер восприятия и стремление к толкованию авторами текстов.

В древнерусских летописях походы монголов против русских княжеств (1237–1242) находят религиозное толкование. Когда татары называются «безбожниками», «проклятыми», «язычниками», «измаильтянами», «беззаконниками» или «проливателями христианской крови», они выступают как представители зла. В других же местах татары действуют как карающее орудие Бога.

Фома толкует татарскую напасть в религиозном плане везде как наказание Божье. По сравнению же с повествованием древнерусских летописей в рассказе Фомы мы находим значительно меньше образности и толкований религиозного характера. Как и во всей хронике, Фома стремится объяснить поведение отдельных лиц и от случая к случаю поставить себя на место действующих. Точно так же, как и древнерусские хроники, Фома отмечает неуважение татар к сакральным местам и могилам.

В обоих типах текстов, в выдержках из древнерусских летописей, с одной стороны, и в сочинении Фомы — с другой, можно установить тот факт, что походы монголов были восприняты как нечто незнакомое и способствовали накоплению нового опыта в ведении войны. Что из-за непродолжительности рассматриваемого периода, во время которого имели место быть первые встречи между монголами и христианским миром, приобретает лишь смутные очертания, то вырисовывается более ясно, если попытаться установить, каково было представление о монголах как на Западе, так и в русских княжествах: как другой при лучшем знакомстве становится в меньшей степени чужим и как в его поведении постепенно можно найти все больше сходства со своим.

М. К. Юрасов (Москва)

## ПОСЛЕДСТВИЯ ЖЕНИТЬБЫ КАЛМАНА КНИЖНИКА НА ЕВФИМИИ ВЛАДИМИРОВНЕ ДЛЯ ОСВОЕНИЯ РУССКИМИ ЗАКАРПАТЬЯ

Уже более трех веков идет дискуссия историков по поводу времени начала колонизации восточными славянами земель по ту сторону Карпат, входивших в Средние века в состав Венгерского королевства. Если не брать в расчет не имеющую серьезного научного обоснования точку зрения некоторых украинских историков ушедших эпох, утверждавших, что предки современных русинов появились в Закарпатье лишь в середине XIV в., вместе с литовским князем Федором Кориадовичем, то можно выделить несколько «волн» миграций восточнославянского населения в северо-восточные комитаты Венгрии.

Одну из таких предполагаемых «волн» исследователи связывают с женитьбой венгерского короля Калмана Книжника (1095–1114/1116) на дочери Владимира Мономаха Евфимии, которую русские летописцы и венгерские хронисты датируют 1112 г. Появление венгерской королевы русского происхождения неизбежно должно было вызвать приезд в Венгрию некоторого количества русских.

У нас нет конкретных свидетельств средневековых исторических сочинений о том, что женитьба Калмана на Евфимии повлекла за собой переселение русских в Закарпатье. Единственное известие об этом содержится в сочинении эстергомского архиепископа Николая (Миклоша) Олаха (1493–1568), посвященном истории и этнографии Венгрии и вышедшем в свет в 1536 г.

В своем одностороннем труде Н. Олах пишет о том, что пришедшие вместе с Евфимией Владимировной в Венгрию «рутены» стали первыми телохранителями венгерских королей. Исследователи не подвергают сомнению достоверность сообщаемых архиепископом сведений. Более того, Дёрдь Дёрффи даже выдвинул гипотезу о том, что уже в средневековой Венгрии слово «орос» ('русский'), помимо этнографического, имело также и другое значение — 'охранник, телохранитель'. Дюла Кришто не согласился с этой гипотезой, указав на то, что самые ранние свидетельства об исполнении русскими в Венгрии функций швейцарцев в раннее Новое время содержатся в некоторых европейских словарях XVI в.

Поскольку с именем сына Калмана Книжника — Иштвана II (1114/1116–1131) — связано упоминание в источниках Русской марки (marchia Ruthenorum), у исследователей возникла соблазна связать появление этого территориального образования на землях средневековой Венгрии с якобы имевшим место массовым переселением русских на приграничные венгерские территории в связи с выходом замуж Евфимии Владимировны за Калмана Книжника.

Попытки объяснить возникновение Русской марки появлением матримониальных связей между Владимиром Мономахом и Арпадами представляются лишенными серьезной аргументации. Учитывая слишком незначительное время существования брачных уз между Евфимией и Калманом (не более полутора–двух лет), заселение пришлыми русскими людьми целой области, к тому же малоосвоенной, видится нереальным. При этом Древнерусское государство испытывало аналогичные проблемы освоения собственных земель, тем более — южных территорий, страдавших от набегов степняков.

Занимаясь вопросом о времени складывания русско-венгерской границы в Средние века, я пришел к выводу о том, что венгерская комитатская система была распространена на северо-восточные окраины королевства не ранее последней трети XI в. При этом замковые округа были образованы лишь в окрестностях Унга (Ужгорода) и Боршовы. Ряд свидетельств различных по жанрам письменных источников позволяет предположить, что Русская марка представляла собой одну из самых отдаленных окраин тогдашнего Венгерского королевства, которая еще не вошла в систему замковых округов. Она была населена восточными славянами еще до прихода венгров на Средний Дунай (рубеж IX–X в.) и сохраняла элементы исконного славянского самоуправления.

В связи с этим мне представляется преувеличением говорить о том, что замужество Евфимии Владимировны вызвало волну миграций русского населения через Карпаты на северо-восточные окраины Венгрии. Слишком незначительным было пребывание Евфимии в роли венгерской королевы (1112–1114), чтобы способствовать заселению целой области пришлыми иммигрантами. В то же время создание отряда королевской охраны, состоявшего исключительно из русских, могло оставить в исторической памяти венгерского народа след, сравнимый с миграцией значительной массы восточных славян в Карпатскую котловину.



